

СИБИРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

SIBERIAN JOURNAL OF PSYCHOLOGY

№ 80

**Зарегистрирован Министерством Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
(свидетельство о регистрации ПИ № 77-12789 от 31 мая 2002 г.)**

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны
быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой
степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

Томск
2021

Учредитель – Томский государственный университет

«Сибирский психологический журнал» является научно-практическим изданием, публикует оригинальные статьи по различным отраслям психологии. «Сибирский психологический журнал» публикует результаты завершённых оригинальных исследований в различных областях современной психологии, ранее нигде не публиковавшиеся и не представленные к публикации в другом издании. Решение о публикации принимается научной редакцией после рецензирования, учитывая соответствие тематике журнала, актуальность проблемы, научную и практическую новизну и значимость, профессионализм выполнения работы, качество подготовки и оформления материала. Официальные языки журнала: русский и английский. Средний срок рассмотрения рукописи 3–6 месяцев.

«Сибирский психологический журнал» выходит ежеквартально. Публикации осуществляются на некоммерческой основе. Все опубликованные материалы находятся в свободном доступе.

Журнал индексируется: eLIBRARY.RU; Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index; Scopus

Адрес редакции и издателя: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, сайт <http://journals.tsu.ru/psychology>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Исполняющий обязанности главного редактора – Лукьянов О.В. (Томский государственный университет, Томск). E-mail: lukyjanov7@gmail.com

Алексеевская Е.О. – ответственный секретарь редакции журнала (Томский государственный университет, Томск). E-mail: sibjorpsy@gmail.com

Богомаз С.А. (Томский государственный университет, Томск); **Бохан Т.Г.** (Томский государственный университет, Томск); **Кабрин В.И.** (Томский государственный университет, Томск); **Карнышев А.Д.** (Иркутский государственный университет, Иркутск); **Козлова Н.В.** (Томский государственный университет, Томск); **Красноярцева О.М.** (Томский государственный университет, Томск); **Серый А.В.** (Кемеровский государственный университет, Кемерово)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Асмолов А.Г. (МГУ имени М.В. Ломоносова, федеральное государственное автономное учреждение «Федеральный институт развития образования», Москва, Россия); **Бохан Н.А.** (Томский национальный исследовательский медицинский центр Российской академии наук, Томск, Россия); **Вассерман Л.И.** (Санкт-Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт имени В.М. Бехтерева, Санкт-Петербург, Россия); **Галажинский Э.В.** (Томский государственный университет, Томск, Россия); **Гарбер И.Е.** (Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия); **Зинченко Ю.П.** (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Знаков В.В.** (Институт психологии РАН, Москва, Россия); **Ковас Ю.** (Голдсмитс, Университет Лондона, Лондон, Великобритания); **Лаги Ф.** (Римский университет Ла Сапиенца, Рим, Италия); **Ломбардо К.** (Римский университет Ла Сапиенца, Рим, Италия); **Лучиди Ф.** (Римский университет Ла Сапиенца, Рим, Италия); **Малых С.Б.** (Психологический институт РАО, Москва, Россия); **Такушян Г.** (Фордхемский университет, Нью-Йорк, США); **Тхостов А.Ш.** (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Ушаков Д.В.** (Институт психологии РАН, Москва, Россия)

Издательство: Издательство Томского государственного университета

Редактор Шумская Е.Г.; редакторы-переводчики: Лукьянова Е.О., Стайпек А.А., Горенинцева В.Н.; оригинал-макет Шумской Е.Г.; дизайн обложки: Кривцова Л.Д.

Подписано в печать 28.06.2021 г. Формат 70x100^{1/16}. Усл.-печ. л. 17,7. Тираж 50 экз. Заказ № 4713. Цена свободная.

Дата выхода в свет 29.06.2021 г.

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании Издательства Томского государственного университета. 634050, пр. Ленина, 36, Томск, Россия

Тел.: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–52-96-75. Сайт: <http://publish.tsu.ru>. E-mail: rio.tsu@mail.ru

© Томский государственный университет, 2021

ABOUT SIBERIAN JOURNAL OF PSYCHOLOGY

Founder – Tomsk State University

The scientific journal “Siberian journal of psychology” publishes the results of the completed original researches (theoretical and experimental manuscripts) in different areas of contemporary psychology which have not been published before in this or any other edition. Besides, it includes descriptions of conceptually new methods of research, round-up articles on particular topics and overviews.

The Editorial Board of the “Siberian journal of psychology” commits to the internationally accepted principles of publication ethics expressed.

International standard serial edition number: ISSN 1726-7080 (Print), ISSN 2411-0809 (Online)

Language: Russian, English

Publications are on non-commercial basis (FREE).

Open access

Term of publication: 3–12 months

Abstracting and Indexing: eLIBRARY.RU; Emerging Sources Citation Index (Web of Science Core Collection's); Scopus.

Contact the Journal

Tomsk State University, 36 Lenin Ave., Tomsk 634050, Russian Federation

<http://journals.tsu.ru/psychology/en/>

Acting Editor-in-Chief – Oleg V. Lukyanov, Dr. Sci. (Psychol.), Tomsk State University, Russia.

E-mail: lukyanov7@gmail.com

Executive secretary – Ekaterina O. Alekseevskaya, Tomsk State University, Russia.

E-mail: sibjornpsy@gmail.com

EDITORIAL COUNCIL

S.A. Bogomaz (Tomsk State University, Tomsk, Russia); **T.G. Bokhan** (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **V.I. Kabrin** (Tomsk State University, Tomsk, Russia); **A.D. Karnyshev** (Irkutsk State University, Irkutsk, Russia); **N.V. Kozlova** (Tomsk State University, Tomsk, Russia); **O.M. Krasnorjadtseva** (Tomsk State University, Tomsk, Russia); **A.V. Seryy** (Kemerovo State University, Kemerovo, Russia)

EDITORIAL BOARD [In Russian Alphabetical order]

A.G. Asmolov (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **N.A. Bokhan** (Mental Health Research Institute, Tomsk, Russia); **L.I. Vasserman** (St. Petersburg Research Institute of neuropsychiatric named Bekhterev, St. Petersburg, Russia); **E.V. Galazhinsky** (Tomsk State University, Tomsk, Russia); **I.E. Garber** (Saratov NG Chernyshevskii State University, Saratov, Russia); **Iu.P. Zinchenko** (Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); **V.V. Znakov** (Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia); **Yu. Kovas** (Goldsmiths, University of London, London, UK); **F. Laghi** (Sapienza University of Rome, Rome, Italy); **C. Lombardo** (Sapienza University of Rome, Rome, Italy); **F. Lucidi** (Sapienza University of Rome, Rome, Italy); **S.B. Malykh** (Psychological Institute Russian Academy of Education, Moscow, Russia); **H. Takooshian** (Fordham University, New York, USA); **A.Sh. Tkhostov** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **D.V. Ushakov** (Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

PUBLISHER:

Tomsk State University Press (Tomsk State University, Tomsk, Russia)

Editor E.G. Shumskaya; editor-translators: E.O. Lukyanova, A.A. Stipek; V.N. Gorenintseva; camera-ready copy E.G. Shumskaya; cover design L.D. Krivtsova.

Passed for printing 28.06.2021. Format 70x108¹/₁₆. Conventional printed sheets 17,7. Circulation – 50 copies. Order N 4713.

36 Lenin Ave., Tomsk 634050, Russian Federation. Tel. +7(382-2)–52-98-49. <http://publish.tsu.ru>. E-mail: rio.tsu@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Общая психология и психология личности

Яницкий М.С., Серый А.В., Браун О.А., Балабашук Р.О., Маслова О.В., Микляева А.В., Терешенко В.В., Филенко И.А., Санжаева Р.Д., Дагбаева С.Б., Неякина Ю.Ю., Кадыров Р.В. Образ мира как психологическая система и его природно-средовые детерминанты	6
Дорфман Л.Я., Гасимова В.А., Калугин А.Ю. Концептуальный и психометрический анализ опросника «Где Я» для измерения субъективного пространства	30
Лукьянов О.В., Дубинина И.А., Бредун Е.В. Аутентификация образовательных практик в дистанционном обучении	53
Сапогова Е.Е., Горелкина М.А. Психосемантические аспекты семейной микрокультуры	67

Педагогическая психология

Волкова Е.Н., Беляева С.И. «Тревожная оценка перспектив» и психологическое благополучие одаренных подростков	91
---	----

Социальная психология

Сычев О.А., Белоусов К.И. Связь этики автономии и этики сообщества с представлениями россиян о Родине	107
--	-----

Медицинская психология

Пастух И.А., Феоктистова Е.В., Протопопова М.А., Сирош Д.С. Психологические особенности больных коморбидными рекуррентным аффективным и паническим расстройством	128
Зятькова Е.О., Стоянова И.Я., Языков К.Г. Стрессоустойчивость и жизнестойкость как психологический ресурс при гелотофобии в контексте психологического здоровья студентов	146

Психология развития. Акмеология

Василенко В.Е., Наталенко Я.В. Проявления кризиса одного года в связи с характеристиками семейного взаимодействия	165
Леоненко Н.О., Осташева Е.И., Иванова Т.В., Давиденко А.С. Модель развития жизнестойкости курсантов в образовательном процессе ВУЗа МЧС России	192

CONTENTS

General psychology and psychology of the person

Yanitskiy M.S., Seryy A.V., Braun O.A., Balabashchuk R.O., Maslova O.V., Miklyaeva A.V., Tereshchenko V.V., Filenko I.A., Sanzhaeva R.D., Dagbaeva S.B., Neyaskina Y.Y., Kadyrov R.V. The Image of the World as a Psychological System and Its Environmental Determinants	6
Dorfman L.Y., Gasimova V.A., Kalugin A.Y. Theoretical and Psychometric Analysis of the “Where I Am” Questionnaire	30
Lukyanov O.V., Dubinina I.A., Bredun E.V. Authentication of Educational Practices in Online Learning	53
Sapogova E.E., Gorelkina M.A. Psychosemantic Aspects of Family Microculture	67

Psychology of education

Volkova E.N., Belyaeva S.I. “Anxious Assessment of Prospects” and Psychological Well-Being of Gifted Adolescents	91
---	----

Social psychology

Sychev O.A., Belousov K.I. Association of the Individualizing and Binding Moral Foundations with Conceptions of Motherland in Russia	107
---	-----

Medical psychology

Pastukh I.A., Feoktistova E.V., Protopopova M.A., Sirosh D.S. Psychological Features of Patients with Comorbid Recurrent Affective and Panic Disorder	128
Zyatкова E.O., Stoyanova I.Y., Yazykov K.G. Stress Management and Resilience as a Psychological Resource in Case of Gelotophobia in the Context of Students’ Psychological Health	146

Psychology of Development. Acmeology

Vasilenko V.E., Natalenko Y.V. Crisis of the First Year and Its Manifestations Due To Family Interaction	165
Leonenko N.O., Ostasheva E.I., Ivanova T.V., Davidenko A.S. Hardiness Development Model in Educational Process at the University of EMERCOM of Russia	192

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

УДК 159.9.072.43

ОБРАЗ МИРА КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА И ЕГО ПРИРОДНО-СРЕДОВЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ

**М.С. Яницкий^а, А.В. Серый^а, О.А. Браун^а, Р.О. Балабашук^а,
О.В. Маслова^б, А.В. Микляева^с, В.В. Терещенко^д, И.А. Филенко^е,
Р.Д. Санжаева^ф, С.Б. Дагбаева^г, Ю.Ю. Неяскина^б, Р.В. Кадыров^и**

^а Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, Кемерово, ул. Красная, 6

^б Российский университет дружбы народов, 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

^с Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 191186, Россия, Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, 48

^д Смоленский государственный университет, 214000, Россия, Смоленск, ул. Пржевальского, 4

^е Томский государственный университет, 634050, Россия, Томск, пр. Ленина, 36

^ф Бурятский государственный университет, 670000, Россия, Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

^г Забайкальский государственный университет, 672039, Россия, Чита, ул. Александровской, 30

^б Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга, 683032, Россия, Петропавловск-Камчатский, ул. Пограничная, 4

^и Тихоокеанский государственный медицинский университет, 690002, Россия, Владивосток, пр. Острякова, 2

Образ мира рассматривается как система, включающая в себя пространственно-временные и ценностно-смысловые компоненты. Исследование, проведенное в десяти городах России, различающихся по географической широте, степени расхождения между поясным и солнечным временем, среднегодовой температуре, суммарной инсоляции, позволило установить влияние данных факторов на субъективные характеристики образа мира. Показано, что наибольшее значение имеет географическая широта места проживания, определяющая существенные различия образа мира «северян» и «южан».

Ключевые слова: жизненный мир; образ жизни; образ мира; пространство; время; ценности; смыслы; хронотоп; природная среда; климат.

Постановка проблемы

Глобальные социально-экономические и экологические изменения, свойственные нынешнему этапу развития цивилизации, создают новую реальность, в которой протекает жизнь человека. Такое объективное изме-

нение его жизненного мира сопровождается и трансформацией его субъективного образа. По мнению С.А. Богомаза, возникающий субъективный образ мира является продуктом избирательной перекодировки новых реалий объективного мира [1. С. 263]. При этом, как отмечает В.П. Серкин, сам образ мира детерминируется не изменяющимися условиями жизни как таковыми, а характером реализуемых в этих условиях деятельностей, т.е. образом жизни [2. С. 114]. Разделяя данную точку зрения, мы полагаем, что происходящая трансформация образа мира, обусловленная меняющимся образом жизни, все же предопределяется в итоге изменением собственно жизненного мира человека.

Образ мира сегодня рассматривается в качестве сложной психологической функциональной системы или же механизма, позволяющего человеку сохранить устойчивость по отношению к меняющемуся миру [3], адаптироваться к изменению условий жизни, трансформируя объективные средовые условия в собственные субъективные возможности [4, 5], и в целом обеспечивающего самоорганизацию и самодетерминацию всей активности личности, ее саморазвитие [6, 7]. В структурном плане, согласно общепринятому пониманию, образ мира – это многоуровневое образование, включающее в себя пространственно-временные и ценностно-смысловые компоненты, выступающие в качестве хронотопических измерений жизненного мира человека [8–12].

Тем не менее в силу двойственности самого жизненного мира человека, имеющего «совмещенную» субъективно-объективную природу и, соответственно, субъективные и объективные координаты [13], его образ также вряд ли можно рассматривать как исключительно субъективный феномен. По словам В.П. Серкина, «образ мира не приписывается миру субъективно, это наполнение образа реальности значениями и, тем самым, построение его» [14. С. 106]. В этой связи в разработанной нами ранее модели образа мира человека отражены как его субъективные, так и объективные пространственно-временные и ценностно-смысловые характеристики [15].

В качестве интегративной характеристики субъективного пространства человека мы предлагаем рассматривать упорядоченную иерархию его субидентичностей в основных сферах жизнедеятельности. Субъективными временными характеристиками образа мира выступают временная перспектива личности как совокупность представлений человека о своем прошлом, настоящем и будущем и отношений к этим временным локусам, восприятие активности, эмоциональной окраски, наполненности времени и т.д. Субъективными ценностно-смысловыми характеристиками образа мира в нашей модели являются ценностные ориентации личности, их осознание, внутреннее принятие и степень фактической реализации, а также осмысленность жизни и ее конкретных временных локусов – прошлого, настоящего и будущего, которые определяют актуальное смысловое состояние личности.

Объективными пространственными параметрами жизненного мира человека и, соответственно, его образа, выступают особенности природной

среды – широтная зональность и сезонные изменения продолжительности светового дня, высотная поясность, особенности географического ландшафта, климатические и погодные условия и др. Объективной временной характеристикой жизненного мира в нашей модели является степень расхождения между астрономическим временем, заданным меридианной зоной места проживания, и официальным часовым поясом. В качестве условно объективных ценностно-смысловых характеристик рассматриваются внешние по отношению к человеку ценностные предпочтения массового сознания и ценности значимых социальных групп, а также значения (смысловые универсалии) основных параметров жизненного мира, общие для соответствующей социокультурной группы.

Конечно, выделенные характеристики образа мира разграничены достаточно условно и не могут рассматриваться изолированно, так как находятся в субординационных и причинно-следственных отношениях: объективный мир задает контекст субъективной реальности, а объективные параметры образа мира выступают в качестве факторов-условий, определяющих особенности его субъективных характеристик. Однако специфика взаимосвязи между всеми вышеперечисленными характеристиками образа мира, определяющаяся контекстом жизненной ситуации, в настоящее время недостаточно изучена.

Объективные пространственные параметры образа мира человека ранее рассматривались через призму «географического детерминизма» психологических явлений, однако в последнее время идея природно-средовой обусловленности последних утратила свою значимость, и сам термин «пространство» в постнеклассической психологии стал пониматься, скорее, не как физическая, а как «сверхчувственная» внутренняя характеристика [16–18]. При анализе же внешних пространственных детерминант образа жизни и образа мира в современных психологических и даже географических исследованиях изучаются в основном особенности социальной среды [19–21]. Тем не менее в отдельных психофизиологических исследованиях в качестве природно-географической детерминанты образа жизни рассматривается, в частности, географическая широта места проживания. Например, по данным М.Ф. Борисенкова, по мере увеличения широты проживания отмечается последовательное возрастание доли позднего типа суточной активности [22].

В качестве объективной временной детерминанты субъективных психологических характеристик изучаются, в частности, особенности часового пояса, задаваемые географической долготой места проживания. Географическая долгота, очевидно, сама по себе не может рассматриваться как природная детерминанта образа жизни и образа мира, однако в данном контексте исследуется влияние степени расхождения между официально установленным и фактическим солнечным временем. Так, психофизиологические исследования свидетельствуют, что значительная разница между ними приводит к рассогласованию биологических часов человека, ухудшению его самочувствия и, соответственно, к снижению субъективного

качества жизни [23]. Однако эти и другие подобные частные исследования касаются лишь отдельных фрагментов образа мира человека.

Вопросы детерминированности системы ценностно-смысловых и пространственно-временных характеристик образа мира смысловыми универсалиями или же ценностными представлениями тех или иных больших социальных групп [24–27] являются на сегодня, вероятно, наиболее проработанными. В этой связи их отдельное изучение вынесено за рамки настоящего исследования.

Приведенный анализ позволяет обозначить существование определенного противоречия между очевидной значимостью объективных природно-географических факторов в формировании образа жизни человека и недостаточной изученностью их влияния на становление его субъективного образа мира. Данная проблема представляется особенно актуальной для понимания образа мира современной молодежи, чьи формативные годы приходятся на период серьезных и многоплановых изменений окружающего мира.

В этой связи целью данного исследования является изучение направленности и характера детерминации субъективных пространственно-временных и ценностно-смысловых параметров образа мира человека объективными природно-географическими факторами.

Методы и организация исследования

В исследовании приняли участие 450 студентов дневной формы обучения, представляющих собой однородную группу по режиму и характеру деятельности. Данная выборка нормализована по полу, возрасту и профилю обучения. Основными методами сбора данных являлись опрос и комплекс диагностических методик.

Опрос проводился с использованием самостоятельно разработанной анкеты, направленной на установление природно-географических характеристик места жительства. В исследовании анализировались следующие природно-средовые факторы места проживания респондентов:

- географическая широта;
- степень расхождения между официальным поясным и фактическим временем, заданным географической долготой;
- среднегодовая температура;
- количество солнечных часов в год (суммарная инсоляция).

Мы стремились обеспечить максимальное разнообразие данных характеристик физической среды, в связи с чем в исследовании приняли участие респонденты, проживающие в десяти городах России, существенно различающихся по всем описываемым параметрам: Владивостоке, Кемерово, Москве, Петропавловске-Камчатском, Ростове-на-Дону, Санкт-Петербурге, Смоленске, Томске, Улан-Удэ, Чите. Соответствующие характеристики мест проживания, полученные из общедоступных справочных источников, представлены в табл. 1.

Таблица 1

Природно-географические характеристики мест проживания исследуемых лиц

Места проживания	Географическая широта, градусов с.ш.	Географическая долгота, градусов в.д.	Среднегодовая температура, градусов Цельсия	Суммарная инсоляция, солнечных часов в год
Петропавловск-Камчатский	53,0444	158,651	2,8	1 662
Владивосток	43,1056	131,874	4,9	2 081,3
Чита	52,0317	113,501	-2,3	2458
Улан-Удэ	51,8272	107,606	-0,1	2 797
Кемерово	55,3333	86,0833	1,3	1 959,6
Томск	56,4977	84,9744	0,9	1 958
Ростов-на-Дону	47,2313	39,7233	9,9	2 139
Москва	55,7522	37,6156	5,8	1 723
Смоленск	54,7818	32,0401	5,4	1 762,2
Санкт-Петербург	59,9386	30,3141	5,8	1 628

Комплекс психодиагностических методик, направленных на изучение субъективных характеристик образа мира исследуемых, включал в себя опросник структуры идентичности, разработанный М.С. Яницким, А.В. Серым, О.А. Браун на основе теста «Двадцать утверждений самоотношения» М. Куна и Т. Макпартленда [28], модифицированный графический тест «Круги» Т. Коттла [21];, адаптированную методику «Шкала полихронных ценностей» А. Блюдорна [29], адаптированную методику «Шкала ценности времени как экономического ресурса» Ж. Узюнье [29], методику «Семантический дифференциал времени» (СДВ) Л.И. Вассермана, Е.А. Трифионовой и К.Р. Червинской [30], методику Р. Инглхарта в модификации М.С. Яницкого [31], тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева в концептуализации А.В. Серого [31].

Так как большинство анализируемых характеристик не имеет нормального распределения, для оценки достоверности групповых различий был использован U-критерий Манна–Уитни. При приближении распределения к нормальному учитывалось также Z-значение для нормального распределения.

Результаты

Объективными пространственно-временными характеристиками образа мира человека выступают природно-географические особенности среды его жизнедеятельности. К таким характеристикам мы в данном исследовании относим основные параметры физической среды места проживания, прежде всего географическую широту и степень расхождения между поясным и фактическим временем, а также некоторые климатические особенности, такие как среднегодовая температура и среднегодовая продолжительность солнечного сияния. Влияние соответствующих природно-географических

факторов на субъективные характеристики образа мира изучалось методом сравнительного анализа, путем установления степени их различий в группах респондентов, выделенных по степени выраженности рассматриваемого фактора. С учетом характеристик мест проживания исследуемых, приведенных в табл. 1, вся выборка была разделена на группы, различающиеся по степени выраженности следующих детерминант.

1. Географическая широта:

< 55° с.ш. (Владивосток, Ростов-на-Дону, Улан-Удэ, Чита, Петропавловск-Камчатский) – 227 чел.;

> 55° с.ш. (Кемерово, Москва, Смоленск, Томск, Санкт-Петербург) – 223 чел.

2. Степень расхождения между поясным и фактическим временем:

0 часов (Москва, Ростов-на-Дону) – 88 чел.;

0,5–1,5 часа (Владивосток, Улан-Удэ, Чита, Петропавловск-Камчатский, Кемерово, Томск, Смоленск, Санкт-Петербург) – 362 чел.

3. Среднегодовая температура:

< 5°С (Чита, Улан-Удэ, Томск, Кемерово, Петропавловск-Камчатский, Владивосток) – 268 чел.;

> 5°С (Смоленск, Санкт-Петербург, Москва, Ростов-на-Дону) – 182 чел.

4. Количество солнечных часов в год (суммарная инсоляция):

< 2 000 часов (Санкт-Петербург, Петропавловск-Камчатский, Москва, Смоленск, Томск, Кемерово) – 276 чел.;

> 2 000 часов (Владивосток, Ростов-на-Дону, Чита, Улан-Удэ) – 174 чел.

Выделенные группы обнаружили различия по всем рассматриваемым субъективным характеристикам образа мира – пространственным, временным и ценностно-смысловым.

Субъективные пространственные характеристики образа мира изучались с использованием авторского опросника структуры идентичности, разработанного на основе теста «Двадцать утверждений самоотношения» М. Куна и Т. Макпартленда, позволяющего установить значимость членства в различных социальных группах и тем самым очертить социально-психологическую «территорию» человека.

Как следует из полученных результатов, анализируемые природно-географические факторы оказывают существенное влияние на особенности структуры идентичности личности, определяя субъективную значимость ее компонентов (табл. 2). Так, гендерные и семейно-ролевые основания идентичности (сын / дочь, мужчина / женщина, муж / жена) имеют достоверно более высокий приоритет для исследуемых, которые проживают в южных и относительно теплых и / или солнечных регионах. Поколенческая идентичность (представитель молодежи), напротив, более существенна для жителей северных и / или более «пасмурных» городов, к которым в нашем исследовании относятся и крупнейшие мегаполисы – Москва и Санкт-Петербург. Значимость этнической (представитель своего народа), а также гражданской (гражданин своей страны) и мировоззренческой (представитель вида *Homo sapiens*) идентичности в нашем исследовании

связана, вероятно, с особенностями не столько природной, сколько социальной среды; эти составляющие идентичности оказываются более важными, в частности, для жителей южного и дальневосточного фронта (Ростов-на-Дону, Владивосток), а также городов, характеризующихся наибольшей этнокультурной спецификой (Улан-Удэ, Чита). Городская идентичность (житель данного города) также, по-видимому, в большей степени зависит от факторов социокультурной среды – ее ранг несколько выше преимущественно в городах со средней численностью населения и относительно ниже в больших городах (Москва, Ростов-на-Дону).

Таблица 2

Результаты теста структуры идентичности в исследуемой группе в зависимости от рассматриваемых природно-географических факторов, средние ранги

Компоненты структуры идентичности	Природно-географические факторы							
	Географическая широта, градусов с.ш.		Расхождение между поясным и фактическим временем, час		Среднегодовая температура, градусов Цельсия		Суммарная инсоляция, часов в год	
	< 55 N = 226	> 55 N = 223	0 N = 88	0,5–1,5 N = 361	< 5 N = 267	> 5 N = 182	< 2 000 N = 276	> 2 000 N = 173
Я как уникаль- ная личность	4,1	4,3	4,6	4,1	4,1	4,3	4,4	3,9
Я как мужчина / женщина	4,6	5,2	5,4	4,7	4,7	5,1	5,0	4,6
	p = 0,028; Z = 2,18							
Я как сын / дочь	4,5	5,6	5,2	5,0	4,9	5,2	5,4	4,5
	p < 0,001; Z = 4,15						p < 0,001; Z = 3,86	
Я как (буду- щий) профес- сионал	5,8	5,8	5,9	5,8	6,0	5,6	5,6	6,1
Я как студент	6,1	6,0	6,6	5,9	6,2	5,9	6,0	6,1
Я как (буду- щий) муж / жена	7,1	6,8	6,2	7,2	7,4	6,3	6,9	7,2
			p = 0,047; Z = 1,99		p = 0,009; Z = 2,62			
Я как друг / подруга	7,1	7,1	6,6	7,2	7,3	6,9	7,0	7,3
Я как (буду- щий) отец / мать	8,4	8,4	7,9	8,5	8,7	8,0	8,5	8,3
Я как предста- витель молодежи	9,2	8,5	9,1	8,8	8,9	8,8	8,5	9,4
	p = 0,019; Z = –2,35						p = 0,004; Z = –2,86	
Я как гражда- нин своей страны	9,2	9,7	9,9	9,4	9,2	9,8	9,8	9,0
							p = 0,038; Z = 2,06	
Я как предста- витель своего народа	9,2	9,8	9,9	9,4	9,1	10,0	9,8	8,9
					p = 0,011; Z = –2,52		p = 0,012; Z = 2,49	

Окончание табл. 2

Компоненты структуры идентичности	Природно-географические факторы							
	Географическая широта, градусов с.ш.		Расхождение между поясным и фактическим временем, час		Среднегодовая температура, градусов Цельсия		Суммарная инсоляция, часов в год	
	< 55 N = 226	> 55 N = 223	0 N = 88	0,5–1,5 N = 361	< 5 N = 267	> 5 N = 182	< 2 000 N = 276	> 2 000 N = 173
Я как житель данного города	10,1	10,2	10,7 p = 0,04; Z = –2,03	10,0	9,9	10,5	10,2	9,9
Я как представитель вида Homo sapiens	10,2	11,0	10,8	10,6	10,3	11,0	11,2 p = 0,001; Z = 3,36	9,7
Я как член неформальной группы	11,6	11,4	11,4	11,5	11,5	11,6	11,4	11,7
Я как последователь своей религии	12,3	12,2	11,7	12,4	12,3	12,3	12,3	12,2
Другое	12,6	14,0	12,2	13,6	13,5	13,0	14,0	12,2

Примечание. Здесь и далее в таблицах полужирным шрифтом выделены статистически значимые различия.

К субъективным временным характеристикам образа мира относятся, в частности, связанность трех временных модусов (прошлого, настоящего и будущего) и их субъективная приоритетность (доминантность), которые изучались с использованием модифицированного графического теста «Круги» Т. Коттла. Результаты по данной методике, приведенные в табл. 3, свидетельствуют о существенном влиянии рассматриваемых природно-географических параметров на связанность временной перспективы. Факторами, определяющими сравнительно высокий уровень смысловой взаимосвязанности прошлого, настоящего и будущего, оказываются северное расположение места жительства, наличие расхождения между поясным и фактическим временем, относительно высокая средняя температура и относительно низкий уровень инсоляции. Действие анализируемых детерминант в отношении доминантности того или иного временного модуса является не столь однозначным, однако выраженность всех названных природных факторов отчетливо соответствует поляризации оценок респондентами приоритетности своего настоящего, определяя более высокий уровень осознания его субъективной значимости.

Особенности хронемии, т.е. ориентации на полихронную либо монохронную систему времени, определяющей особенности образа жизни и деятельности, исследовались при помощи «Шкалы полихронных ценностей» А. Блюдорна (табл. 4). Следует отметить, что полихронность в концепции А. Блюдорна связывается прежде всего с многозадачностью, в отличие от понимания ее как неструктурированности времени, непунктуальности и т.п., свойственного культурной антропологии. Кроме того, в данном исследовании показатели полихронности и монохронности рассчитывались

отдельно, в соответствии с представлениями о существовании неполярных по отношению друг к другу «параллельной» и «последовательной» компетентностей во времени [32]. Как видно из приведенных результатов, жители относительно более южных и солнечных городов характеризуются достоверно большей монокронностью – склонностью решать задачи по очереди, связанной в какой-то мере с более низким темпом деятельности. Это подтверждается аналогичным действием тех же факторов на субъективное восприятие ценности времени, которое анализировалось с использованием «Шкалы ценности времени как экономического ресурса» Ж. Узюнье (табл. 5). Так, проживание в относительно северных и «пасмурных» населенных пунктах достоверно сопряжено с более бережным отношением к своему и чужому времени, с восприятием времени как важного и дефицитного ресурса.

Таблица 3

**Результаты модифицированного графического теста «Круги»
в исследуемой группе в зависимости от рассматриваемых природно-
географических факторов, % респондентов**

Модусы времени	Природно-географические факторы							
	Географическая широта, градусов с.ш.		Расхождение между поясным и фактическим временем, часов		Среднегодовая температура, градусов Цельсия		Суммарная инсоляция, часов в год	
	< 55 N = 226	> 55 N = 221	0 N = 87	0,5–1,5 N = 360	< 5 N = 266	> 5 N = 181	< 2 000 N = 274	> 2 000 N = 173
Связанность временной перспективы								
Прошлое– Настоящее	«0» – 84 «2» – 5 «4» – 8 «6» – 3	«0» – 66 «2» – 5 «4» – 24 «6» – 5	«0» – 84 «2» – 4 «4» – 6 «6» – 6	«0» – 73 «2» – 5 «4» – 19 «6» – 3	«0» – 81 «2» – 6 «4» – 11 «6» – 2	«0» – 66 «2» – 4 «4» – 24 «6» – 7	«0» – 68 «2» – 5 «4» – 23 «6» – 4	«0» – 87 «2» – 4 «4» – 6 «6» – 3
	«0» – 82 «2» – 5 «4» – 9 «6» – 4	«0» – 63 «2» – 5 «4» – 25 «6» – 7	«0» – 82 «2» – 7 «4» – 7 «6» – 5	«0» – 71 «2» – 5 «4» – 19 «6» – 5	«0» – 80 «2» – 6 «4» – 11 «6» – 3	«0» – 62 «2» – 4 «4» – 25 «6» – 8	«0» – 66 «2» – 5 «4» – 23 «6» – 5	«0» – 84 «2» – 5 «4» – 7 «6» – 5
	«0» – 91 «2» – 2 «4» – 4 «6» – 4	«0» – 81 «2» – 2 «4» – 12 «6» – 6	«0» – 90 «2» – 3 «4» – 2 «6» – 5	«0» – 85 «2» – 1 «4» – 9 «6» – 5	«0» – 92 «2» – 2 «4» – 4 «6» – 3	«0» – 77 «2» – 2 «4» – 14 «6» – 7	«0» – 84 «2» – 2 «4» – 10 «6» – 5	«0» – 89 «2» – 2 «4» – 5 «6» – 5
Доминантность модуса времени								
Прошлое	«0» – 42 «2» – 48 «4» – 10	«0» – 42 «2» – 50 «4» – 8	«0» – 38 «2» – 52 «4» – 10	«0» – 43 «2» – 48 «4» – 8	«0» – 40 «2» – 51 «4» – 8	«0» – 45 «2» – 45 «4» – 9	«0» – 39 «2» – 51 «4» – 10	«0» – 47 «2» – 46 «4» – 8
	«0» – 16 «2» – 74 «4» – 9	«0» – 20 «2» – 67 «4» – 13	«0» – 13 «2» – 79 «4» – 8	«0» – 20 «2» – 69 «4» – 12	«0» – 17 «2» – 74 «4» – 9	«0» – 20 «2» – 66 «4» – 14	«0» – 21 «2» – 67 «4» – 12	«0» – 15 «2» – 76 «4» – 10
	«0» – 8 «2» – 46 «4» – 46	«0» – 11 «2» – 48 «4» – 42	«0» – 7 «2» – 57 «4» – 36	«0» – 10 «2» – 44 «4» – 46	«0» – 6 «2» – 47 «4» – 46	«0» – 14 «2» – 45 «4» – 41	«0» – 10 «2» – 48 «4» – 43	«0» – 9 «2» – 45 «4» – 47

Примечание. Связанность временной перспективы: 0 – временные модусы не граничат друг с другом; 2 – граничат; 4 – пересекаются; 6 – включают друг друга; доминантность модуса времени: 0 – модус меньше других; 2 – модус меньше одного, но больше другого (средний); 4 – модус больше других.

Таблица 4

Результаты методики «Шкала полихронных ценностей» в исследуемой группе в зависимости от рассматриваемых природно-географических факторов, баллов

Ценности		Природно-географические факторы							
		Географическая широта, градусов с.ш.		Расхождение между поясным и фактическим временем, часов		Среднегодовая температура, градусов Цельсия		Суммарная инсоляция, часов в год	
		< 55 N = 227	> 55 N = 215	0 N = 88	0,5–1,5 N = 354	< 5 N = 260	> 5 N = 182	< 2 000 N = 268	> 2 000 N = 174
Полихронность	M	2,94	2,91	2,90	2,93	2,96	2,88	2,91	2,94
	Std. Dev.	0,89	0,97	0,88	0,94	0,93	0,94	0,96	0,88
Монохронность		3,68	3,42					3,42	3,74
	M	p = 0,001; Z = –3,17		3,48	3,57	3,58	3,51	p < 0,001; Z = –3,68	
	Std. Dev.	0,81	0,82	0,86	0,82	0,81	0,84	0,81	0,82

Таблица 5

Результаты по методике «Шкала ценности времени как экономического ресурса» в исследуемой группе в зависимости от рассматриваемых природно-географических факторов, баллов

Ценность времени		Природно-географические факторы							
		Географическая широта, градусов с.ш.		Расхождение между поясным и фактическим временем, часов		Среднегодовая температура, градусов Цельсия		Суммарная инсоляция, часов в год	
		< 55 N = 227	> 55 N = 217	0 N = 88	0,5–1,5 N = 356	< 5 N = 262	> 5 N = 182	< 2 000 N = 270	> 2 000 N = 174
M		4,13	4,36					4,32	4,13
		p = 0,001; Z = 3,275		4,25	4,24	4,20	4,30	p = 0,012; Z = 2,51	
Std. Dev.		0,7	0,75	0,72	0,74	0,71	0,76	0,76	0,68

Субъективное восприятие прошлого, настоящего и будущего анализировалось по факторам активности и эмоциональной окраски времени методики «Семантический дифференциал времени» Л.И. Вассермана, Е.А. Трифоновой и К.Р. Червинской (табл. 6). Восприятие собственного настоящего как активного, напряженного и вместе с тем постоянного наиболее свойственно жителям северных и относительно «пасмурных» регионов. Скорее тревожная окраска настоящего в той или иной мере сопряжена с действием таких разноплановых природных факторов, как проживание в более северных населенных пунктах, отсутствие расхождения между официальным и фактическим солнечным временем, более высокая среднегодовая температура. Возможно, подобные результаты связаны также с социокультурной спецификой мегаполисов, прежде всего Москвы, географическое расположение которой характеризуются именно этими природными особенностями.

На выраженность различных метафорических образов прошлого значимо влияет такой фактор, как опережение официально установленного времени над фактическим: проживающие в таких регионах в большей степени склонны воспринимать свое прошлое как насыщенное событиями, яркое и многоцветное. Аналогичный образ будущего связан с влиянием этих же природных факторов. Восприятие собственного будущего как напряженного и постоянного более свойственно жителям относительно северных населенных пунктов; как тревожного – им же и проживающим в более теплых и «пасмурных» регионах, в том числе в Москве.

Таблица 6

**Результаты по методике «Семантический дифференциал времени»
в исследуемой группе в зависимости от рассматриваемых
природно-географических факторов, баллов**

Характеристики времени	Природно-географические факторы							
	Географическая широта, градусов с.ш.		Расхождение между поясным и фактическим временем, часов		Среднегодовая температура, градусов Цельсия		Суммарная инсоляция, часов в год	
	< 55 N = 227	> 55 N = 218	0 N = 88	0,5–1,5 N = 359	< 5 N = 265	> 5 N = 182	< 2 000 N = 271	> 2 000 N = 174
Настоящее								
Активное	4,42	4,58	4,47	4,51	4,49	4,52	4,52	4,47
	p = 0,04; Z = 2,04							
Напряженное	3,74	4,13	4,19	3,87	3,73	4,24	4,06	3,74
	p = 0,004; Z = 2,80				p < 0,001; Z = –3,53		p = 0,027; Z = 2,17	
Радостное	4,32	4,45	4,30	4,40	4,44	4,30	4,39	4,37
Стремительное	4,48	4,53	4,64	4,47	4,42	4,62	4,41	4,65
Плотное	4,47	4,44	4,55	4,43	4,44	4,48	4,42	4,50
Яркое	4,52	4,46	4,32	4,53	4,58	4,36	4,47	4,52
Тревожное	3,56	3,93	4,06	3,66	3,53	4,05	3,85	3,56
	p = 0,010; Z = 2,58		p = 0,040; Z = –2,05		p = 0,001; Z = –3,38			
Цветное	4,60	4,56	4,22	4,67	4,68	4,44	4,55	4,63
			p = 0,026; Z = 2,22					
Постоянное	2,93	3,29	3,00	3,14	3,02	3,25	3,25	2,89
	p = 0,014; Z = 2,42						p = 0,011; Z = 2,50	
Светлое	4,46	4,59	4,45	4,54	4,50	4,55	4,54	4,51
Прошлое								
Активное	4,21	4,29	4,20	4,26	4,18	4,35	4,28	4,19
Напряженное	3,76	4,10	4,47	3,80	3,89	3,99	4,00	3,83
Радостное	4,26	4,24	3,95	4,32	4,27	4,21	4,27	4,21
Стремительное	4,17	4,24	3,90	4,28	4,21	4,20	4,27	4,11
Плотное	4,23	4,26	3,88	4,34	4,27	4,21	4,32	4,13
			p = 0,011; Z = 2,48					

Окончание табл. 6

Скопанные Табл.

Характеристики времени	Природно-географические факторы							
	Географическая широта, градусов с.ш.		Расхождение между поясным и фактическим временем, часов		Среднегодовая температура, градусов Цельсия		Суммарная инсоляция, часов в год	
	< 55 N = 227	> 55 N = 218	0 N = 88	0,5–1,5 N = 359	< 5 N = 265	> 5 N = 182	< 2 000 N = 271	> 2 000 N = 174
Яркое	4,36	4,51	4,01	4,53	4,45	4,40	4,51	4,31
Тревожное	3,70	3,82	p = 0,014; Z = 2,39					
Цветное	4,42	4,33	3,58	3,80	3,82	3,67	3,77	3,74
			3,97	4,48				
Постоянное	3,38	3,38	p = 0,005; Z = 2,73		4,43	4,30	4,42	4,31
			3,15	3,44				
Светлое	4,19	4,25	3,91	4,29	4,25	4,16	4,27	4,13
Будущее								
Активное	5,43	5,35	5,13	5,46	5,47	5,28	5,33	5,48
Напряженное	3,07	3,46	3,34	3,24	3,13	3,44	3,36	3,10
	p = 0,012; Z = 2,48							
Радостное	5,44	5,42	5,30	5,46	5,45	5,40	5,41	5,46
Стремительное	5,21	5,06	4,88	5,20	5,23	5,01	5,09	5,21
Плотное	5,17	5,10	4,84	5,21	5,21	5,03	5,07	5,25
			p = 0,031; Z = 2,01					
Яркое	5,40	5,33	5,05	5,44	5,44	5,26	5,31	5,44
			p = 0,044; Z = 2,007					
Тревожное	2,56	3,07	2,77	2,82	2,68	3,00	3,00	2,52
	p < 0,001; Z = 3,42				p = 0,039; Z = -2,02		p = 0,001; Z = 3,28	
Цветное	5,39	5,28	4,92	5,44	5,43	5,19	5,28	5,43
			p = 0,005; Z = 2,80					
Постоянное	3,41	3,77	3,65	3,57	3,47	3,76	3,67	3,46
	p = 0,030; Z = 2,14							
Светлое	5,33	5,34	5,14	5,39	5,36	5,31	5,33	5,35

Примечание. Максимальный балл по характеристике – 6, минимальный – 1.

Распространенность различных ценностных типов зависимости от действия рассматриваемых природно-географических факторов устанавливалась с использованием авторской модификации методики Р. Инглхarta (табл. 7). Доля адаптирующегося ценностного типа, ориентирующегося на «дефицитарные», или обусловленные фрустрацией, ценности, оказалась выше при проживании в относительно северных, «теплых» и «пасмурных» городах, а также при совпадении поясного и солнечного времени. Процент отнесенных к социализирующемуся типу, связанному с направленностью

на ценности социального окружения, выше в населенных пунктах, отличающихся противоположными природно-средовыми особенностями. Индивидуализирующий ценностный тип, характеризующийся автономной ценностной системой, более распространен в южных и солнечных регионах.

Таблица 7

**Результаты по методике ценностной структуры массового сознания
в исследуемой группе в зависимости от рассматриваемых
природно-географических факторов, % респондентов**

Ценностный тип	Природно-географические факторы							
	Географическая широта, градусов с.ш.		Расхождение между поясным и фактическим временем, часов		Среднегодовая температура, градусов Цельсия		Суммарная инсоляция, часов в год	
	< 55 N = 226	> 55 N = 215	0 N = 87	0,5–1,5 N = 354	< 5 N = 260	> 5 N = 181	< 2 000 N = 268	> 2 000 N = 173
Адаптирующийся	26	34	31	29	27	33	32	26
Социализирующийся	24	20	20	23	24	19	19	27
Индивидуализирующийся	10	7	10	8	8	9	7	11
Промежуточный	40	39	39	40	40	38	41	36

Таблица 8

**Результаты по тесту смысложизненных ориентаций в исследуемой группе
в зависимости от рассматриваемых природно-географических факторов,
стандартных баллов**

Шкалы СЖО	Природно-географические факторы							
	Географическая широта, градусов с.ш.		Расхождение между поясным и фактическим временем, часов		Среднегодовая температура, градусов Цельсия		Суммарная инсоляция, часов в год	
	< 55 N = 227	> 55 N = 222	0 N = 88	0,5–1,5 N = 361	< 5 N = 267	> 5 N = 182	< 2 000 N = 275	> 2 000 N = 174
ОЖ	4,21	4,57	4,83	4,28	4,18	4,69	4,39	4,39
Цели	4,04	4,54	4,28	4,28	4,10	4,54	4,36	4,16
Процесс	3,97	4,30	4,28	4,10	4,07	4,22	4,15	4,11
Результат	4,20	4,48	4,61	4,27	4,32	4,36	4,31	4,39
Локус контроля – Я	4,13	4,86	4,27	4,55	4,46	4,54	4,68	4,20
	p = 0,007; Z = 2,65							
Локус контроля – жизнь	4,65	5,06	5,19	4,77	4,67	5,12	4,83	4,90

Особенности системы личностных смыслов (уровень общей осмысленности жизни и ее отдельных временных модусов, а также внутренняя или внешняя локализации ответственности за собственную жизнь) изучались с использованием собственной модификации теста смысложизненных ори-

ентаций Д.А. Леонтьева (табл. 8). В целом уровень смысловой наполненности жизни не демонстрирует однозначной и четкой зависимости от выраженности анализируемых природных факторов. В то же время жители более северных населенных пунктов отличаются большей интернальностью, они достоверно больше склонны считать себя обладающими достаточными внутренними возможностями, чтобы контролировать события своей жизни в соответствии с собственными ценностями и представлениями о ее смысле.

Обсуждение

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о влиянии рассматриваемых природно-географических пространственных и временных факторов на субъективные характеристики образа мира. Наибольшее значение среди объективных пространственных детерминант обнаруживает географическая широта места проживания: «северяне» по сравнению с «южанами» демонстрируют достоверно более высокую значимость принадлежности к современному поколению, характеризуются большей связностью временной перспективы, большей многозадачностью и субъективной ценностью времени, представлением о собственном настоящем и будущем как о тревожном и напряженном, большей направленностью на ценности адаптации, связанные с потребностью в выживании и безопасности, а также большей интернальностью в отношении собственной жизни. Описанные различия в целом вполне соответствуют исторически сложившимся и сохраняющимся в современном массовом сознании авто- и гетеростереотипам жителей северных и южных регионов.

Понятно, что географическая широта сама по себе не является действующим фактором, а определяет комплекс отдельных, частных природных детерминант образа мира, таких как продолжительность солнечного дня, выраженность сезонности, общие климатические особенности и т.д. В настоящем исследовании мы предприняли попытку отдельно изучить влияние таких «субфакторов» географической широты, как суммарная инсоляция и среднегодовая температура. В связи с высокой степенью взаимосвязанности этих параметров, обуславливающей итоговый недифференцированный или даже синергетический эффект их воздействия, в выборку были включены жители городов Читы и Улан-Удэ, которые в данном случае являются одновременно и самыми солнечными, и самыми холодными, что позволило оценить действие инсоляции и средней температуры раздельно. Как видно из приведенных результатов, низкий уровень инсоляции оказывает на субъективные характеристики образа мира воздействие, практически полностью идентичное влиянию собственно северной широтности. Температурные особенности места проживания демонстрируют несколько иной характер воздействия на субъективный образ мира: проживающие в более теплых регионах отличаются большей значимостью гендерной и семейной идентичности, связностью временной перспективы, тревожной

окраской своего настоящего, ориентацией на ценности адаптации. В этой связи «север» в нашем исследовании, скорее, ассоциируется не с «холодом», а с более «пасмурной» погодой. Таким образом, субъективные характеристики образа мира в значительной степени действительно определяются тем, в какой природно-географической зоне человек проживает – на «пасмурном севере» или же на «солнечном юге».

Что касается объективных временных детерминант образа мира, то жители регионов, отличающихся опережением официального поясного времени над фактическим солнечным, т.е. смещением среднего солнечного полдня и, соответственно, суточной фазы активности на более раннее время, обнаруживают большую связанность временной перспективы, скорее тревожный образ настоящего, представление о насыщенности, яркости и многоцветности своего прошлого и будущего, большую направленность на ценности социализации, связанные с зависимостью от норм социального окружения. Данные особенности, вероятно, связаны с различием световой обстановки в зависимости от времени суток в выбранных нами населенных пунктах. Вместе с тем на эти и некоторые другие полученные результаты могла оказать влияние численность населения сравниваемых городов: так, отсутствие расхождения между поясным и солнечным временем свойственно расположению Москвы и Ростова-на-Дону, являющихся городами-«миллионниками».

Очевидно, что влияние природно-географических детерминант может перекрываться воздействием социокультурных факторов при их значительной выраженности. Современные исследования в области городского развития свидетельствуют, что степень влияния географической среды сильнее проявляется при относительной изолированности локального социума и ослабевает при интенсификации социальных, культурных и экономических контактов [33]. В качестве конкретного действующего фактора, определяющего «включенность» в процессы глобализации, рассматривается, в частности, удаленность населенного пункта от транспортных коммуникаций [1. С. 263]. Сказанное определяет возможность совершенствования программы дальнейших исследований рассматриваемой проблемы, направленного на ограничение влияния латентных социальных и культурных факторов путем включения в базу исследования как можно большего числа населенных пунктов, относительно удаленных от центра и характеризующихся при этом средним размером и сходным уровнем социально-экономического развития.

Выводы

Образ мира представляет собой динамическую функциональную психологическую систему, обеспечивающую самоорганизацию и самодетерминацию активности личности и ее саморазвития. Трансформирующийся вслед за изменением жизненного мира человека, образ мира содержит как субъективные, так и объективные пространственно-временные и ценностно-смысловые измерения.

Субъективными характеристиками образа мира выступают идентичность как иерархическая система, определяющая социально-психологическую «территорию» личности, временная перспектива личности и эмоциональное восприятие своего прошлого, настоящего и будущего, система ценностно-смысловых ориентаций личности.

Основными объективными характеристиками образа мира являются особенности места проживания: географическая широта, предопределяющая выраженность сезонности, продолжительность дня и ночи, общие климатические условия; географическая долгота, связанная с фактическим солнечным временем; среднегодовая температура; общий уровень инсоляции.

Данные характеристики природной среды являются базисными природно-средовыми детерминантами, предопределяющими особенности субъективного образа действительности:

- проживание в более северных и «пасмурных» населенных пунктах связано со значимостью принадлежности к современному поколению, смысловой связанностью временной перспективы, субъективной ценностью времени, представлением о своем настоящем и будущем как о тревожном и напряженном, направленностью на ценности адаптации, а также интернальностью;

- жители более теплых регионов отличаются большей значимостью гендерной и семейной идентичности, смысловой связанностью временной перспективы, тревожной окраской своего настоящего, ориентацией на ценности адаптации;

- опережение официально установленного времени места жительства над фактическим долготным сопряжено со связанностью временной перспективы, тревожным образом настоящего, представлением о насыщенности, яркости и многоцветности своего прошлого и будущего, направленностью на ценности социализации.

Влияние данных природно-средовых детерминант на субъективные параметры образа мира имеет непрямой характер и опосредовано теми или иными промежуточными звеньями. В качестве такого звена может рассматриваться образ жизни человека, связанный, в свою очередь, как с особенностями хозяйственно-культурного типа, так и с психофизиологическими характеристиками жизнедеятельности в соответствующих природных условиях. В этой связи перспективным направлением дальнейшего изучения природно-географических детерминант субъективного образа мира является анализ взаимосвязи между совокупностью природно-географических, социокультурных и социально-экономических особенностей места проживания и комплексом индивидуальных психофизиологических и психологических характеристик.

Литература

1. Богомаз С.А. Различия в структуре ценностей, смыслов и личностных особенностей представителей трех городов Сибири // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей. М. : Ин-т психологии РАН, 2008. С. 262–297.

2. Серкин В.П. Взаимосвязь образа мира и образа жизни // Мир психологии. 2009. № 4. С. 109–119.
3. Лукьянов О.В. Фактор времени в системе психологических интерпретаций // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 7, № 2. С. 46–63.
4. Козлова Н.В., Овчинникова Ю.В. Особенности образа мира личности на разных этапах личностно-профессионального становления // Сибирский психологический журнал. 2016. № 62. С. 96–112. DOI: 10.17223/17267080/62/8.
5. Атаманова И.В., Козлова Н.В., Богомаз С.А., Залевский В.Г., Неяскина Ю.Ю. Специфика личностно-средового взаимодействия на примере студенческой молодежи трех российских городов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 41. С. 90–105. DOI: 10.17223/1998863X/41/11.
6. Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Психология инновационного поведения. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. 240 с.
7. Ключко В.Е., Лукьянов О.В. Личностная идентичность и проблема устойчивости человека в меняющемся мире: системно-антропологический ракурс // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 324. С. 333–337.
8. Смирнов С.Д. Мир образов и образ мира // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1981. № 2. С. 15–29.
9. Серкин В.П. Пять определений понятия и схема образа мира // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2006. № 1. С. 11–19.
10. Зинченко В.П. Ценности в структуре сознания // Вопросы философии. 2011. № 8. С. 85–97.
11. Толстых Н.Н. Хронотоп: культура и онтогенез. М. : Универсум, 2018. 292 с.
12. Шмелев И.М. Образ мира субъекта как предмет психологического исследования // Гуманизация обучения и воспитания в системе образования: теория и практика : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Пенза–Ереван–Колин : Социосфера, 2012. С. 14–20.
13. Некрасова Е.В. Хронотоп и хронотопические характеристики человека как психологической системы // Ползуновский вестник. 2003. № 3-4. С. 203–210.
14. Серкин В.П. Психосемантика : учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. М. : Юрайт, 2017. 318 с.
15. Яницкий М.С., Серый А.В., Балабашук Р.О. Хронотопические характеристики образа мира студентов вуза // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 10–11 октября 2019 г.). СПб., 2019. Вып. 2 С. 851–859. DOI: 10.33910/herzenpsysconf-2019-2-106.
16. Логинова И.О. Хронотопические характеристики жизненного самоосуществления человека // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 7-2. С. 98–103.
17. Ключко В.Е., Краснорядцева О.М., Хван Н.В. Индивидуально-психологические характеристики двух типов хронотопической организации жизненного мира человека // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3 (3). С. 148–154.
18. Муравьева О.И., Литвина С.А., Богомаз С.А. Средовая идентичность: содержание понятия // Сибирский психологический журнал. 2015. № 58. С. 136–148. DOI: 10.17223/17267080/58/10.
19. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Психологическое и социально-психологическое пространство личности и группы: понимание, виды и тенденции исследования // Психологический журнал. 2011. Т. 32, № 4. С. 45–56.
20. Радина Н.К. Город в пространстве и времени: проблемы территориальной идентичности в контексте социально-экономических изменений. Н. Новгород : ДЕКОМ, 2015. 344 с.

21. Дмитриева Ю.Н. Роль социально-географической среды в формировании образа жизни молодежи // География и природные ресурсы. 2016. № 3. С. 175–180. DOI: 10.21782/GiPR0206-1619-2016-3(175-180).
22. Борисенков М.Ф. Хронотип человека на севере // Физиология человека. 2010. Т. 36, № 3. С. 117–122.
23. Borisenkov M.F., Tserne T.A., Panev A.S., Kuznetsova E.A., Petrova N.B., Timonin V.D., Kolomeichuk S.N., Vinogradova I.A., Kovyazina M.S., Khokhlov N.A., Kosova A.L., Kasyanova O.N. Seven-year survey of sleep timing in Russian children and adolescents: chronic 1-h forward transition of social clock is associated with increased social jetlag and winter pattern of mood seasonality // Biological Rhythm Research. 2017. Vol. 48 (1). P. 3–12. DOI: 10.1080/09291016.2016.1223778.
24. Лукьянов О.В., Неяскина Ю.Ю. Смысловые детерминанты временной перспективы личности // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 360. С. 152–157.
25. Мазуркевич А.В., Яницкий М.С., Серый А.В. Темпоральные аспекты трансформации ценностной структуры самоидентичности в условиях кардинальных изменений жизненной ситуации // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. № 3. С. 104–122. DOI: 10.15293/2226-3365.1703.07.
26. Балабашук Р.О., Яницкий М.С., Серый А.В., Браун О.А., Маслова О.В., Микляева А.В., Терещенко В.В., Филенко И.А., Санжаева Р.Д., Дагбаева С.Б., Неяскина Ю.Ю., Кадыров Р.В. Трансформация пространственно-временных и ценностно-смысловых составляющих образа мира в процессе обучения в вузе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22, № 3. С. 714–726. DOI:10.21603/2078-8975-2020-22-3-714-726.
27. Maslova O.V., Shlyakhta D.A., Yanitskiy M.S. Schwartz Value Clusters in Modern University Students. Behavioral Sciences. 2020. Vol. 10. (3). P. 66. DOI: 10.3390/bs10030066
28. Яницкий М.С., Серый А.В., Браун О.А., Пелех Ю.В., Маслова О.В., Сокольская М.В., Санжаева Р.Д., Монсонова А.Р., Дагбаева С.Б., Неяскина Ю.Ю., Кадыров Р.В., Капустина Т.В. Идентичность как динамическая иерархическая система: социальный и культурный контекст формирования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2 (74). С. 131–140. DOI: 10.21603/2078-8975-2018-2-131-140.
29. Нестик Т.А. Отношение к времени в малых группах и организациях. М. : Ин-т психологии РАН, 2011. 296 с.
30. Вассерман Л.И., Трифонова Е.А., Червинская К.Р. Семантический дифференциал времени: экспертная психодиагностическая система в медицинской психологии. СПб. : НИПНИ им. В.М. Бехтерева, 2009. 43 с.
31. Яницкий М.С., Серый А.В. Основные методологические подходы к изучению ценностно-смысловой сферы личности // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 19. С. 82–97.
32. Портнова Д.С., Шмелев А.Г. Опыт психометрического исследования полихронности и монохронности как компонентов временной компетентности личности // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 41. С. 5. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n41/1137-portnova41.html>
33. Clavel P., Young R. “Civics”: Patrick Geddes’s theory of city development // Landscape and Urban Planning. 2017. Vol. 166. P. 37–42. DOI: 10.1016/j.landurbplan.2017.06.017

*Поступила в редакцию 02.12.2020 г.; повторно 25.03.2021 г.;
принята 19.04.2021 г.*

Яницкий Михаил Сергеевич – директор социально-психологического института Кемеровского государственного университета, доктор психологических наук, профессор.

E-mail: direktorspi@kemsu.ru

Серый Андрей Викторович – профессор кафедры психологических наук Кемеровского государственного университета, доктор психологических наук, профессор.

E-mail: avgrey@yahoo.com

Браун Ольга Артуровна – доцент кафедры психологических наук Кемеровского государственного университета, кандидат психологических наук, доцент.

E-mail: oabraun09@rambler.ru

Балабашук Роман Олегович – аспирант кафедры психологических наук Кемеровского государственного университета.

E-mail: romanpsy20@gmail.com

Маслова Ольга Васильевна – доцент-исследователь кафедры социальной и дифференциальной психологии Российского университета дружбы народов, кандидат психологических наук, доцент.

E-mail: maslova_ov@rudn.university

Микляева Анастасия Владимировна – профессор кафедры психологии человека Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, доктор психологических наук, доцент.

E-mail: a.miklyaeva@gmail.com

Терещенко Владимир Валерьевич – доцент кафедры общей психологии Смоленского государственного университета, кандидат психологических наук, доцент.

E-mail: Terechenko2007@yandex.ru

Филенко Игорь Александрович – доцент кафедры общей и педагогической психологии Томского государственного университета, кандидат психологических наук, доцент.

E-mail: filen5725@mail.ru

Санжаева Римма Дугаровна – профессор кафедры возрастной и педагогической психологии Бурятского государственного университета, доктор психологических наук, профессор.

E-mail: rimmasan24@mail.ru

Дагбаева Соелма Батомункуевна – заведующая кафедрой теоретической и прикладной психологии Забайкальского государственного университета, доктор психологических наук, доцент.

E-mail: soela@bk.ru

Неяскина Юлия Юрьевна – декан психолого-педагогического факультета Камчатского государственного университета им. Витуса Беринга, кандидат психологических наук, доцент.

E-mail: neyaskinaju@yandex.ru

Кадыров Руслан Васитович – заведующий кафедрой общепсихологических дисциплин Тихоокеанского государственного медицинского университета, кандидат психологических наук, доцент.

E-mail: rusl-kad@yandex.ru

For citation: Yanitskiy, M.S., Seryy, A.V., Braun, O.A., Balabashchuk, R.O., Maslova, O.V., Miklyaeva, A.V., Tereshchenko, V.V., Filenko, I.A., Sanzhaeva, R.D., Dagbaeva, S.B., Neyaskina, Y.Y., Kadyrov, R.V. The Image of the World as a Psychological System and Its Environmental Determinantsy. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal – Siberian journal of psychology*. 2021; 80: 6–29. doi: 10.17223/17267080/80/1. In Russian. English Summary

The Image of the World as a Psychological System and Its Environmental Determinants

M.S. Yanitskiy^a, A.V. Seryy^a, O.A. Braun^a, R.O. Balabashchuk^a, O.V. Maslova^b,
A.V. Miklyaeva^c, V.V. Tereshchenko^d, I.A. Filenko^e, R.D. Sanzhaeva^f, S.B. Dagbaeva^g,
Y.Y. Neyaskina^h, R.V. Kadyrovⁱ

^a Kemerovo State University, 6, Krasnaya st., Kemerovo, 650000, Russian Federation

^b Peoples' Friendship University of Russia, 6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russian Federation

^c The Herzen State Pedagogical University of Russia, 48, Moyka Emb. (Naberezhnaya r. Moyki), St. Petersburg, 191186, Russian Federation

^d Smolensk State University, 4, Przhhevalskogo st., Smolensk, 214000, Russian Federation

^e Tomsk State University, 36, Lenin ave., Tomsk, 634050, Russian Federation

^f Banzarov Buryat State University, 24a, Smolina st., Ulan-Ude, 670000, Russian Federation

^g Transbaikal State University, 30, Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russian Federation

^h Vitus Bering Kamchatka State University, 4, Pogranichnaya st., Petropavlovsk-Kamchatsky, 683032, Russian Federation

ⁱ Pacific State Medical University, 2, Ostryakova ave., Vladivostok, 690002, Russian Federation

Abstract

The image of the world is considered as a psychological system that includes spatial-temporal and value-semantic dimensions. The theoretical analysis of the research problem allows us to state as follows. There is a contradiction between the significance of objective natural and geographical factors in the formation of a human's lifestyle, and the lack of knowledge of their influence on the formation of his subjective image of the world. The purpose of this article is to study the determination of subjective chronotopic characteristics of the human world image by objective environmental factors.

The study involved 450 residents of 10 Russian cities that differ significantly in their natural and geographical features. The following characteristics of the respondents' place of residence were evaluated: geographical latitude; the degree of discrepancy between the official time zone and the actual time set by geographical longitude; the average annual temperature; the number of sunshine hours per year. The complex of psychodiagnostic methods included the author's questionnaire of structure identity; the graphic test "Circles"; the scale of polychronous values; the scale of time value as an economic resource; the semantic differential of time; the author's methodology of studying value preferences; the test of life-meaning orientations.

Natural and geographical features of the life environment determine significant differences in the spatial-temporal and value-semantic characteristics of the subjective image of the world. Representatives of the northern territories have a significant belonging to the modern generation, the semantic connectedness of the time perspective, and the subjective value of time. They see their present and future as about anxious and tense; they focus on the values of adaptation, as well as internality. Residents of warm regions have a more significant gender and family identity, semantic connectedness of the time perspective, anxiety of their present, orientation to the values of adaptation. If the officially set time goes ahead over the actual longitudinal time, it is correlated with the disturbing image of the present, the idea of saturation, brightness and iridescence of past and future, focus on the value of socialization.

The environmental characteristics of residence have a significant impact on the subjective image of reality. The greatest value among the considered determinants is the geographical latitude of the place of residence. The influence of environmental determinants on the subjective parameters of the image of the world is indirectly related to the intermediate links such as economic and cultural type or psychophysiological characteristics of life activity in the corresponding natural conditions.

Keywords: life world; lifestyle; image of the world; space; time; values; meanings; chronotope; natural environment; climate.

References

1. Bogomaz, S.A. (2008) Razlichiya v strukture tsennostey, smyslov i lichnostnykh osobennostey predstaviteley trekh gorodov Sibiri [Differences in the structure of values, meanings and personal characteristics of representatives of the three cities of Siberia]. In: Znakov, V.V. & Zalevskiy, G.V. (eds) *Tsennostnye osnovaniya psikhologicheskoy nauki i psikhologiya tsennostey* [Value foundations of psychological science and psychology of values]. Moscow: Institute of Psychology RAS. pp. 262–297.
2. Serkin, V.P. (2009) Vzaimosvyaz' obraza mira i obraza zhizni [The correlation between the image of the world and the way of life]. *Mir psikhologii*. 4. pp. 109–119.
3. Lukyanov, O.V. (2010) Time factor in the system of psychological interpretations. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 7(1). p. 46. (In Russian).
4. Kozlova, N.V. & Ovchinnikova, Yu.V. (2016) Special features of a world image on the process of personal and professional formation. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 62. pp. 96–112. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/62/8
5. Atamanova, I.V., Kozlova, N.V., Bogomaz, S.A., Zalevskiy, V.G. & Neyaskina, Yu.Yu. (2018) Specificity of personality-environment interaction on the example of students from three Russian cities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy Sociology and Political Science*. 41. pp. 90–105. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/41/11
6. Klochko, V.E. & Galajinskiy, E.V. (2009) *Psikhologiya innovatsionnogo povedeniya* [The Psychology of Innovative Behavior]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Klochko, V.E. & Lukyanov, O.V. (2009) Personality identity and the problem of personal steadiness in the changing world: systematic and anthropological approach. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 324. pp. 333–337. (In Russian).
8. Smirnov, S.D. (1981) Mir obrazov i obraz mira [The world of images and the image of the world]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya – The Moscow University Herald. Series 14. Psychology*. 2. pp. 15–29.
9. Serkin, V.P. (2006) Pyat' opredeleniy ponyatiya i skhema obraza mira [Five definitions of the concept and the scheme of the image of the world]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya – The Moscow University Herald. Series 14. Psychology*. 1. pp. 11–19.
10. Zinchenko, V.P. (2011) Tsennosti v strukture soznaniya [Values in the structure of consciousness]. *Voprosy filosofii*. 8. pp. 85–97.
11. Tolstykh, N.N. (2018) *Khronotop: kul'tura i ontogenez* [Chronotope: culture and ontogenesis]. Moscow: Universum.
12. Shmelev, I.M. (2012) Obraz mira sub'ekta kak predmet psikhologicheskogo issledovaniya [The image of the subject's world as a subject of psychological research]. *Gumanizatsiya obucheniya i vospitaniya v sisteme obrazovaniya: teoriya i praktika* [Humanization of teaching and upbringing in the education system: theory and practice]. Proc. of the International Conference. Penza-Erevan-Kolin. pp. 14–20
13. Nekrasova, E.V. (2003) Khronotop i khronotopicheskie kharakteristiki cheloveka kak psikhologicheskoy sistemy [Chronotope and chronotopic characteristics of a person as a psychological system]. *Polzunovskiy vestnik*. 3-4. pp. 203–210.
14. Serkin, V.P. (2017) *Psikhosemantika* [Psychosemantics]. Moscow: Yurayt.
15. Yanitskiy, M.S., Seryy, A.V. & Balabashchuk, R.O. (2019) Khronotopicheskie kharakteristiki obraza mira studentov vuza [Chronotopical features of the university students' image of the world]. *Gertsenovskie chteniya: psikhologicheskie issledovaniya v obrazovanii* [Herzen's Readings: Psychological Research in Education]. Proc. of the International

- Conference. St.-Petersburg, October 10–11, 2019. St.-Petersburg: The Herzen State Pedagogical University. pp. 851–859. DOI: 10.33910/herzenpsyconf-2019-2-106
16. Loginova, I.O. (2009) The chronotopical characteristics of human vital self-fulfillment. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The World of Science, Culture and Education*. 7-2. pp. 98–103. (In Russian).
 17. Klochko, V.E., Krasnoryadtseva, O.M. & Khvan, N.V. (2015) Individual psychological characteristics of two types of chronotopic organization of the human life world. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 3(3). pp. 148–154. (In Russian).
 18. Muravyova, O.I., Litvina, S.A., Bogomaz, S.A. (2015) Environmental identity: the content of the concept. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 58. pp. 136–148. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/58/10
 19. Zhuravlev, A.L. & Kupreychenko, A.B. (2011) Psikhologicheskoe i sotsial'no-psikhologicheskoe prostranstvo lichnosti i gruppy: ponimanie, vidy i tendentsii issledovaniya [Psychological and socio-psychological space of the individual and group: understanding, types and trends of research]. *Psikhologicheskii zhurnal – Psychological Journal*. 32(4). pp. 45–56.
 20. Radina, N.K. (2015) *Gorod v prostranstve i vremeni: problemy territorial'noy identichnosti v kontekste sotsial'no-ekonomicheskikh izmeneniy* [The city in space and time: problems of territorial identity in the context of socio-economic changes]. Nizhny Novgorod: DEKOM.
 21. Dmitrieva, Yu.N. (2016) Role of the social-geographical environment in the formation of the youth lifestyle. *Geografiya i prirodnye resursy – Geography and Natural Resources*. 3. pp. 175–180. (In Russian). DOI: 10.21782/GiPR0206-1619-2016-3(175-180)
 22. Borisenkov, M.F. (2010) Human chronotypes in the North. *Fiziologiya cheloveka – Human Physiology*. 36(3). pp. 117–122. (In Russian).
 23. Borisenkov, M.F., Tserne, T.A., Panev, A.S., Kuznetsova, E.A., Petrova, N.B., Timonin, V.D., Kolomeichuk, S.N., Vinogradova, I.A., Kovyazina, M.S., Khokhlov, N.A., Kosova, A.L., Kasyanova, O.N. (2017) Seven-year survey of sleep timing in Russian children and adolescents: chronic 1-h forward transition of social clock is associated with increased social jetlag and winter pattern of mood seasonality. *Biological Rhythm Research*. 48(1). p. 3–12. DOI: 10.1080/09291016.2016.1223778
 24. Lukyanov, O.V. & Neyaskina, Yu.Yu. (2012) Meaning determinants of personality's temporal perspective. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 360. pp. 152–157. (In Russian).
 25. Mazurkevich, A.V., Yanitskiy, M.S. & Seryy, A.V. (2017) Temporal aspects of transformation self-identity value structure in conditions of radical changes in life situations. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 3. pp. 104–122. (In Russian). DOI:10.15293/2226-3365.1703.07
 26. Balabashchuk, R.O., Yanitskiy, M.S., Seryy, A.V., Braun, O.A., Maslova, O.V., Miklyaeva, A.V., Tereshchenko, V.V., Filenko, I.A., Sanzhaeva, R.D., Dagbaeva, S.B., Neyaskina, Yu.Yu. & Kadyrov, R.V. (2020) Transformation of space-temporal and value-semantic components of the image of the world during the university studies. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 22(3). pp. 714–726. (In Russian). DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-3-714-726
 27. Maslova, O.V., Shlyakhta, D.A. & Yanitskiy, M.S. (2020) Schwartz Value Clusters in Modern University Students. *Behavioral Sciences*. 10(3). p. 66. DOI: 10.3390/bs10030066
 28. Yanitskiy, M.S., Seryy, A.V., Braun, O.A., Pelekh, Yu.V., Maslova, O.V., Sokolskaya, M.V., Sanzhaeva, R.D., Monsonova, A.R., Dagbaeva, S.B., Neyaskina, Yu.Yu., Kadyrov, R.V. & Kapustina, T.V. (2018) Identity as a dynamic hierarchical system: social and cultural context of formation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of*

- Kemerovo State University*. 2(74). (In Russian). pp. 131–140. (In Russian). DOI: 10.21603/2078-8975-2018-2-131-140
29. Nestik, T.A. (2011) *Otnoshenie k vremeni v malykh gruppakh i organizatsiyakh* [Attitude to time in small groups and organizations]. Moscow: RAS.
30. Vasserman, L.I., Trifonova E.A. & Chervinskaya K.R. (2009) *Semanticheskiy differentsial vremeni: ekspertnaya psikhodiagnosticheskaya sistema v meditsinskoj psikhologii* [Semantic time differential: an expert psychodiagnostic system in medical psychology]. St. Petersburg: V.M. Bekhterev National Research Medical Center for Psychiatry and Neurology.
31. Yanitskiy, M.S. & Seryy, A.V. (2012) The basic methodological approaches to the study of the personal value-semantic sphere. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv – Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Art*. 19(1). pp. 82–97. (In Russian).
32. Portnova, D.S. & Shmelev, A.G. (2015) A sample psychometric research of polychronicity and monochronicity as the aspects of temporal competence of personality. *Psikhologicheskie issledovaniya – Psychological Studies*. 8(41). (In Russian). [Online] Available from: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n41/1137-portnova41.html>
33. Clavel, P. & Young, R. (2017) “Civics”: Patrick Geddes’s theory of city development. *Landscape and Urban Planning*. 166. p. 37–42. DOI: 10.1016/j.landurbplan.2017.06.017

Received 02.12.2020; Revised 25.03.2021;

Accepted 19.04.2021

Mikhail S. Yanitskiy – Director of the Social and Psychological Institute, Kemerovo State University. D. Sc. (Psychol.), Professor.

E-mail: direktorspi@kemsu.ru

Andrey V. Seryy – Professor of the Department of Psychological Sciences, Kemerovo State University. D. Sc. (Psychol.), Professor.

E-mail: avgrey@yahoo.com

Olga A. Braun – Associate professor of the Department of Psychological Sciences, Kemerovo State University. Cand. Sc. (Psychol.), Associate professor.

E-mail: oabraun09@rambler.ru

Roman O. Balabashchuk – Postgraduate student of the Department of Psychological Sciences, Kemerovo State University.

E-mail: romanpsy20@gmail.com

Olga V. Maslova – Associate professor-researcher of the Department of Social and Differential Psychology, Peoples’ Friendship University of Russia. Cand. Sc. (Psychol.), Associate professor.

E-mail: maslova_ov@rudn.university

Anastasia V. Miklyaeva – Professor of the Department of Human Psychology, Herzen State Pedagogical University of Russia. D. Sc. (Psychol.), Associate professor.

E-mail: a.miklyaeva@gmail.com

Vladimir V. Tereshchenko – Associate professor of the Department of General Psychology, Associate professor, Smolensk State University. Cand. Sc. (Psychol.).

E-mail: Terechenko2007@yandex.ru

Igor A. Filenko – Associate professor of the Department of General and Pedagogical Psychology, Tomsk State University. Cand. Sc. (Psychol.), Associate professor.

E-mail: filen5725@mail.ru

Rimma D. Sanzhayeva – Professor of the Department of Age and Pedagogical Psychology, Buryat State University. D. Sc. (Psychol.), Professor.

E-mail: rimmasan24@mail.ru

Soelma B. Dagbaeva – Head of the Department of Theoretical and Applied Psychology, Transbaikal State University. D. Sc. (Psychol.), Associate professor.

E-mail: soela@bk.ru

Yulia Y. Neyaskina – Dean of the Faculty of Psychology and Pedagogy, Vitus Bering Kamchatka State University. Cand. Sc. (Psychol.), Associate professor.

E-mail: neyaskinaju@yandex.ru

Ruslan V. Kadyrov – Head of the Department of All-Psychological Studies, Pacific State Medical University. Cand. Sc. (Psychol.), Associate professor.

E-mail: rusl-kad@yandex.ru

УДК 159.9.072.59

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ И ПСИХОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОПРОСНИКА «ГДЕ Я» ДЛЯ ИЗМЕРЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА

Л.Я. Дорфман^а, В.А. Гасимова^а, А.Ю. Калугин^б

^а *Пермский государственный институт культуры, 614000, Россия, Пермь, ул. Газеты Звезда, 18*

^б *Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 614990, Пермь, ул. Сибирская, 24*

Выделяется субъективное (ментальное) пространство как самостоятельная область исследования, ставится проблема его операционализации и измерения. С этой целью сконструирован опросник «Где Я» (ОГЯ), включающий четыре шкалы – «высота», «ширина», «длина», «объем». Психометрические свойства ОГЯ исследовались на выборке 177 студентов, юношей и девушек в возрасте от 17 до 26 лет. Были проверены надежность и дискриминативность пунктов, конструктивная валидность, внутренние конвергентная и дискриминантная валидности, критериальная валидность. Полученные результаты свидетельствуют о том, что ОГЯ можно использовать в научных и прикладных целях.

Ключевые слова: субъективное (ментальное) пространство; опросник «Где Я»; шкалы «высота», «ширина», «длина», «объем»; надежность; дискриминантность; валидность.

Введение

Исследования психологического пространства имеют давнюю историю, но до сих пор остаются проблемными вопросы о его природе, способах существования, параметрах и измерениях.

У. Джеймс [1] указывал на границы между человеком и средой: они взаимодействуют, но не сливаются. Вопрос границ имеет пространственные коннотации. В первой топографической модели З. Фрейда [2] бессознательное, предсознание и сознание назывались «местами» (топосами) и представлялись в пространственной форме. К. Левин [3] писал о том, что отношения «человек–среда» и принадлежность чего-либо человеку или среде касаются категорий, которые включают план психологического пространства. Дж. А. Келли [4] разработал математический подход к измерению психологического пространства. В зарубежной психологии исследования психологического пространства продолжаются и в последние десятилетия [5, 6].

В отечественной психологии также наблюдается интерес к проблеме психологического пространства [7–13].

Согласно Дж. Мальпас [6], понятие пространства опирается на идею протяжения и расширения. С другой стороны, пространство складывается из отдельных частей, «мест». Они возникают, как полагает Мальпас, из-за ограничений пространства, релятивных позиций «мест друг к другу», их дис-

кретности. Пространство касается материальных (физических, наблюдаемых) и нематериальных (психологических, не наблюдаемых внешним наблюдателем) явлений. А.Л. Журавлев и А.Б. Купрейченко [10] определили психологическое пространство как созданное, сформированное и поддерживаемое субъектом в соответствии с его жизненными принципами и смыслами, ценностями, целями и т.д. Индивидуальный или групповой субъект при этом является неотделимой частью (или элементом) своего психологического пространства. Как отмечает С.К. Нартова-Бочавер [12], психологическое пространство позволяет человеку иметь свою территорию, отграничиться от мира предметов, социальных и психологических связей, представляющих собой среду его жизнедеятельности.

В ряде работ [8–10, 12, 14, 15] выделяются различные виды психологического пространства – бытийное, жизненное, ментальное, коммуникативное, личностное, групповое, др. А.Л. Журавлев и А.Б. Купрейченко [10] предложили разграничивать реально существующие социальное и социально-психологическое пространство от пространства, недоступного для стороннего наблюдателя. Первое обозначается как «реальное», или «объективное», а второе – как «ментальное», или «субъективное».

Как отмечает В.Е. Ключко [14], ментальное пространство отличается от пространства объективной реальности тем, что включает в себя доступные сознанию явления – значение, смысл, ценность, эмоции. Л.Я. Дорфман [8] опирается на представления о том, что субъективная реальность имеет собственную психическую «ткань» и потому пространственно организована.

Психологическое пространство как таковое не сводится к пониманию динамической локализации высших психических процессов в мозговой коре [16] и не выводится из психического отображения пространства внешнего мира подобно тому, как теория психического отражения постулирует отражение психикой объективной действительности [17]. Положение о субъектности личности и подход к индивидуальности как системе допускают существование субъективной реальности, внутреннего мира как отдельного и самостоятельного образования [18, 19]. Оно не сводится ни к мозгу (телу), ни к внешнему миру, хотя взаимодействует с ними. Соответственно, субъективное пространство касается субъективной реальности, принимая статус самостоятельного феномена. В самом общем виде субъективное пространство – это аспект психологического пространства, который относится к субъекту, имеет имплицитные корни, а его отдельные атрибуты проявляются в поле сознания [9].

Актуальной является проблема операционализации и измерения психологического пространства. А.Л. Журавлев и А.Б. Купрейченко [10] используют в частности, формально-динамические характеристики, такие как сформированность и структурированность пространства, его плотность или разреженность, внутреннюю динамичность, прочность и устойчивость к внешним воздействиям, открытость и проницаемость границ, занимаемый объем, а также n -мерность пространства, количество «координатных осей» и ориентацию субъекта в зависимости от субъективной значимости

тех или иных явлений. С.К. Нартова-Бочавер [12] разработала опросник «Суверенность личного жизненного пространства», соответствующий шести измерениям: «Тело», «Физическое пространство», «Вещи», «Друзья», «Привычки», «Вкусы». Эти измерения были обозначены в соответствии со структурой эмпирического Я по У. Джеймсу [1]. О психологических дистанциях (расстояниях) пишут Л.Я. Дорфман [8], А.Л. Журавлев и А.Б. Купрейченко [10], N. Liberman и J. Förster [20], M.J. Proulx и соавт. [21].

Однако проблема исходных оснований, операционализации и измерения психологического пространства требует дополнительных исследований. В частности, это обусловлено тем, что его концептуальный анализ и вопрос измерений в значительной степени разобщены и недостаточно изучаются в едином ключе. В настоящей статье предпринята попытка теоретически обозначить математический прототип субъективного (ментального) пространства (СП), на этой основе разработать опросник «Где Я» и провести его психометрический анализ в эмпирической плоскости.

Математический прототип субъективного пространства

Главным, хотя и недостаточно изученным и понятным, является вопрос о том, как подступиться к исследованию СП. В первом приближении ответом может быть поиск базовых теоретических предпосылок, открывающих путь к его изучению. Л.Я. Дорфман [9] предложил использовать для изучения СП математический прототип. Мы пойдем этим путем, имея в виду теоретические предпосылки опросника «Где Я».

В математике понятие пространства развивается, в частности, на основе теории множеств. Согласно Г. Кантору [22], множество (или многообразие) есть совокупность элементов, в которой одним законом они соединяются в целое и дополнительно имеют структуру. Так возникает геометрия математического пространства. Хотя обычно геометрия имеет дело с конкретными (наглядными) пространствами, она также абстрактно выражает их [23]. К. Левин [3] отмечал, что в течение своей долгой истории математика достигла понимания пространства не только как физического или визуального. Математическим пространством стали описывать также числа, температуру, цвет, события. В этот перечень включаются и психические явления.

Математическая концепция пространства не является единой, ее разные направления толкуют пространство различным образом. Упростим понимание пространства и будем рассматривать его как евклидово, метрическое, линейное [24]. Положение каждого элемента в нем задается относительно трех взаимно перпендикулярных координатных осей, пересекающихся в начале координат. В то же время евклидово пространство предполагает количественные исчисления его протяженности по осям. Модель математического пространства не сводится к физическому или социальному пространству, а логически предшествует им. Математическая модель евклидова трехмерного пространства служит прототипом и СП.

Вряд ли СП можно отнести к годологическому пространству, о котором писал К. Левин [3]. Но его общая идея о направлении в пространстве заслуживает внимания. Модель СП в самом общем виде можно представить и разворачивать как пространство с направлениями вдоль осей евклидова трехмерного пространства. Не исключено, что у СП могут обнаруживаться собственные особенности [8, 9].

Опираясь на представления Дж. Мальпаса [6], Л.Я. Дорфман [9] предложил два сопряженных направления в исследованиях СП. Первое основывается на понимании СП как расширенного и протяженного. Оно предстает как гомогенное, связанное и непрерывное. Второе направление основывается на понимании СП как состоящего из некоторого множества «мест», ограниченных и дискретных, релятивных и сопряженных с указанием на локализацию тех или иных психических явлений. Тогда СП предстает как «многоместное», возможно, гетерогенное, прерывное с многообразием пространственного профиля. При объединении этих направлений открывается диалектическая двойственность в понимании СП – его гомогенность и гетерогенность, континуальность и дискретность, одномерность и многомерность.

Создание опросника «Где Я» опирается на второе направление в исследованиях СП. Признавая наличие некоторого множества «мест» в субъективной реальности, актуальным является поиск пространственной локализации Я. Для этого необходимо иметь или следует разработать инструмент измерений СП. Опросник «Где Я» направлен на измерение СП. Он реализует и конкретизирует вопрос «где?» вместо вопроса «что?» [8], имеет дело с пространственной локализацией Я и определяет для него место в СП. Действительно, ответ на вопрос «кто я?» нередко предполагает также ответ на вопрос «где я?» [21].

Другой важный вопрос о математическом прототипе касается формы пространства. Метрическое пространство – это множество элементов, между которыми имеются расстояния (метрика пространства). Математические расстояния показывают удаленность элементов (объектов) друг от друга и выражают протяженность пространства. Как известно, евклидово пространство включает высоту, длину и ширину в качестве ортогональных векторов. К ним можно добавить объем СП [25, 26]. В то же время можно поставить вопрос о расстояниях в математическом пространстве отдельно по этим векторам. Объем добавляется к ним.

Понимание математического пространства как евклидова, его метрика и размерность дают неявный намек на возможные пути разработки опросника «Где Я» для измерения СП.

Операционализация измерений СП в опроснике «Где Я», его шкалы и пункты

Операционализация измерений СП состоит в конструировании опросника «Где Я» (ОГЯ) по трем линиям: применения метафорических описаний шкал и пунктов ОГЯ, его дифференциации на шкалы, предъявления

пунктов ОГЯ участникам исследования способом, подобным семантическому дифференциалу.

Применение научных метафор – обычное дело в психологии, и оно ведет к эвристическим аналогиям. Д. Джентнер и Дж. Грудин [27] насчитали 265 метафор ментальных феноменов и распределили их по четырем категориям: живые организмы, нейрональные, пространственные и системные. Особенно популярны метафоры в когнитивной психологии, например компьютерная метафора [28]. На смену ей позже пришла нейросетевая метафора [29]. В нашей работе используются пространственные метафоры. Дифференциация ОГЯ на шкалы проводится по критерию размерностей евклидова пространства. Выделяется четыре шкалы: «высота», «ширина», «длина», «объем». Пункты шкал ОГЯ предъявлялись участникам исследования в виде вербального семантического дифференциала.

Операционализация ОГЯ через применение пространственных метафор, дифференциацию его шкал на «высоту», «ширину», «длину», «объем», предъявление пунктов ОГЯ участникам исследования в виде семантического дифференциала указывает на особенности конструирования пунктов ОГЯ. Например: низкое пространство 3 2 1 0 1 2 3 высокое пространство (шкала «Высота»), широкое пространство 3 2 1 0 1 2 3 узкое пространство (шкала «Ширина»), близкое пространство 3 2 1 0 1 2 3 дальнее пространство (шкала «Длина»), маленький объем 3 2 1 0 1 2 3 большой объем (шкала «Объем»).

Были сформулированы следующие исследовательские *гипотезы*:

1. ОГЯ включает четыре шкалы, которые метафорически и вербально обозначают «высоту», «ширину», «длину», «объем» СП.

2. Шкалы ОГЯ обладают достаточной степенью надежности и дискриминантности.

3. Шкалы ОГЯ имеют достаточную степень внутренней конструктивной валидности. Пункты шкал «высота», «ширина», «длина», «объем» образуют структуру, в которой первые три распадаются на ортогональные факторы, а пункты шкалы «объем» входят в состав одного или нескольких из них.

4. ОГЯ характеризуется внутренней конвергентной и дискриминантной валидностями.

5. ОГЯ характеризуется критериальной валидностью.

Исходя из гипотез, были сформулированы следующие *задачи* исследования:

1) разработать ОГЯ со шкалами «высота», «ширина», «длина», «объем», направленный на измерение СП;

2) изучить надежность ОГЯ по внутренней согласованности, надежности эквивалентности частей ОГЯ, его ретестовой надежности; также изучить дискриминантность ОГЯ.

3) оценить внутреннюю конструктивную валидность ОГЯ;

4) оценить внутренние конвергентную и дискриминантную валидности;

5) установить критериальную валидность ОГЯ по креативному мышлению и психометрическому интеллекту.

Выборка и ее репрезентативность

Л.Я. Дорфман, В.А. Гасимова, Г.В. Ковалева [25, 26] провели пилотажное психометрическое исследование ОГЯ. Полученные результаты свидетельствуют о перспективе более углубленной разработки данного опросника.

В настоящем исследовании психометрические данные об ОГЯ получены на выборке 177 человек, 53 юношей (29,94%) и 124 девушек (70,06%), студентов Пермского государственного института культуры первых курсов, выбравших гуманитарное направление обучения в вузе, возраст в диапазоне от 17 до 26 лет ($M = 19,51$; $SD = 1,67$). В выборку вошли только те участники, которые по данным самоотчетов свободно говорили и понимали русский язык. В ретестовых испытаниях участвовали 162 студента, интервал повторных измерений – 3 месяца. Вся выборка формировалась по случайному принципу, а достигнутый объем свидетельствует о ее репрезентативности к генеральной совокупности в части юношей и девушек, правда, с преобладанием девушек.

Анализ данных

Участники отвечали на пункты ОГЯ по шкале Ликерта способом, подобным семантическому дифференциалу. Они выражали степень своего согласия с содержанием пунктов, градуируя ответы по 7 ступеням в диапазоне от -3 (совершенно не согласен) до $+3$ (полностью согласен). Затем полученные данные переводились в значения от 1 до 7. Чем выше значение шкалы, тем больше расстояние по ней до «места» Я в сознании.

Общие особенности ОГЯ характеризовались описательной статистикой: средними, стандартными отклонениями, оценкой нормальности распределений по критерию Шапиро–Уилка. Для сравнения шкал ОГЯ по полу использовался t -критерий Стьюдента. Как показывают статистические исследования, предположение о нормальности не является обязательным для использования t -критерия Стьюдента, особенно в случае использования больших выборок [30].

Психометрическая надежность шкал ОГЯ тестировалась по трем группам показателей. В первую группу вошли показатели внутренней согласованности пунктов: средние интеркорреляции пунктов в шкалах, альфа Кронбаха и более точная характеристика надежности – омега МакДональда [31]. Во вторую группу вошли показатели эквивалентности при расщеплении шкалы на две половины («четная–нечетная») по критерию Спирмена–Брауна. В третью группу вошел показатель стабильности (тест–ретест): рассчитывался коэффициент альфа Грина между результатами первичного и повторного тестирования шкал. Интервал повторных измерений – 3 месяца.

Коэффициент Δ Фергюсона позволяет оценить степень дискриминативности шкал. Мы использовали его модификацию [32] для политомических шкал, таких как шкалы Ликерта. Значения, близкие к единице, означают высокую дискриминативность, близость к нулю – отсутствие дискриминации.

Внутренняя конструктивная валидность ОГЯ устанавливалась с помощью эксплораторного факторного анализа. О шкалах судили по латентным факторам, о пунктах – по их факторным нагрузкам в факторах. О внутренней конструктивной валидности ОГЯ судили двояко. Во-первых, если пункты шкал «высота», «ширина», «длина», «объем» со значимыми факторными нагрузками распределяются по четырем факторам, значит ОГЯ обладает внутренней конструктивной валидностью (вариант I). Во-вторых, если пункты шкал «высота», «ширина», «длина» со значимыми факторными нагрузками распределяются по трем факторам, а пункты шкалы «объем» входят в один или несколько из них (вариант II). Применялись метод главных компонент, ортогональное вращение факторов способом Varimax с нормализацией по Кайзеру. Выделялось 4 фактора (вариант I) и 3 фактора (вариант II), используя априорный критерий. Собственные значения факторов не должны быть меньше 1,00 (критерий Кайзера).

Внутренняя конвергентная и дискриминантная валидность ОГЯ устанавливалась по средним корреляциям пунктов со «своими» и «чужими» шкальными оценками и их сравнениям. Корреляции пунктов со «своими» шкалами показывают внутреннюю конвергентную валидность ОГЯ, низкие корреляции пунктов с «чужими» шкалами – внутреннюю дискриминантную валидность ОГЯ. Значимые различия между валидностями (по Difference test) показывают, в какой степени разные виды валидностей вероятны в совместном формате.

Внешняя критериальная валидность шкал ОГЯ оценивалась методом контрастных групп по креативному мышлению и психометрическому интеллекту. Креативное мышление было выбрано критериальным конструктом по причине его эмпирически установленных связей с ментальным пространством [25, 26]. В теории Е. Ханта [33] в единстве с визуально-пространственными рассуждениями рассматриваются флюидный интеллект и кристаллизованный интеллект, причем А. Кохрейн, В. Саймерин и Ц.С. Грин [34] установили значимые связи флюидного интеллекта с показателями пространства. Хотя мы не обнаружили в научной литературе эмпирических данных о связях кристаллизованного интеллекта с пространственными показателями, все же с опорой на теорию Е. Ханта [33] можно предложить флюидный интеллект и кристаллизованный интеллект также рассматривать критериальными конструктами ментального пространства.

Креативное мышление и его компоненты (беглость, гибкость, оригинальность, агрегированный индекс) оценивались тестом «Необычное использование» по Дж. Гилфорду [35], российская адаптация И.С. Авериной, Е.И. Щепановой [36]. Флюидный интеллект оценивался по Дж. Равену [37] (прогрессивные матрицы Равена). Кристаллизованный интеллект устанавливался по Р. Амтхауэру [38], задания на вербальный интеллект – «общая осведомленность», «исключение лишнего», «определение общего», «запоминание». Уровни переменных креативного мышления и психометрического интеллекта устанавливались по их z-оценкам: положительные z-оценки – высокие уровни, отрицательные z-оценки – низкие уровни. Вычисления выполнялись с помощью 1-факторного ANOVA (сумма квадра-

тов Тип III, модель с исключенным интерсептом), он достаточно устойчив к нарушениям требований нормальности распределения [39. С. 13]. Однородность дисперсий изучалась с помощью критерия Ливиня, который независим от предположений о нормальности [Там же]. Независимые факторы – переменные креативного мышления и психометрического интеллекта, зависимые переменные – шкалы «высота», «ширина», «длина», «объем». Их значения сравнивались при высоком и низком уровнях факторов креативного мышления и психометрического интеллекта по критерию Фишера (F).

Описательная статистика ОГЯ

В первоначальном варианте ОГЯ включал 46 пунктов: шкала «высота» – 11 пунктов, шкала «ширина» – 12, шкала «длина» – 11, шкала «объем» – 12 пунктов. Содержание пунктов извлекалось из словарей синонимов. После последовательного исключения «слабых» пунктов в ОГЯ осталось 36 пунктов: шкала «высота» – 9 пунктов (6 прямых, 3 обратных), шкала «ширина» – 9 пунктов (4 прямых, 5 пунктов обратных), шкала «длина» – 7 пунктов (3 прямых, 4 пункта обратных), шкала «объем» – 11 пунктов (5 прямых, 6 пунктов обратных). Пункты ОГЯ расположены в случайном порядке. Кроме того, в ОГЯ вошло 2 пункта шкалы лжи, всего – 38 пунктов.

Основные показатели дескриптивной статистики шкал ОГЯ в окончательном варианте характеризуются следующими данными.

Значения ($M \pm SD$) шкалы «высота» находились в диапазоне $5,38 \pm 1,11$ с разбросом индивидуальных значений от 2,11 до 7,00 баллов. Значения шкалы «ширина» находились в диапазоне $5,36 \pm 1,17$ с разбросом индивидуальных значений от 1,33 до 7,00 баллов. Значения шкалы «длина» находились в диапазоне $3,49 \pm 1,48$ с разбросом индивидуальных значений от 1,00 до 7,00 баллов. Значения шкалы «объем» находились в диапазоне $5,41 \pm 1,16$ с разбросом индивидуальных значений от 1,75 до 7,00 баллов.

Шкала «высота» имела ненормальное распределение ($W = 0,95$, $p < 0,001$). Шкала «ширина» имела ненормальное распределение ($W = 0,91$, $p < 0,001$). Шкала «длина» имела ненормальное распределение ($W = 0,97$; $p < 0,001$). Шкала «объем» имела ненормальное распределение ($W = 0,91$, $p < 0,001$).

Критерий Ливиня выявил нарушение предположения об однородности дисперсий для шкалы «высота» ($F(1; 175) = 7,84$, $p = 0,005$), поэтому t-критерий Стьюдента использовался с поправкой Уэлча. Половые различия были значимы по шкале «высота» ($t(133,79) = 2,55$, $p = 0,01$). Она была выражена в большей степени у мужчин, чем у женщин. По остальным шкалам половые различия были незначимыми.

Надежность и дискриминативность

Согласованность пунктов в шкалах ОГЯ

Показатели согласованности пунктов имели значения: 0,88 по альфе Кронбаха и 0,91 по омеге МакДональда (шкала «высота»); 0,88 по альфе Крон-

баха и 0,91 по омеге МакДональда (шкала «ширина»); 0,85 по альфе Кронбаха и 0,88 по омеге МакДональда (шкала «длина»); 0,93 по альфе Кронбаха и 0,94 по омеге МакДональда (шкала «объем»). Эти данные свидетельствуют о том, что пункты шкал «высота», «ширина», «длина», «объем» являются надежными. Средние интеркорреляции пунктов внутри шкал находились в диапазоне $0,46 \div 0,54$, что говорит об их умеренной выраженности.

Эквивалентность пунктов при расщеплении их на половины в шкалах ОГЯ

Показатели эквивалентности пунктов при расщеплении их на примерные половины имели значения: 0,82 (шкала «высота»); 0,86 (шкала «ширина»); 0,79 (шкала «длина»); 0,93 (шкала «объем»). Коэффициенты корреляций пунктов двух половин шкалы $r(175) = 0,70$ (шкала «высота»), 0,76 (шкала «ширина»), 0,67 (шкала «длина»), 0,81 (шкала «объем»), что свидетельствует об их умеренной и высокой выраженности.

Ретестовая стабильность

В повторных испытаниях альфа Грина для шкалы «высота» составила 0,46, для шкалы «ширина» – 0,41, для шкалы «длина» – 0,43, для шкалы «объем» – 0,52. Эти данные свидетельствуют об умеренной устойчивости шкал ОГЯ к фактору времени на трехмесячном временном интервале.

Дискриминативность

Для шкалы «высота» дискриминативность составляла 0,98[CI 0,97; 0,98], для шкалы «ширина» 0,98[CI 0,97; 0,98], для шкалы «длина» 0,99[CI 0,98; 0,99], для шкалы «объем» 0,98[CI 0,97; 0,98].

Валидность

Приведем результаты тестирования ОГЯ на внутреннюю конструктивную валидность, внутренние конвергентную и дискриминантную валидности, внешнюю критериальную валидность.

Внутренняя конструктивная валидность

С помощью эксплораторного факторного анализа внутренняя конструктивная валидность ОГЯ оценивается следующим образом. Она возникает тогда, когда шкалу выражает латентный фактор, а ее пункты – значимые факторные нагрузки. В один фактор входят значимые факторные нагрузки, выражающие одну шкалу и не характеризующие пункты других шкал. Значимые факторные нагрузки пунктов, выражающих разные шкалы, входят в состав разных факторов и не входят в состав одного и того же фактора (см., напр.: [40]).

Тестировалось две модели ОГЯ: 4-факторная и 3-факторная. В 4-факторной модели выделялось четыре фактора со значимыми факторными нагрузками, выражающими по отдельности шкалы «высота», «ширина», «длина», «объем» с их пунктами. В 3-факторной модели выделялось три фактора со значимыми факторными нагрузками, выражающими по отдельности пункты шкал «высота», «ширина», «длина». Значимые же фак-

торные нагрузки пунктов шкалы «объем» объединяются с одним или несколькими из факторов «высота», «ширина», «длина». Кроме того, следуя принципу фальсифицируемости К.Р. Поппера, тестировались альтернативные модели: однофакторная модель, предполагающая, что пункты всех шкал имеют значимые факторные нагрузки в одном факторе; модель с максимально возможным количеством факторов.

Однофакторная модель объясняла 35,18% дисперсии факторных нагрузок пунктов шкал ОГЯ. Факторные нагрузки всех пунктов шкал «высота», «ширина», «объем» были значимыми. Вместе с тем из однофакторной модели выпадали значимые факторные нагрузки пунктов шкалы «длина». Хотя собственное значение данного фактора было больше 1, выпадение шкалы «длина» с ее пунктами показывает, что от применения однофакторной модели ОГЯ можно воздержаться.

При включении в эксплораторный 3-факторный анализ пунктов ОГЯ доля объясненной дисперсии составила 54,51%. Каждый фактор имел собственное значение больше 1. В 1-й фактор (35,18%) вошли значимые факторные нагрузки пунктов шкал «ширина» и «объем», а также один пункт шкалы «высота». Он был интерпретирован как «шкалы ширины и объема» ОГЯ. Во 2-й фактор (10,75%) вошли значимые факторные нагрузки пунктов шкалы «длина». Он был интерпретирован как «шкала длины» ОГЯ. В 3-й фактор (8,57%) вошли значимые факторные нагрузки пунктов шкалы «высота». Он был интерпретирован как «шкала высоты» ОГЯ.

При включении в эксплораторный 4-факторный анализ пунктов ОГЯ каждый фактор имел собственное значение больше 1, а доля объясненной дисперсии составила 58,12%. Первый (35,18%), второй (10,75%) и третий (8,57%) факторы были подобны факторам в 3-факторной модели ОГЯ. Соответственно их можно интерпретировать как шкалы «ширина и объем», «длина», «высота» в ОГЯ. В 4-й фактор (3,61%) вошли незначимые факторные нагрузки пунктов всех шкал, за исключением одного пункта шкалы «длина» и двух пунктов шкалы «ширина». Низкая доля объясненной дисперсии и незначительное количество пунктов со значимыми факторными нагрузками в этом факторе показывают, что от его интерпретации можно воздержаться.

При построении факторной модели с максимально возможным количеством факторов было выделено шесть факторов. Каждый фактор имел собственное значение больше 1, а доля объясненной дисперсии составила 64,19%. Первый (35,18%), второй (10,75%) и третий (8,57%) факторы были подобны факторам в 3-факторной модели ОГЯ. Соответственно их можно интерпретировать как шкалы «ширина и объем», «длина», «высота» в ОГЯ. В 4-й фактор (3,61%) вошли незначимые факторные нагрузки пунктов всех шкал. Низкая доля объясненной дисперсии и незначимые факторные нагрузки в этом факторе показывают, что от его интерпретации можно воздержаться. В 5-й фактор (3,12%) вошли незначимые факторные нагрузки пунктов всех шкал, за исключением одного пункта шкалы «ширина» и одного пункта шкалы «высота», которые были значимы. Низкая доля объ-

ясненной дисперсии и большое количество незначимых факторных нагрузок в этом факторе показывают, что от его интерпретации можно воздержаться. В 6-й фактор (2,95%) вошли незначимые факторные нагрузки пунктов всех шкал, за исключением одного пункта шкалы «длина», который был значим. От его интерпретации также можно воздержаться.

Таким образом, однофакторная структура слабо отражает дисперсию пунктов опросника, а четырех- и шестифакторные модели являются избыточными. Трехфакторная модель оказалась наиболее экономной, достаточной и хорошо согласующейся с теоретическим конструктом. Следовательно, трехфакторная модель характеризует внутреннюю конструктивную валидность ОГЯ наилучшим образом. Данные о 3-факторной модели внутренней конструктивной валидности ОГЯ приведены в Дополнительных материалах (Table A) (<https://osf.io/dt5qb/>).

Внутренние конвергентная и дискриминантная валидности

Полученные результаты о средних высоких корреляциях пунктов со «своей» и «чужими» шкальными оценками приведены в табл. 1.

Таблица 1

Средние корреляции пунктов ОГЯ со «своими» и «чужими» шкалами

Шкалы	«Своя» шкала	«Чужие» шкалы			
		Высота	Ширина	Длина	Объем
Высота	0,72	–	0,33	–0,03	0,41
Ширина	0,72	0,33	–	–0,01	0,65
Длина	0,73	–0,03	–0,01	–	–0,01
Объем	0,77	0,44	0,69	–0,01	–

Примечание. В первом столбце корреляции пунктов со «своими» шкальными оценками, в остальных столбцах – корреляции пунктов с «чужими» шкальными оценками.

Корреляции пунктов высоты со «своей» шкальной оценкой (первая группа корреляций) были в среднем $r(175) = 0,72$, а с оценками «чужих» шкал (вторая группа корреляций) – в диапазоне $r(175) = -0,03 \div 0,41$. Различия между средними коэффициентами корреляций в первой группе и наиболее высоким коэффициентом во второй группе корреляций были на уровне $p < 0,001$. Корреляции пунктов ширины со «своей» шкалой были в среднем $r(175) = 0,72$, а с оценками «чужих» шкал – в диапазоне $r(175) = -0,01 \div 0,65$. Различия между средними коэффициентами корреляций в первой группе и наиболее высоким коэффициентом во второй группе корреляций были незначимы, но с другими коэффициентами из второй группы корреляций на уровне $p < 0,001$. Корреляции пунктов длины со «своей» шкальной оценкой были в среднем $r(175) = 0,73$, а с оценками «чужих» шкал – в диапазоне $r(175) = -0,03 \div -0,01$. Различия между средними коэффициентами корреляций в первой группе и наиболее высоким коэффициентом во второй группе корреляций были на уровне $p < 0,001$.

Корреляции пунктов объема со «своей» шкальной оценкой были в среднем $r(175) = 0,77$, а с оценками «чужих» шкал – в диапазоне $r(175) = -0,01 \div 0,69$. Различия между средними коэффициентами корреля-

ций в первой группе и наиболее высоким коэффициентом во второй группе корреляций были в тенденции, на уровне $p < 0,10$, но с остальными коэффициентами корреляций из второй группы на уровне $p < 0,001$.

В целом шкалы ОГЯ выдерживают проверку на внутренние конвергентную и дискриминантную валидности. Наиболее слабой оказалась дискриминантная валидность корреляций пунктов ширины со «своей» шкалой и со шкалой объема как «чужой» шкалой и, наоборот, корреляций пунктов шкалы объема как со «своей» шкалой и со шкалой ширины как «чужой» шкалой.

Внешняя критериальная валидность

Внешнюю критериальную валидность шкал ОГЯ по креативному мышлению и психометрическому интеллекту иллюстрирует табл. 2.

Таблица 2

Эффекты креативного мышления и интеллекта на шкалы ОГЯ

Фактор	Уро- вень	Шкалы ОГЯ							
		Высота	F	Ши- рина	F	Длина	F	Объем	F
Креативное мышление									
Беглость	Вы- сокий	5,42 ± 1,08	3,65 ^a	5,40 ± 1,21	3,68 ^a	3,44 ± 1,55	4,14 ^a	5,35 ± 1,17	4,14 ^a
	Низ- кий	5,34 ± 1,14		5,32 ± 1,14		3,52 ± 1,40		5,38 ± 1,16	
Гибкость	Вы- сокий	5,41 ± 1,09	н.з.	5,41 ± 1,17	н.з.	3,48 ± 1,58	н.з.	5,34 ± 1,20	н.з.
	Низ- кий	5,34 ± 1,13		5,30 ± 1,16		3,50 ± 1,37		5,39 ± 1,13	
Оригиналь- ность	Вы- сокий	5,42 ± 1,04	4,89 ^a	5,44 ± 1,23	4,49 ^a	3,42 ± 1,58	5,70 ^b	5,46 ± 1,15	4,79 ^a
	Низ- кий	5,34 ± 1,16		5,29 ± 1,12		3,54 ± 1,40		5,36 ± 1,17	
Индекс кре- ативности	Вы- сокий	5,43 ± 1,09	н.з.	5,46 ± 1,20	н.з.	3,50 ± 1,60	н.з.	5,42 ± 1,22	н.з.
	Низ- кий	5,33 ± 1,13		5,27 ± 1,30		3,48 ± 1,36		5,39 ± 1,12	
Интеллект									
Кристалли- зованный	Вы- сокий	5,38 ± 1,05	н.з.	5,36 ± 1,14	н.з.	3,45 ± 1,46	н.з.	5,39 ± 1,09	н.з.
	Низ- кий	5,37 ± 1,17		5,36 ± 1,20		3,54 ± 1,50		5,35 ± 1,28	
Флюидный	Вы- сокий	5,39 ± 1,11	18,21 ^c	5,33 ± 1,18	17,01 ^c	3,25 ± 1,44	7,48 ^b	5,39 ± 1,15	17,51 ^c
	Низ- кий	5,36 ± 1,20		5,41 ± 1,14		3,96 ± 1,42		5,43 ± 1,20	

Примечание. ^a – $p < 0,05$, ^b – $p < 0,01$, ^c – $p < 0,001$, н.з. – незначимые эффекты.

Шкалы «высота», «ширина», «объем» ОГЯ были выражены в большей степени при высоком уровне беглости, чем при низком уровне беглости, а шкала «длина», наоборот, в большей степени – при низком уровне бегло-

сти, чем при высоком ($F(1, 176) = 3,65 \div 4,14, p < 0,05$). Подобные же эффекты наблюдались между высоким и низким уровнями оригинальности ($F(1, 176) = 4,49 \div 5,70, p < 0,05 \div 0,01$). Ни одна из шкал ОГЯ не различалась значимо по уровням гибкости, индексу креативности и кристаллизованному интеллекту. Но шкала «высота» ОГЯ была выражена в большей степени при высоком уровне флюидного интеллекта, чем при его низком уровне, а шкалы «ширина», «длина», «объем» ОГЯ, наоборот, в большей степени – при низком уровне флюидного интеллекта, чем при его высоком уровне ($F(1, 176) = 7,48 \div 18,21, p < 0,01 \div 0,001$).

Следовательно, шкалы ОГЯ обладают критериальной валидностью по беглости, оригинальности и флюидному интеллекту.

Дополнительные материалы к статье представлены на сайте: <https://osf.io/dt5qb/>

Обсуждение

Операционализация ОГЯ состояла в его конструировании по трем линиям: через применение пространственных метафор, дифференциацию его шкал на «высоту», «ширину», «длинину», «объем», предъявление пунктов ОГЯ участникам исследования в формате семантического дифференциала. На основе эмпирических данных показано, что выделение в ОГЯ шкал «высота», «ширина», «длина», «объем» для изучения СП является оправданным и обоснованным. Это значит, что первая исследовательская гипотеза получила эмпирическую поддержку. Установлено, что шкалы ОГЯ обладают достаточной степенью надежности, дискриминантности и внутренней конструктивной валидностью. Некоторые вопросы возникают в отношении ретестовой надежности, которая продемонстрировала умеренные результаты устойчивости к фактору времени. Это могло быть связано с несколькими причинами: во-первых, повторный сбор материала был осуществлен в онлайн-формате в связи с режимом самоизоляции, и непростая социо-экономическая ситуация могла привести к серьезной переоценке своего Я и изменить восприятие субъективного пространства; во-вторых, сочетание высокой одномоментной надежности (альфа Кронбаха, омега МакДональда, критерий Спирмена–Брауна) и умеренной ретестовой надежности может говорить о динамичности и изменчивости субъективного пространства. Таким образом, полученные результаты в целом поддерживают вторую и третью исследовательские гипотезы. Также было установлено, что ОГЯ характеризуется внутренней конвергентной и дискриминантной валидностями, критериальной валидностью. Полученные данные поддерживают четвертую и пятую исследовательские гипотезы.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что математический прототип, пространственные метафоры и дифференциация ОГЯ на шкалы являются плодотворными для измерения СП. Субъективное пространство оказалось неравным математическому пространству по степени выраженности шкал. При эксплораторном факторном анализе шкалы объема и ши-

рины имели бо́льшую долю объяснимой дисперсии, чем каждая из шкал длины и высоты. Только шкала ширины вошла в один фактор со шкалой объема. Шкалы длины и высоты, наоборот, вошли в другие факторы. Возвращаясь к ширине и объему, заметим, что они относятся к разным измерениям СП, несмотря на то что структурно объединились в одном факторе. По этим соображениям обе шкалы были сохранены в ОГЯ. Вместе с тем в последующих исследованиях следует рассмотреть их сходство и различие более тщательно.

Ограничения. Отдельного внимания заслуживают вопросы уточнения перечня пунктов ОГЯ и их расширения, другие конструкты, помимо креативного мышления и интеллекта, для оценки критериальной валидности ОГЯ. Согласно полученным результатам, шкалы ОГЯ имеют ненормальные распределения. Желательно найти условия для перевода их в параметрический формат. Также требуется осмыслить объединение шкал ширины и объема в одном факторе при структурном анализе ОГЯ. Теоретическое объяснение шкал СП как таковых востребовано и нуждается в самостоятельном анализе. Изучение этих вопросов выходит за рамки настоящей работы и предполагает самостоятельные исследования.

Новая, пока слабо разработанная, перспектива исследования заключается в дифференциации СП на внешнее и внутреннее по отношению к Я. Внешнее СП является, так сказать, сквозным и характеризует СП в целом. ОГЯ направлен как раз на оценку локализации Я во внешнем СП. Однако открытым и требующим отдельного изучения является предложение инструмента для измерения СП внутри Я.

Заключение

Разработан опросник «Где Я» и выполнен его психометрический анализ. Теоретической предпосылкой ОГЯ является математический прототип пространства. Показаны возможности перевода математических представлений о пространстве на уровень представлений о СП. Необходимость создания и тестирования нынешней версии ОГЯ была продиктована также несовершенствами его пилотажной версии.

Установлено, что выделение в ОГЯ шкал «высота», «ширина», «длина», «объем» для изучения СП является оправданным и обоснованным. Шкалы ОГЯ обладают достаточной степенью надежности, дискриминантности и внутренней конструктивной валидностью. ОГЯ характеризуется также внутренней конвергентной и дискриминантной валидностями, критериальной валидностью. Известные ограничения возникают в связи с уточнением перечня пунктов ОГЯ и их расширением, других, помимо креативного мышления и интеллекта, конструктов для оценки критериальной валидности ОГЯ.

В целом психометрический анализ свидетельствует о том, что ОГЯ является надежным и валидным инструментом для измерения СП. Его можно использовать в психодиагностике, научных и прикладных исследованиях.

Где Я в своем сознании?**Инструкция**

Фамилия, имя _____ Возраст _____ Пол _____
 Национальность _____ Факультет _____ Курс _____
 Вы правша или левша (подчеркнуть)? _____
 Дата (число, месяц, год) _____

Представьте, что Ваше сознание имеет много мест. Где Ваше Я? Думайте примерно так: «Видимо, мое Я находится в каком-то определенном месте моего сознания».

Указывайте место Я в Вашем сознании с помощью одного из слов в каждой паре слов. Три цифры слева характеризуют выраженность Вашего ответа к словам слева в парах. Три цифры справа характеризуют выраженность Вашего ответа к словам справа в парах, а цифра «0» между ними характеризует неопределенность Вашего ответа.

Цифра «3» означает, что Вы совершенно согласны с оценкой места, цифра «2» – Вы согласны с оценкой места, цифра «1» – скорее Вы согласны, чем не согласны с оценкой места, цифра «0» – если Вы затрудняетесь оценить слово слева или справа.

Конечно, люди отвечают различным образом на разные ситуации. Любые ответы возможны, и лишь в какой-то степени они будут соответствовать месту Вашего Я в сознании. Выбирайте ответы, которые подходят Вам в наибольшей степени. Возможно, некоторые слова будут казаться Вам схожими. Делайте выбор по каждой паре слов, несмотря на то что в разных парах слов они могут казаться похожими.

Нет правильных или ошибочных ответов, и нет хитрых или шуточных слов. Работайте быстро и не думайте долго о точном значении слов. Проверьте, обвели ли Вы кружком ответ в каждой паре слов.

А	Я ясно понял(а) инструкцию	3	2	1	0	1	2	3	Я не понял(а) инструкцию
Б	Я готов(а) отвечать на каждый вопрос так искренне, как только возможно	3	2	1	0	1	2	3	Я не готов(а) отвечать на каждый вопрос так искренне, как только возможно
Видимо, мое Я находится...									
1	В пространстве, которое там	3	2	1	0	1	2	3	В пространстве, которое здесь
2	В пространстве рядом	3	2	1	0	1	2	3	В пространстве вдалеке
3	В нешироком пространстве	3	2	1	0	1	2	3	В распростертом пространстве
4	В опущенном пространстве	3	2	1	0	1	2	3	В поднятом пространстве
5	В удаленном пространстве	3	2	1	0	1	2	3	В неудаленном пространстве
6	В протяженном пространстве	3	2	1	0	1	2	3	В узковатом пространстве
7	В недалеком пространстве	3	2	1	0	1	2	3	В далеком пространстве
8	В просторном пространстве	3	2	1	0	1	2	3	В тесном пространстве

Продолжение таблицы

9	В далеком пространстве	3	2	1	0	1	2	3	В близком пространстве
10	В уменьшенном пространстве	3	2	1	0	1	2	3	В увеличенном пространстве
11	В пространстве, меньшем по ширине	3	2	1	0	1	2	3	В пространстве, большем по ширине
12	В пространстве с широтой	3	2	1	0	1	2	3	В суженном пространстве
13	В приспущенном пространстве	3	2	1	0	1	2	3	В приподнятом пространстве
14	В малюсеньком пространстве	3	2	1	0	1	2	3	В немалом пространстве
15	В пространстве, устремленном вверх	3	2	1	0	1	2	3	В пространстве, прижатом книзу
16	В масштабном пространстве	3	2	1	0	1	2	3	В микроскопическом пространстве
17	В раздольном пространстве	3	2	1	0	1	2	3	В узеньком пространстве
18	В низкоопущенном пространстве	3	2	1	0	1	2	3	В высокоподнятом пространстве
19	В небольшом пространстве	3	2	1	0	1	2	3	В объемистом пространстве
20	В преувеличенном пространстве	3	2	1	0	1	2	3	В миниатюрном пространстве
21	В ограниченном пространстве	3	2	1	0	1	2	3	В расширительном пространстве
22	В крошечном пространстве	3	2	1	0	1	2	3	В превеликом пространстве
23	В неотдаленном пространстве	3	2	1	0	1	2	3	В отдаленном пространстве
24	В громоздком пространстве	3	2	1	0	1	2	3	В куце пространстве
25	В крупном пространстве	3	2	1	0	1	2	3	В мелком пространстве
26	В обширном пространстве	3	2	1	0	1	2	3	В сжатом пространстве
27	В пониженном пространстве	3	2	1	0	1	2	3	В повышенном пространстве
28	В верхнем пространстве	3	2	1	0	1	2	3	В нижнем пространстве
29	В мизерном пространстве	3	2	1	0	1	2	3	В немаленьком пространстве
30	В узком пространстве	3	2	1	0	1	2	3	В широком пространстве
31	В высоком пространстве	3	2	1	0	1	2	3	В низком пространстве
32	В неблизком пространстве	3	2	1	0	1	2	3	В недалеком пространстве
33	В низковатом пространстве	3	2	1	0	1	2	3	В высоковатом пространстве

Окончание таблицы

34	В растянутом пространстве	3	2	1	0	1	2	3	В стянутом пространстве
35	В объемном пространстве	3	2	1	0	1	2	3	В малом пространстве
36	В невысоком пространстве	3	2	1	0	1	2	3	В высоком пространстве

Перевод ответов испытуемых в сырые баллы

Ответы испытуемых		Сырые балы
В цифрах	Их значения	
–3	Совершенно не согласен	1
–2	Не согласен	2
–1	Скорее не согласен, чем согласен	3
0	Затрудняюсь определить	4
+1	Скорее согласен, чем не согласен	5
+2	Согласен	6
+3	Полностью согласен	7

Ключи

Шкалы	Пункты											
Объем	8*	10	14	16*	19	20*	22	24*	25*	29	35	
Длина	1*	2	5*	7	9*	23	32*					
Ширина	3	6*	11	12*	17*	21	26*	30	34			
Высота	4	13	15*	18	27	28*	31*	33	36			

Примечание. * – обратные пункты.

Тестовые нормы

Вычислялись тестовые нормы (низкие, средние, высокие значения по шкале в «сырых» баллах) для женщин и мужчин по отдельности, за низкие принимались баллы ниже 16 процентиля, за высокие – выше 84 процентиля.

Тестовые нормы для женщин

Шкалы	Значения		
	Низкие	Средние	Высокие
Объем	11–47	48–70	71–77
Длина	7–13	14–35	36–49
Ширина	9–38	39–57	58–63
Высота	9–36	37–57	58–63

Тестовые нормы для мужчин

Шкалы	Значения		
	Низкие	Средние	Высокие
Объем	11–49	50–69	70–77
Длина	7–14	15–34	35–49
Ширина	9–41	42–54	55–63
Высота	9–41	42–59	60–63

Литература

1. Джеймс У. Психология. М. : Академический проект, 2011. 316 с.
2. Freud S. The Ego and the Id // The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud / J. Strachey (ed.). London : Hogarth Press, 1961. Vol. 19. P. 12–66. (Original work published 1923).
3. Lewin K. Principles of topological psychology. New York : McGraw-Hill, 1936. 231 p.
4. Келли Дж.А. Теория личности. СПб. : Речь, 2000. 248 с.
5. Eliot J. Models of psychological space: Psychometric, developmental, and experimental approaches. New York : Springer Science & Business Media, 2012. 203 p.
6. Malpas J. Putting space in place: philosophical topography and relational geography // Environment and Planning D: Society and Space. 2012. Vol. 30 (2). P. 226–242. DOI: 10.1068/d20810.
7. Березина Т.Н. Многомерная психика. Внутренний мир личности. М. : Пер Сэ, 2012. 319 с.
8. Дорфман Л.Я. Психологическое пространство и пространство Я-концепции. Сообщение 1. Общие представления о психологическом пространстве и пространстве Я-концепции // Мир психологии. 2017. № 2 (90). С. 124–134.
9. Дорфман Л.Я. Психологическое пространство и пространство Я-концепции. Сообщение 2. Математический подход к исследованию субъективного пространства и пространства Я-концепции // Мир психологии. 2018. № 1 (93). С. 218–229.
10. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Психологическое и социально-психологическое пространство личности: теоретические основания исследования // Знание, понимание, умение. 2012. № 2. С. 10–18.
11. Мунгалов В.Н. Психологические пространства человека // Сибирский психологический журнал. 2012. № 45. С. 104–111.
12. Нартова-Бочавер С.К. Психологическое пространство личности. М. : Флинта, 2020. 289 с.
13. Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. 2-е изд., доп. М. : Эксмо, 2013. 443 с.
14. Ключко В.Е. Коммуникативная среда как фактор становления ментального пространства человека // Менталитет и коммуникативная среда в транзитивном обществе / под ред. В.И. Кабрина, О.И. Муравьевой. Томск : Том. гос. ун-т, 2004. С. 30–44.
15. Ключко В.Е. Ментальное пространство личности как предмет профессионально-психологического осмысления // Личность в парадигмах и метафорах: ментальность–коммуникация–толерантность / под ред. В.И. Кабрина. Томск : Том. гос. ун-т, 2002. С. 30–44.
16. Лурия А. Основы нейропсихологии. М. : Академия, 2013. 384 с.
17. Чуприкова Н.И. Теория отражения, психическая реальность и психологическая наука // Методология и история психологии. 2006. Т. 1, вып. 1: Тематический выпуск «Предмет психологии». С. 174–192.
18. Вяткин Б.А., Дорфман Л.Я. Системная интеграция индивидуальности человека. М. : Ин-т психологии РАН, 2018. 176 с.
19. Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М. : Педагогика, 1986. 256 с.
20. Liberman N., Förster J. Distancing from experienced self: How global-versus-local perception affects estimation of psychological distance // Journal of Personality and Social Psychology. 2009. Vol. 97 (2). P. 203–216. DOI: 10.1037/a0015671.
21. Proulx M.J., Todorov O.S., Aiken A.T., de Sousa A.A. Where am I? Who am I? The relation between spatial cognition, social cognition and individual differences in the built environment // Frontiers in Psychology. 2016. Vol. 7. P. 64. DOI: 10.3389/fpsyg.2016.00064.

22. Кантор Г. Труды по теории множеств. М. : Наука, 1985. 430 с.
23. Головкин Н.В. Философские вопросы научных представлений о пространстве и времени. Концептуальное пространство-время и реальность. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2006. 226 с.
24. Гончаров О.А., Ушакова Н.Е. Нейропсихологические механизмы топологического и метрического принципов обработки пространственной информации // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека Дубна. 2014. № 1. С. 29–45.
25. Дорфман Л.Я., Гасимова В.А., Ковалева Г.В. Субъективное пространство как фактор креативного мышления // Методология, теория, история психологии личности / отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Никитина, Н.Е. Харламенкова. М. : Ин-т психологии РАН, 2019. С. 123–132.
26. Dorfman L., Gassimova V., Kovaleva G. Mental space and divergent thinking: a preliminary discourse and empirical evidence // Integrative Explorations of the Creative Mind / ed. by L. Dorfman, P. Machotka, V. Petrov. Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2019. P. 210–246.
27. Gentner D., Grudin J. The evolution of mental metaphors in psychology: a 90-year retrospective // American Psychologist. 1985. Vol. 40 (2). P. 181–192. DOI: 10.1037/0003-066x.40.2.181.
28. Boden M.A. Mind as machine: a history of cognitive science. Oxford : Oxford University Press, 2008. 1680 p.
29. Martindale C. Cognitive psychology: a neural-network approach. Pacific Grove, CA : Brooks / Cole, 1991. 282 p.
30. Корнеев А.А., Кричевец А.Н. Условия применимости критериев Стьюдента и Манна-Уитни // Психологический журнал. 2011. Т. 32, № 1. С. 97–110.
31. McNeish D. Thanks Coefficient Alpha, we'll take it from here // Psychological Methods. 2018. Vol. 23 (3). P. 412–433. DOI: 10.1037/met0000144.
32. Hankins M. Questionnaire discrimination: (re)-introducing coefficient δ // BMC Medical Research Methodology. 2007. Vol. 7 (1). P. 19. DOI: 10.1186/1471-2288-7-19.
33. Hunt E. Human Intelligence. New York : Cambridge University Press, 2011. 507 p.
34. Cochrane A., Simmering V., Green C.S. Fluid intelligence is related to capacity in memory as well as attention: Evidence from middle childhood and adulthood // PloS one. 2019. Vol. 14, № 8. e0221353. DOI: 10.1371/journal.pone.0221353.
35. Guilford J.P. Intelligence, creativity, and their educational implications. San Diego, CA: EDITS, 1968. VIII, 229 p.
36. Аверина И.С., Щепланова Е.И. Вербальный тест творческого мышления «Необычное использование». М. : Соброрь, 1996. 60 с.
37. Равен Дж., Равен Дж.К., Корт Дж.Х. Руководство к Прогрессивным Матрицам Равена и Словарным Шкалам. Раздел 3. Стандартные Прогрессивные Матрицы (включая Параллельные и Плюс версии). М. : Когито-Центр, 2012. 144 с.
38. Amthauer R. Intelligenz-Struktur-Test: I-S-T 70. Göttingen, 1973.
39. Гусев А.Н. Дисперсионный анализ в экспериментальной психологии. М. : Психология, 2000. 136 с.
40. Дорфман Л.Я., Калугин А.Ю. Четырехфакторный опросник Я: его концептуальный и психометрический анализ // Сибирский психологический журнал. 2020. № 75. С. 53–74. DOI: 10.17223/17267080/75/4.

*Поступила в редакцию 29.05.2020 г.; повторно 23.11.2020 г.;
принята 23.11.2020 г.*

Дорфман Леонид Яковлевич – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин Пермского государственного института культуры.
E-mail: dorfman07@yandex.ru

Гасимова Вера Александровна – кандидат психологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Пермского государственного института культуры.

E-mail: vera358@bk.ru

Калугин Алексей Юрьевич – кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой практической психологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

E-mail: kaluginau@yandex.ru

For citation: Dorfman, L.Y., Gasimova, V.A., Kalugin, A.Y. Theoretical and Psychometric Analysis of the “Where I Am” Questionnaire. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal – Siberian journal of psychology*. 2021; 80: 30–52. doi: 10.17223/17267080/80/2. In Russian. English Summary

Theoretical and Psychometric Analysis of the “Where I Am” Questionnaire

L.Y. Dorfman^a, V.A. Gasimova^a, A.Y. Kalugin^b

^a Perm State Institute of Culture, 18, Gazeta Zvezda Str., Perm, 614000, Russian Federation

^b Perm State Humanitarian Pedagogical University, 24, Sybyskaya Str., Perm, 614990, Russian Federation

Abstract

The subjective (mental) space (MS) is specified as a particular area of research. The issue of its operationalization and measurement are put forward. A mathematical prototype of MS has been proposed. In a simplified form, the mathematical space conceives of as Euclidean, metric, and linear. It extends to the MS. The operationalization of its measurements consisted in the construction of the “Where I am” questionnaire (WIQ). Three main properties of the WIQ were as follows. First, physical descriptions of space were in use as metaphors for the MS. Second, 4 scales, namely, “height,” “width,” “length,” and “volume,” specified the WIQ. Third, a procedure like a semantic differential administered the WIQ’s items to participants. Raw data were gathered from a sample consisting 177 students, men and women aged from 17 to 26. Participants expressed the degree of agreement with each item of the WIQ on the seven-point grade ranging from “strongly disagree” to “strongly agree”. Ultimately, the WIQ consisted of 36 items, namely, 9 items per the scale “height,” 9 items per the scale “width,” 7 items per the scale “length,” and 11 items per the scale “volume.” Descriptive statistics included means, standard deviations, chi-square to define normality of variables, t-test to assess differences between men and women. Psychometric reliability of the WIQ was estimated by intercorrelations of items in scales, Cronbach's alpha, omega, split-half reliability, re-test, as well as the WIQ’s discrimination. Exploratory factor analysis provided an estimation of the WIQ’s construct validity. Internal convergent and discriminant validity of the WIQ was gained by comparisons of items’ correlations with ‘own’ and ‘others’ scales. Contrast groups on creative thinking and intelligence computed external criterion validity of the WIQ by 1-way ANOVA. Obtained data were as follows. Extraction to specify the WIQ on above scales was psychometrically justified. The WIQ showed good measures of reliability. The WIQ yielded a 3-factorized structure as most evident of its construct validity and consistent with expected theoretical suggestions, despite of items of the scales “width” and “volume” entered the same factor. Findings maintained significant internal convergent and discriminant validity of the WIQ. It possessed either external criterion validity Creative fluency, originality, and fluid intelligence produced significant effects on the WIQ’s scales. Thus, the WIQ can be reasonable in scientific and applied studies.

Keywords: mental (subjective) space; “Where I am” questionnaire; “height,” “width,” “length,” and “volume” scales; reliability; discrimination; validity.

References

1. James, W. (2001) *Psikhologiya* [Psychology]. Translated from English. Moscow: Akademicheskii proekt.
2. Freud, S. (1961) *The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud*. Vol. 19. London: Hogarth.
3. Lewin, K. (1936) *Principles of Topological Psychology*. New York: McGraw-Hill.
4. Kelly, G.A. (1963) *Teoriya lichnosti* [A Theory of Personality]. Translated from English. St. Petersburg: Rech'.
5. Eliot, J. (2012) *Models of psychological space: Psychometric, developmental, and experimental approaches*. New York: Springer Science & Business Media.
6. Malpas, J. (2012) Putting space in place: philosophical topography and relational geography. *Environment and Planning D: Society and Space*. 30(2). pp. 226–242. DOI: 10.1068/d20810
7. Berezina, T.N. (2012) *Mnogomernaya psikhika. Vnutrenniy mir lichnosti* [Multidimensional psyche. The inner world of personality]. Moscow: Per Se.
8. Dorfman, L.Ya. (2017) *Psikhologicheskoe prostranstvo i prostranstvo Ya-kontseptsii*. Soobshchenie 1. Obshchie predstavleniya o psikhologicheskom prostranstve i prostranstve Ya-kontseptsii [Psychological space and the space of self-concept. Part 1. General ideas about the psychological space and the space of the self-concept]. *Mir psikhologii – World of Psychology*. 2(90). pp. 124–134.
9. Dorfman, L.Ya. (2018) *Psikhologicheskoe prostranstvo i prostranstvo Ya-kontseptsii*. Soobshchenie 2. Matematicheskii podkhod k issledovaniyu sub'ektivnogo prostranstva i prostranstva Ya-kontseptsii [Psychological space and the space of self-concept. Part 2. A mathematical approach to the study of subjective space and the space of self-concept]. *Mir psikhologii – World of Psychology*. 1(93). pp. 218–229.
10. Zhuravlev, A.L. & Kupreichenko, A.B. (2012) The psychological and socio-psychological space of the person: the theoretical foundations of the research. *Znanie, ponimanie, umenie – Knowledge. Understanding. Skill*. 2. pp. 10–18. (In Russian).
11. Mungalov, V.N. (2012) Psychological human space. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 45. pp. 104–111. (In Russian).
12. Nartova-Bochaver, S.K. (2020) *Psikhologicheskoe prostranstvo lichnosti* [Psychological space of personality]. Moscow: Flinta.
13. Petrenko, V.F. (2013) *Mnogomernoe soznanie: psikhosemanticheskaya paradigma* [Multidimensional consciousness: a psychosemantic paradigm]. 2nd ed. Moscow: Eksmo.
14. Klochko, V.E. (2004) Kommunikativnaya sreda kak faktor stanovleniya mental'nogo prostranstva cheloveka [The communicative environment as a factor in the formation of the mental space of a person]. In: Kabrin, V.I. & Muravyova, O.I. (eds) *Mentalitet i kommunikativnaya sreda v tranzitivnom obshchestve* [Mentality and communicative environment in a transitive society]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 30–44.
15. Klochko, V.E. (2002) Mental'noe prostranstvo lichnosti kak predmet professional'no-psikhologicheskogo osmysleniya [The mental space of the personality as an object of professional psychological understanding]. In: Kabrin, V.I. (ed.) *Lichnost' v paradigmakh i metaforakh: mental'nost' – kommunikatsiya – tolerantnost'* [Personality in paradigms and metaphors: mentality - communication - tolerance]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 30–44.
16. Luriya, A. (2013) *Osnovy neyropsikhologii* [Fundamentals of Neuropsychology]. Moscow: Akademiya.
17. Chuprikova, N.I. (2006) Theory of reflection, psychological reality and psychological science. *Metodologiya i istoriya psikhologii – Methodology and History of Psychology*. 1(1). pp. 174–192. (In Russian).
18. Vyatkin, B.A. & Dorfman, L.Ya. (2018) *Sistemnaya integratsiya individual'nosti cheloveka* [System integration of human individuality]. Moscow: Institute of Psychology RAS.

19. Merlin, V.S. (1986) *Ocherk integral'nogo issledovaniya individual'nosti* [Essay on the Integral study of individuality]. Moscow: Pedagogika.
20. Liberman, N. & Förster, J. (2009) Distancing from experienced self: How global-versus-local perception affects estimation of psychological distance. *Journal of Personality and Social Psychology*. 97(2). pp. 203–216. DOI: 10.1037/a0015671
21. Proulx, M.J., Todorov, O.S., Aiken, A.T. & de Sousa, A.A. (2016) Where am I? Who am I? The relation between spatial cognition, social cognition and individual differences in the built environment. *Frontiers in Psychology*. 7. pp. 64. DOI: 10.3389/fpsyg.2016.00064
22. Kantor, G. (1985) *Trudy po teorii mnozhestv* [Works on set theory]. Moscow: Nauka.
23. Golovko, N.V. (2006) *Filosofskie voprosy nauchnykh predstavlenii o prostranstve i vremeni. Kontseptual'noe prostranstvo-vremya i real'nost'* [Philosophical questions of scientific ideas about space and time. Conceptual Space-Time and Reality]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
24. Goncharov, O.A. & Ushakova, N.E. (2014) Neuropsychological mechanisms of the topological and metric principles in spatial processing. *Psikhologicheskii zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshchestva i cheloveka Dubna – Dubna Psychological Journal*. 1. pp. 29–45. (In Russian).
25. Dorfman, L.Ya., Gasimova, V.A. & Kovaleva, G.V. (2019) Sub'ektivnoe prostranstvo kak faktor kreativnogo myshleniya [Mental space as a parameter of creative thinking]. In: Zhuravlev, A.L., Nikitina, E.A. & Kharlamenkova, N.E. (eds) *Metodologiya, teoriya, istoriya psikhologii lichnosti* [Methodology, Theory, History of Personality Psychology]. Moscow: Institute of Psychology RAS. pp. 123–132.
26. Dorfman, L., Gassimova, V. & Kovaleva, G. (2019) Mental space and divergent thinking: A preliminary discourse and empirical evidence. In: Dorfman, L., Machotka, P. & Petrov, V. (eds) *Integrative Explorations of the Creative Mind*. Cambridge Scholars Publishing. pp. 210–246.
27. Gentner, D. & Grudin, J. (1985) The evolution of mental metaphors in psychology: A 90-year retrospective. *American Psychologist*. 40(2). pp. 181–192. DOI: 10.1037/0003-066x.40.2.181
28. Boden, M.A. (2008) *Mind as Machine: A History of Cognitive Science*. Oxford: Oxford University Press.
29. Martindale, C. (1991) *Cognitive Psychology: A Neural-Network Approach*. Pacific Grove, CA: Brooks/Cole.
30. Korneev, A.A. & Krichevets, A.N. (2011) Conditions for student T-test and Mann-Whitney U-test application. *Psikhologicheskii zhurnal – Psychological Journal*. 32(1). pp. 97–110. (In Russian).
31. McNeish, D. (2018) Thanks Coefficient Alpha, We'll Take It From Here. *Psychological Methods*. 23(3). pp. 412–433. DOI: 10.1037/met0000144
32. Hankins, M. (2007) Questionnaire discrimination: (re)-introducing coefficient δ . *BMC Medical Research Methodology*. 7(1). DOI: 10.1186/1471-2288-7-19
33. Hunt, E. (2011) *Human Intelligence*. New York: Cambridge University Press.
34. Cochrane, A., Simmering, V. & Green, C.S. (2019) Fluid intelligence is related to capacity in memory as well as attention: Evidence from middle childhood and adulthood. *PloS one*. 14(8). DOI: 10.1371/journal.pone.0221353
35. Guilford, J.P. (1968) *Intelligence, creativity, and their educational implications*. San Diego, CA: EDITS.
36. Averina, I.S. & Shcheblanova, E.I. (1996) *Verbal'nyy test tvorcheskogo myshleniya "Neobychnoe ispol'zovanie"* [Verbal Test of Creative Thinking "Unusual Use"]. Moscow: Sobor".
37. Raven, J., Raven, J.C. & Court, J.H. (2000) *Rukovodstvo k Progressivnym Matritsam Ra-vena i Slovarnym Shkalam* [Manual for Raven's progressive matrices and vocabulary scales]. Translated from English. Moscow: Kogito-Tsentr.
38. Amthauer, R. (1973) *Intelligenz-Struktur-Test: I-S-T 70*. Göttingen: [s.n.].

39. Gusev, A.N. (2000) *Dispersionnyy analiz v eksperimental'noy psikhologii* [Analysis of variance in experimental psychology]. Moscow: Psikhologiya.
40. Dorfman, L.Ya. & Kalugin, A.Yu. (2020) The Four-Factor Self Questionnaire: Theoretical and Psychometric Analysis. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 75. pp. 53–74. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/75/4

Received 29.05.2020; Revised 23.11.2020;

Accepted 23.11.2020

Leonid Ya. Dorfman – Head of the Department of Humanities, Perm State Institute of Culture, D. Sc. (Psychol.). Professor.

E-mail: dorfman07@yandex.ru

Vera A. Gasimova – Associate Professor of the Department of Humanities, Perm State Institute of Culture. Cand. Sc. (Psychol.).

E-mail: vera358@bk.ru

Alexey Yu. Kalugin – Head of the Department of Practical Psychology. Cand. Sc. (Psychol.). Associate Professor.

E-mail: kaluginau@yandex.ru

УДК 159.9

АУТЕНТИФИКАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК В ДИСТАНЦИОННОМ ОБУЧЕНИИ¹

О.В. Лукьянов^а, И.А. Дубинина^а, Е.В. Бредун^а

^а Томский государственный университет, 634050, Россия, Томск, пр. Ленина, 36

Представлены результаты исследования ситуации самооценки студентов в среде дистанционного обучения. Материалом послужил опыт реализации курса «Практикум по самооценке» на программе обучения психологии. Проанализирована активность пяти выпусков бакалавриата. Опыт рассматривается в контексте решения масштабной проблемы создания индивидуальных образовательных сред. Индивидуальная образовательная среда в контексте современных тенденций развития (с дистанционными формами, цифровым следом и пр.) подразумевает не только процесс усвоения знаний студентом, но и дискриминацию студентов по различным качествам, в том числе по способностям и уровням развития. Представлены результаты опыта выявления типов интеллектуальных стилей. Исследование показывает относительную адекватность и полезность дистанционных образовательных сред.

Ключевые слова: интеллектуальный стиль; самооценка; индивидуальная образовательная среда; продуктивность; оценка.

Постановка проблемы, гипотеза исследования

Среди современных тенденций и изменений в образовании имеет место тенденция участия цифровых платформ в процессах социальной дискриминации. Сегодня интенсивно происходит формирование «цифровых сред», а одной из основных функций среды является отбор [1]. Специфической особенностью цифровых сред, или так называемого дистанционного обучения, является то, что активная роль в процессе отбора делегируется субъекту (студенту). Субъект, осуществляя выборы, предпочтения, решения и прочее, сам «определяет» себя в некоторый «порядок». Желательной тенденцией отбора при этом является отбор по способностям [2–4]. Однако как это происходит в действительности, требует исследований и подтверждений. В статье представлены некоторые данные об опыте использования дистанционного курса в качестве инструмента самооценки студентов психологического факультета, обучавшихся по программе бакалавриата. В некотором приближении полученные результаты могут распространяться и на ситуации обучения по другим специальностям,

¹ Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0040.

в которых важную роль играет индивидуальный стиль мышления (гуманитарные специальности).

В средах, ориентированных на формирование индивидуальной образовательной траектории, большое значение имеют аутентичность самостоятельной работы студента и достоверность данных «цифрового следа» [5]. В дистанционных формах более, чем в других, велик риск имитации деятельности. Доступное программное обеспечение электронной образовательной среды может измерять достижения студента в области освоения фактических, семантических и процедурных знаний, но оно не в состоянии измерить метакогнитивное познание, потому что студент не всегда и не очевидно демонстрирует индивидуальную стратегию своего мышления при решении типовой задачи. В этом случае по результатам самостоятельной работы могут быть сделаны (в том числе самим обучающимся) неверные выводы относительно когнитивных способностей студента. Невидимость имитации, недостаточная степень аутентификации самостоятельной работы может привести к тому, что обучение превратится в создание виртуальных, фиктивных «результатов» [6–8].

Сегодня принято в качестве материала для анализа и обобщений брать так называемый цифровой след. Под цифровым следом подразумеваются различного рода данные о личности студента, его когнитивной активности, выборах и предпочтениях, рефлексивной направленности, качестве творческих продуктов и т.д. Цифровой след представляется источником достоверных данных о человеческом капитале (количественные характеристики, технологически отчуждаемые от личности), но пока нет полного понимания того, насколько цифровой след адекватен для оценки человеческого потенциала (качественные характеристики, не отчуждаемые от личности) [9–12]. В связи с этим возникает вопрос о достоверности диагностического потенциала образовательной онлайн-среды. Вопрос подлинности цифровых следов и систем их интерпретации требует внимательного изучения границ происходящего в образовательных средах и выявления маркеров изучения образовательных процессов, поскольку значительная часть задач уже решается не в диалоге «учителя и ученика», а во взаимодействии студента и преподавателя с машиной, формирующей эпигенетический ландшафт.

Остроту вопросу добавляют противоречия и недовольства со стороны субъектов образовательного процесса. Работодатели недовольны «качеством» выпускников, студенты недовольны качеством обучения, преподаватели недовольны уровнем активности студентов и т.п. Но главной проблемой является проблема отбора и доминирования новых когнитивных комплексов (стилей мышления, склада восприятия и пр.), формируемых в будущих поколениях. Внедрение цифровых технологий формирует тенденцию отбора по принципу толерантности к ограничениям и требованиям социальных платформ. К чему это приведет? Осуществляется ли отбор по способностям? Какими инструментами мы можем направлять и контролировать процесс отбора?

Материалы исследования

Дистанционное обучение по сравнению с традиционным характеризуется большей гибкостью в возможности индивидуализировать процессы обучения, но, кроме очевидных преимуществ, можно выделить и недостатки, связанные со способностями студентов к саморегуляции. Персонализация обучения в соответствии с потребностями учащегося и уровнем его знаний представляет собой ключевой элемент в процессе обучения в электронных средах. Системы электронного обучения с персонализированными элементами должны адаптировать учебный опыт в соответствии с целями отдельного учащегося, а студент должен проявлять метакогнитивные навыки, такие как постановка цели, оценка ее достижения, участвовать в выборе стратегий и регулировании обучения.

Сегодня во многих аспектах общие, универсальные цели обучения неочевидны. И этим определяется некоторый психологический тренд в образовании, выражающийся в актуализации надпрофессиональных компетенций и самоопределения. Сегодня, как говорят в популярных шоу, роль психологии в процессах развития возрастает. Но при этом сама психология распадается на множество различных функциональных систем, что приводит скорее к растерянности, чем к интенсификации самоопределения. Обращают внимание на то, что выпускников ожидают вызовы профессиональной деятельности-практики (психология таланта, призвания), междисциплинарность (психология интеллекта), самореализация и деятельность в области «искусств» (психология творчества), самозанятость и освоение технологий – «ремесло» (психология вовлеченности) [13–16]. Насколько вузы и студенты готовы к этим вызовам и оснащены? В данном контексте обучение психологии можно считать предельно неопределенным. Бакалавр-психолог – это не профессия, но и не базовое образование. Самоопределение для студентов-психологов, возможно, является более важным аспектом образования, чем для студентов других специальностей.

Исследование проводилось на протяжении пяти лет на факультете психологии Томского государственного университета. Изучался опыт использования электронных технологий обучения для формирования понятийного мышления. На предварительном этапе было выявлено противоречие, состоящее в том, что студенты считали непропорционально большим объемом теоретической работы. При этом характеристики интеллектуальной готовности выпускников на основании качества квалификационных работ свидетельствовали о низком уровне сформированности понятийного мышления, т.е. о недостаточности усилий в процессе теоретической подготовки.

Таким образом, можно говорить о тенденции к потере интеллектуального потенциала выпускников, вовлеченных в образовательную среду с использованием цифровых технологий. Эта гипотеза уточнялась в предположении о том, что эффективность образовательных школ, программ, технологий может определяться по качественным и количественным пока-

зателям изменений в интеллектуальной, творческой и практической деятельности учащихся в процессе обучения.

Гипотеза: участники дистанционной образовательной среды имеют широкий спектр рассеивания показателей по критериям интеллектуальных стилей, в частности по таким параметрам, как умение обобщать, систематизировать, творчески перерабатывать информацию и создавать качественный интеллектуальный продукт.

Методы исследования интеллектуальной профессиональной компетентности

В процессе реформирования образовательного процесса и наполнения основных образовательных программ так называемыми дистанционными технологиями на факультете психологии ТГУ проведено действенное исследование, основой которого был новый дистанционный курс «Практикум по самооценке». Этот курс предлагался студентам бакалавриата по программе «Психология» (перед выпуском) и включал задания трех типов: задания на проверку формальных знаний, творческие задания и рефлексивные задания. Исследовались результаты пяти лет (пяти выпусков) в период с 2015 по 2020 г.

Был проведен сравнительный анализ параметров интеллектуальной профессиональной компетентности, индивидуальных когнитивных стилей студентов. Общий объем выборки составил 75 человек.

На первом этапе исследования были идентифицированы две большие группы студентов: «интеллектуально продуктивные» и «интеллектуально непродуктивные». Идентификация старшекурсников как интеллектуально продуктивных осуществлялась на основании оценки выполнения ими заданий: категориальных карт по основным теоретическим дисциплинам, научного эссе и творческого задания по выбору. Студенты четвертого курса, не справившиеся с заданиями, представившие для оценки и рефлексии некачественные интеллектуальные продукты, составили группу «интеллектуально непродуктивных» (табл. 1).

В качестве показателей понятийных способностей (категориальных и концептуальных) использовались успешное / неуспешное выполнение задачи-задания «Категориальные карты» и «Научное эссе».

Для оценки творческих и практических способностей использовалось успешное / неуспешное выполнение задачи-задания «Творческий продукт».

На втором этапе исследования операционализировались особенности организации умственного опыта в виде параметров сформированности определенных интеллектуальных способностей (абстрактное мышление, креативность) и когнитивных контролей. Сформированность произвольного интеллектуального контроля оценивалась по показателям когнитивного стиля «импульсивность–рефлексивность» (методика «Сравнение похожих рисунков» Дж. Кагана) и показателям когнитивного стиля «полезависимость–полнезависимость» (методика «Включенные фигуры» Г. Уиткина).

Когнитивные контроли организуют и координируют работу базовых познавательных процессов, а также ограничивают влияние аффективных и мотивационных состояний на процесс построения познавательного образа.

Таблица 1

Сводная таблица качественных показателей интеллектуальной продуктивности

Группа	Задачи-задания				Творческий продукт
	Категориальные карты	Научное эссе			
	Структурированность	Гипотеза	Суждения	Вывод	
Интеллектуально продуктивные	Сложносоставные и одновременно когнитивно компактные	Сформулирована	Проблемно направленные	Апостериорный	Центрированность на новизне, целесообразности и доступности
Интеллектуально непродуктивные	Глобальные, без возможности декомпозиции и переструктурирования отдельных категорий	Не сформулирована	Оценочные (позитивные или критические)	Априорный	Эгоцентрический характер репрезентации продукта, центрированность на собственных потребностях

Для оценки уровня понятийного мышления использовались субтест 2 (выделение сущностного признака как показателя интуитивного компонента понятийного мышления, работающего без произвольного рационального анализа) и субтест 6 (абстрактное мышление) теста Амтхауэра. Методика В. Колги «Свободная сортировка слов» позволила оценить способность к произвольной (автономно работающей) категоризации по показателю «коэффициент категоризации».

В качестве критерия продуктивных дивергентных способностей использовались показатели модифицированного теста Э. Торренса «Круги» [17]. Для оценки особенностей интеллектуальной деятельности в рамках этого теста применялись показатели категориальной гибкости (КК), оригинальности (ОР), конструктивной активности (КА). Показатель категориальной гибкости оценивает разнообразие идей и стратегий, способность переходить от одного аспекта познавательной деятельности к другому. Параметр оригинальности характеризует способность выдвигать идеи, отличающиеся от очевидных, банальных или твердо установленных. Критерий конструктивной активности определяет степень сложности и разнообразия выполняемых визуальных преобразований.

Результаты исследования

Для обработки и анализа экспериментального материала нами были использованы методы дисперсионного анализа [18], которые позволили обнаружить значимые различия по всем выбранным показателям интел-

лектуальных способностей между группой «интеллектуально продуктивных» студентов и студентами группы «интеллектуально непродуктивных» (табл. 2).

Таблица 2

Сводная таблица дисперсионного анализа

Группа	Тесты								
	Р. Амтхауэра		В. Колги	Е. Торренса			Дж. Кагана		Г. Уиткина
	St 2	St 6		KK	KA	OP	t	er	
Интеллектуально продуктивные	115,6	121,6	0,8	7,5	22,4	19,6	53,3	6,6	10,9
Интеллектуально непродуктивные	112,3	103,5	0,4	6,1	16,1	10,3	45,0	12,7	14,8
Уровень значимости для критерия Р. Фишера									
	0,01	0,01	0,01	0,04	0,01	0,01	0,01	0,03	0,01

Как видно из табл. 1, группу «продуктивных» от группы «непродуктивных» отличает высокий уровень показателя «абстрактное мышление» и высокий уровень творческих способностей. Показатели «среднее время принятия решения» (t) и «среднее количество ошибок» (er) в тесте Кагана показывают различия по импульсивному / рефлексивному когнитивному стилю («продуктивные» – рефлексивны, «непродуктивные» – импульсивны). Показатели «среднее время поиска фигуры» (T) и «непроизвольный контроль» (nk) в тесте Уиткина показывают различия по полнезависимому / полнезависимому когнитивному стилю («продуктивные» – полнезависимы, «непродуктивные» – полнезависимы).

Интерпретация полученных результатов

С помощью дисперсионного анализа выявлено, что интеллектуальной продуктивности в сфере научно-исследовательской, творческо-практической деятельности способствуют высокий уровень развития абстрактного мышления, высокий коэффициент категоризации, высокий уровень креативности, полнезависимость и рефлексивность по когнитивным стилям [19–20].

Если мы попробуем перевести этот набор измеряемых тестами характеристик в комплекс наблюдаемых качеств, то можно предположить, что высокий уровень развития абстрактного мышления проявляется в согласованности текста (речи), непротиворечивости и стройности дискурса. Высокий коэффициент категоризации проявляется в способности интерпретировать (переводить) тексты на разные языки и масштабы. Высокий уровень креативности проявляется в предпочтении сложных, творческих заданий. Полнезависимость и рефлексивность проявляются в способности построить индивидуальную образовательную траекторию. Показатели по данным характеристикам являются маркерами успешного обучения, в том числе в дистанционном формате. Они позволяют судить о включенности кон-

кредтного студента в профессиональное обучение и дают возможность определить уровни интеллектуальной успешности и спрогнозировать модель индивидуального образовательного пространства (индивидуальной образовательной траектории).

При проектировании социальных платформенных решений, таких как дистанционные курсы, распределенные образовательные среды и т.п., мы решаем, кроме всего прочего, две практических (фундаментальных и прикладных одновременных) задачи: как обеспечить самостоятельную работу студентов, т.е. как сформулировать систему императивов, и как проверять, контролировать формирование компетенций. Чем больше вклад индивидуальности, тем труднее и дороже организация системы контроля (оценивания). Например, во многих гуманитарных дисциплинах в качестве задания для контроля знаний студенту предлагается написать эссе. Эссе позволяет выявить уровень абстрактного мышления (проявляется в качестве дискурса), уровень категоризации (проявляется в качестве категориального аппарата), уровень креативности (проявляется в пафосе, интонации, напряженности текста), а полнезависимость и рефлексивность когнитивного стиля проявляются в личной позиции [21–22]. В этом смысле эссе является достоверным способом оценки компетенций, но очень дорогим в осуществлении проверки. Проверять эссе может только преподаватель, в достаточной степени погруженный и в контекст жизни студента, и в контекст области знаний. Коротко говоря, стажеру или практиканту, тем более цифровой системе, такую проверку поручить нельзя. Кроме того, эссе в качестве проверочного задания не может выполняться повторно. Если студенты будут совершенствовать свои эссе, то это уже будет образовательный процесс, а не итоговый контроль. Такая ситуация приводит нас к варианту, когда контрольное задание выполняется не в конце, а в процессе обучения, и в конце только оформляется. Это хороший вариант, но тоже дорогой, поскольку подразумевает участие преподавателя или референтной группы в процессе обучения, что подходит для реализации элитного обучения, но не подходит для массового.

Из сказанного можно сделать вывод, подтверждающий довольно распространенное мнение профессиональных преподавателей о том, что массовое дистанционное обучение в большей степени направлено на формирование операционных компетенций, нежели профессиональных. У нас действительно нет объективных оснований быть уверенными в том, что в процессе дистанционного обучения сформировались профессиональные компетенции. В лучшем случае мы можем говорить о вероятности и тенденции. Дистанционное обучение выполняет функцию отбора (причем отрицательного отбора), социальной дискриминации по принципу лояльности к системе, но не образует в том смысле, что не образует новых уровней активности и организации. При желании сделать дистанционное образование результативным оно перестает быть массовым и становится индивидуальным. Именно индивидуализация считается главным преимуществом цифровых образовательных технологий. Но индивидуализация

образования подразумевает развитие ответственности студентов за образовательный процесс.

В электронной образовательной среде на студентов возлагается ответственность за определение стратегий обучения, которым они будут следовать, да и вообще за свое самоопределение. Поэтому студенты нуждаются в конструктивных учебных заданиях и маркерах оценки своих профессиональных навыков для регуляции их познавательной деятельности. Оценка индивидуальных стилей занимает центральное место в образовательном процессе и имеет преимущества, выходящие за рамки измерения только знаний и компетенций. Одной из ключевых характеристик оценки индивидуальных стилей является обеспечение, хоть и опосредованное платформой, обратной связи с преподавателем.

Оценка индивидуальных стилей опирается на такой параметр, как уровень владения языком. Например, чтобы написать эссе, ответить на ряд открытых вопросов или описать решение, студенту придется сформировать операциональные когнитивные навыки. Ему потребуется идентифицировать и интегрировать известную информацию о предмете задачи, что, в свою очередь, будет отражать профессиональную позицию студента, его умение аргументировать и представлять информацию на профессиональном языке. Задания для оценивания, требующие комплексного решения поставленной задачи, требуют использования познавательных моделей, соответствующих этому конкретному контексту, и на такой вопрос можно ответить уверенно и правильно только в том случае, если данная познавательная модель присутствует на уровне владения языком. Таким образом, владение языком подразумевает, а значит и позволяет с некоторой вероятностью оценить, множество когнитивных образований и компетенций.

Индивидуализация образования посредством цифровых технологий сегодня считается выгодной прогрессивной тенденцией в связи с большим количеством инвестиций в эту идею. При этом предполагается, что цифровизация сократит транзакционные издержки, т.е. издержки на коммуникацию между субъектами, генерирующими знания, и субъектами, потребляющими знания. Если в прошлые эпохи для того, чтобы поучиться у ведущего специалиста, надо было преодолеть географические, политические, административные, языковые и другие препятствия, то сегодня можно ознакомиться в его видеовыступлениях, онлайн-курсами, послушать его сообщения на конференции или поступить к нему на обучающую программу, не покидая собственного дома и не оплачивая издержки на его приглашение в «наш» город. Цифровизация позволяет учиться у мастера и не знакомиться с ним, не отягощаться личными особенностями и потребностями друг друга.

Но возникает и ряд проблем обратной стороны цифровизации высшего образования, например имитация, неопределенность и недоверие: «Меня мастер не видит; может, меня и нет». Как мне проверить свои компетенции? Как преодолеть разрыв между цифровым опытом и опытом реальной

жизни, если автор курса не вкладывается в проверку меня? Если обучение – мое личное дело, как проверить мою компетенцию? Разрешение данных противоречий является основой для успешной интеграции электронного образования в среду высшего профессионального образования. Как показывает опыт, даже мотивированные и взрослые студенты профессиональных программ охотно «придумывают» себе разные фиктивные опасности, например в виде опасности и значимости экзаменов, но не рискуют самостоятельно выходить в информационный поиск в реальной деятельности. При этом опыт показывает, что присутствие эксперта-консультанта, обеспечивающего критерии и ориентиры индивидуальной образовательной траектории, существенно меняет ситуацию в сторону увеличения определенности.

Заключение

Учитывая скорость изменений в технологиях, которые мы переживаем, можно предположить, что характеристики профессионального обучения, карьерных траекторий и традиционные способы трудоустройства не будут существовать в том виде, в каком они существовали для прошлых поколений и в каком они видятся сейчас нам, поэтому нет передаваемых знаний или навыков, которые могли бы гарантировать удовлетворение потребностей неопределенного и постоянно меняющегося будущего. Может быть только передаваемая, наследуемая тенденция развития, воплощающаяся в стратегиях индивидуального развития. Для овладения будущим индивиды и сообщества должны сделать ставку на стратегию [23–25]. И это верно для разных уровней организации, включая стратегии мышления. Современные образовательные тенденции диктуют применение новых форматов обучения. Игнорировать нарастание роли цифровых платформ невозможно, но остается неясным, является ли действительно продуктивным обучение в дистанционной среде [26–27] и что представляет собой мера успешности при дистанционной форме обучения.

Можно предположить, что электронное обучение ориентировано на саморегулирующие способности студентов. Соответственно, эффективность обучения будет зависеть от таких атрибутов обучающей среды, как типы заданий и способы их оценки. Аутентичность заданий снимет проблему мотивации. Это должны быть задания, эксплицирующие индивидуальные способности.

Платформенный (средовой) подход к персонализации обучения требует активности не только в потреблении знаний, но и в их генерировании, умения переносить знания, накопленные в симуляционных средах, в реальные условия среды производства, интегрировать полученные компетенции с профессиональными целями и задачами.

Полученные в данном исследовании результаты свидетельствуют, что такие метакогнитивные способности, как полнезависимость и рефлексивность, обеспечивают возможность объективированных форм умственной

репрезентации (объективных форм умственной картины событий), что говорит об успешной интеллектуальной самореализации. Подкрепление таких способностей в условиях профессионального образования позволяет студенту реализовать свое право на профессиональную самоидентичность, возможность сделать выбор, предложить профессиональное решение и узнать последствия и оценку своих действий.

Помимо этого, мы можем предположить, что такие аспекты, как цели профессионального образования и уровень базовых знаний, также влияют на эффективность обучения. Большинство интеллектуальных систем фиксируется на принятии поведения, интересов и привычек пользователя и не учитывает, соответствуют ли способности учащегося содержанию и уровню сложности учебных ресурсов. Неподходящие ресурсы могут вызвать дезориентацию учащегося и отказ от выполнения задачи. Удовлетворенность студентов и эффективность процесса обучения могут быть улучшены, если система электронного обучения будет способна удовлетворить специфические потребности обучения, выстраивая не только адаптационные модели, но и модели развития – критических, предельных факторов.

Дальнейшая задача исследования состоит в определении характеристик обучения, демонстрирующих вариации использования возможностей электронной образовательной среды для успешного профессионального обучения. Гипотеза о большой изменчивости когнитивных способностей субъектов образовательной среды была уточнена обстоятельством, характеризующим интеллектуально продуктивных студентов: они характеризуются проявленностью стиля и стратегии мышления. Поэтому в системы самоаттестации следует вставлять такие задания, которые позволяли бы оценивать не отдельные действия, а стратегии мышления студентов.

Литература

1. Kelly D., Tangney B. Adapting to intelligence profile in an adaptive educational system // *Interacting with computers*. 2006. Т. 18, № 3. Р. 385–409. DOI: 10.1016/j.intcom.2005.11.009.
2. Гришина Н.В. Психология изменений: методологические предложения Курта Левина // *Жизненное пространство в психологии: теория и феноменология* : сб. ст. / под ред. Н.В. Гришиной, С.Н. Костроминой. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 124–148.
3. Костенко В.Ю. Возможное Я: подход Хейзел Маркус // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2016. Т. 13, № 2. С. 421–430. DOI: 10.17323/1813-8918-2016-2-421-430.
4. Костенко В.Ю., Гришутина М.М. Невозможное я: предварительное исследование в контексте теории Хейзел Маркус // *Пензенский психологический вестник*. 2018. № 1. С. 126–148.
5. Лукьянов О.В., Бронер В.И., Васильев А.В. Категориальный аппарат психологии вовлеченности (аутентификации) // *Сибирский психологический журнал*. 2020. № 75. С. 39–52. DOI: 10.17223/17267080/75/3.
6. Battaglino T.B., Haldeman M., Laurans E. The costs of online learning // *Education reform for the digital era* / C.E. Finn, D.R. Fairchild (eds.). Washington, DC : Thomas B. Fordham Institute, 2012. P. 55–76.

7. Fullan M. Educational change: Implementation and continuation // Leading professional practice in education. SAGE Publications Ltd., 2013. P. 111–123. DOI: 10.4135/9781473915152.n11.
8. Leading professional practice in education / Ch. Wise, P. Bradshaw, M. Cartwright (eds.). SAGE Publications Ltd., 2013. 304 p. DOI: 10.4135/9781473915152.
9. Лукьянов О.В. Тенденции понимания личностной идентичности в системно-антропологическом ракурсе // Сибирский психологический журнал. 2009. №. 34. С. 18–23.
10. Леонтьев Д.А. Личность как преодоление индивидуальности: основы неклассической психологии личности // Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра / под ред. А.А. Леонтьева. М. : Смысл, 2006. С. 134–147.
11. Марцинковская Т.Д. Психология пространства: от вселенной до личности, от экосферы до экзисферы // Жизненное пространство в психологии: теория и феноменология : сб. ст. / под ред. Н.В. Гришиной, С.Н. Костроминой. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2020. С. 63–99.
12. Нартова-Бочавер С.К., Силина О.В. Психологические границы личности: взросление и культура. М. : Памятники исторической мысли, 2018. 120 с.
13. Sternberg R.J. The theory of successful intelligence // Review of General Psychology. 1999. № 3. P. 292–316.
14. Sternberg R.J., Grigorenko E.L. Teaching for successful intelligence // Journal for the Education of the Gifted. 2003. Vol. 27, № 2/3. P. 207–228.
15. Sternberg R.J. Wisdom, Intelligence, and Creativity Synthesized. New York : Cambridge University Press, 2007. 227 p. URL: <http://vct.qums.ac.ir/portal/file/?180470/Wisdom-Intelligence-and-Creativity-Synthesized.pdf>
16. Sternberg R.J. Cognitive psychology / with contributions by J. Mio. 5th ed. Belmont : Wadsworth Cengage Learning, 2009. 657 p.
17. Torrance E.P. Torrance Tests of Creative Thinking. Scholastic Testing Service, Inc., 1974.
18. Наследов А.Д. Математические методы психологического исследования: анализ и интерпретация данных. СПб. : Речь, 2004. 392 с.
19. Witkin H.A., Moore C.A., Cox P.W. Field-dependent and field-independent cognitive styles and their educational implications // Review of Educat. Research. 1977. Vol. 47. P. 1–64. DOI: 10.2307/1169967.
20. Kagan J. Reflection-impulsivity: The generality and dynamics of conceptual tempo // Journal of Abnorm. Psychol. 1966. Vol. 71. P. 17–24. DOI: 10.1037/h0022886.
21. Нартова-Бочавер С.К. Современное состояние психологии суверенности как учения о личностных границах // У истоков развития / отв. ред. Л.Ф. Обухова, И.А. Котляр (Корепанова). М. : МГППУ, 2013. С. 56–67.
22. Нартова-Бочавер С.К. Психология суверенности: десять лет спустя. М. : Смысл, 2017. 200 с.
23. Леонтьев Д.А. Неклассический подход в науках о человеке и трансформация психологического знания // Психология, лингвистика и междисциплинарные связи : сб. науч. работ к 70-летию со дня рождения Алексея Алексеевича Леонтьева / под ред. Т.В. Ахутиной, Д.А. Леонтьева. М. : Смысл, 2008. С. 205–225.
24. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М. : Айрис Пресс : Рольф, 2002. 573 с.
25. Mobilis in Mobili: личность в эпоху перемен / под общ. ред. А.Г. Асмолова. М. : Языки славянской культуры, 2018. 538 с.
26. Ухтомский А.А. Доминанта. СПб. : Питер, 2002. 448 с.
27. Ухтомский А.А. Лицо другого человека. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2008. 661 с.

*Поступила 12.10.2020 г.; повторно 22.12.2020 г.;
принята 29.04.2021 г.*

Лукьянов Олег Валерьевич – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии личности Томского государственного университета.

E-mail: lukyanov7@gmail.com

Дубинина Ирина Анатольевна – старший преподаватель кафедры психологии личности Томского государственного университета.

E-mail: irina.dia.tpu@yandex.ru

Бредун Екатерина Валерьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и педагогической психологии Томского государственного университета.

E-mail: bredun.88@mail.ru

For citation: Lukyanov, O.V., Dubinina, I.A., Bredun, E.V. Authentication of Educational Practices in Online Learning. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology*. 2021; 80: 53–66. doi: 10.17223/17267080/80/3. In Russian. English Summary

Authentication of Educational Practices in Online Learning¹

O.V. Lukyanov^a, I.A. Dubinina^a, E.V. Bredun^a

^a Tomsk State University, 36, Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation

Abstract

The aim of online learning is to help forward the individualization of educational practices and self-determination of a student. From the technological point of view, it is supposed to reduce the costs on the teacher's presence in educational process (it is not a teacher but a platform which holds the knowledge) and to increase investments in the student's presence (a student completes the given knowledge with his own senses, motives, values and creativity). An important phase of educational process is rating. According to the trend of "high technologies" (technologies that minimize the human presence in management) we may say that there is also a trend to increase the level of rating. In online learning environment we rate not only the results and actions of a student, but also the level of his abilities or competence and the means of rating authenticity.

The article discusses the data received on using the "Self-attestation practice" online course. It is a means of final assessment for students who complete the BA in psychology.

By the way of variance analysis, we verified the hypothesis that the high level of abstract thinking, high coefficient of categorization, high level of creativity, field independence and reflexivity on cognitive styles are favor for intellectual productivity in scientific, research and creative areas.

A measured set of level characteristics for intellectual products is transformed into a complex of observed language qualities. The high level of abstract thinking is demonstrated in speech coherence, in discourse consistency. The high coefficient of categorization is demonstrated in the ability to interpret texts into different languages and scales. High creativity level can be seen in making preference for difficult, challenging creative tasks. Field independence and reflexivity is demonstrated in the ability to make an individual educational track. These characteristics are markers of successful study, including online education. They allow us estimating each student's involvement into professional studies and defining the levels of intellectual success, predicting the model of individual learning environment (individual learning track).

Keywords: intellectual style; self-attestation; individual learning environment; efficiency; rating.

¹ The research was part of the state task of the Ministry of Education and Science of Russia, project No. 0721-2020-0040.

References

1. Kelly, D. & Tangney, B. (2006) Adapting to intelligence profile in an adaptive educational system. *Interacting with Computers*. 18(3). pp. 385–409. DOI: 10.1016/j.intcom.2005.11.009
2. Grishina N.V. Psikhologiya izmeneni: metodologicheskie predlozheniya Kurta Levina [Psychology of change: Kurt Lewin's methodological proposals]. In: Grishina, N.V. & Kostromina, S.N. (eds) *Zhiznennoe prostranstvo v psikhologii: teoriya i fenomenologiya* [Living Space in Psychology: Theory and Phenomenology]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 124–148.
3. Kostenko, V.Yu. (2016) Possible Self: Theory by Hazel Marcus. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 13(2). pp. 421–430. (In Russian). DOI: 10.17323/1813-8918-2016-2-421-430.
4. Kostenko, V.Yu. & Grishutina, M.M. (2018) Impossible Self: preliminary research in the context of the theory of Hazel Marcus. *Penzenskiy psikhologicheskiy vestnik – Penza Psychological Newsletter PSYCHOLOGY-NEWS.RU*. 1. pp. 126–148. (In Russian). DOI: 10.17689/psy-2018.1.8
5. Lukyanov, O.V., Broner, V.I. & Vasiliev, A.V. (2020) Categories of the Psychology of Involvement (Authentication). *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 75. pp. 39–52. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/75/3.
6. Battaglino, T.B., Haldeman, M. & Laurans, E. (2012) The costs of online learning. In: Finn, C.E. & Fairchild, D.R. (eds) *Education Reform for the Digital Era*. Washington, DC: Thomas B. Fordham Institute. pp. 55–76.
7. Fullan, M. (2013) Educational change: Implementation and continuation. In: Wise, C., Cartwright, M. & Bradshaw, P. (eds) *Leading professional practice in education*. SAGE Publications Ltd. pp. 111–123. DOI: 10.4135/9781473915152.n11
8. Wise, C., Cartwright, M. & Bradshaw, P. (eds) *Leading professional practice in education*. SAGE Publications Ltd. pp. 111–123. DOI: 10.4135/9781473915152.
9. Lukyanov, O.V. (2009) Tendencies of personality identity interpretation in anthropological approach. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 34. pp. 18–23. (In Russian).
10. Leontiev, D.A. (2006) Lichnost' kak preodolenie individual'nosti: osnovy neklassicheskoy psikhologii lichnosti [Personality as overcoming individuality: the foundations of non-classical personality psychology]. In: Leontiev, D.A. (ed.) *Psikhologicheskaya teoriya deyatel'nosti: vchera, segodnya, zavtra* [Psychological Theory of Activity: Yesterday, Today, Tomorrow]. Moscow: Smysl, 2006. pp. 134–147.
11. Martsinkovskaya, T.D. (2020) Psikhologiya prostranstva: ot vselennoy do lichnosti, ot ekosfery do ekzisfery [Psychology of space: from the universe to the personality, from the ecosphere to the exisphere]. In: Grishina, N.V. & Kostromina, S.N. (eds) *Zhiznennoe prostranstvo v psikhologii: teoriya i fenomenologiya* [Living Space in Psychology: Theory and Phenomenology]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 63–99.
12. Nartova-Bochaver, S.K. & Silina, O.V. (2018) *Psikhologicheskie granitsy lichnosti: vzroslenie i kul'tura* [Psychological Boundaries of Personality: Growing Up and Culture]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli.
13. Sternberg, R.J. (1999) The theory of successful intelligence. *Review of General Psychology*. 3. pp. 292–316. DOI: 10.1037/t51253-000
14. Sternberg, R.J. & Grigorenko, E.L. (2003) Teaching for successful intelligence. *Journal for the Education of the Gifted*. 27(2/3). pp. 207–228. DOI: 10.1177/016235320302700206
15. Sternberg, R.J. (2007) *Wisdom, Intelligence, and Creativity Synthesized*. New York: Cambridge University Press. [Online] Available form: <http://vct.qums.ac.ir/portal/file/?180470/Wisdom-Intelligence-and-Creativity-Synthesized.pdf>
16. Sternberg, R.J. & Mio, J. (2009) *Cognitive Psychology*. 5th ed. Belmont: Wadsworth Cengage Learning.

17. Torrance, E.P. (1974) *Torrance Tests of Creative Thinking*. Scholastic Testing Service, Inc.
18. Nasledov, A.D. (2004) *Matematicheskie metody psikhologicheskogo issledovaniya: analiz i interpretatsiya dannykh* [Mathematical methods of psychological research: data analysis and interpretation]. St. Petersburg: Rech'.
19. Witkin, H.A., Moore, C.A. & Cox, P.W. (1977) Field-dependent and field-independent cognitive styles and their educational implications. *Review of Educational Research*. 47. pp. 1–64. DOI: 10.2307/1169967
20. Kagan, J. (1966) Reflection-impulsivity: The generality and dynamics of conceptual tempo. *Journal of Abnormal Psychology*. 71. pp. 17–24. DOI: 10.1037/h0022886
21. Nartova-Bochaver, S.K. (2013) Sovremennoe sostoyanie psikhologii suverennosti kak ucheniya o lichnostnykh granitsakh [The current state of the psychology of sovereignty as a doctrine of personal boundaries]. In: Obukhova, L.F. & Kotlyar (Korepanova), I.A. (eds) *U istokov razvitiya* [At the origins of development]. Moscow: MSPPU. pp. 56–67.
22. Nartova-Bochaver, S.K. (2017) *Psikhologiya suverennosti: desyat' let spustya* [The Psychology of Sovereignty: Ten Years Later]. Moscow: Smysl.
23. Leontiev, D.A. (2008) Neklassicheskiy podkhod v naukakh o cheloveke i transformatsiya psikhologicheskogo znaniya [Non-classical approach in the human sciences and the transformation of psychological knowledge]. In: Akhutina, T.V. & Leontiev, D.A. (eds) *Psikhologiya, lingvistika i mezhdisciplinarnye svyazi* [Psychology, Linguistics and Interdisciplinary Communications]. Moscow: Smysl. pp. 205–225.
24. Vernadsky, V.I. (2002) *Biosfera i noosfera* [Biosphere and Noosphere]. Moscow: Ayris Press: Rol'f.
25. Asmolov, A.G. (ed.) (2018) *Mobilis in Mobili: lichnost' v epokhu peremen* [Mobilis in Mobili: Personality in an Era of Change]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
26. Ukhtomsky, A.A. (2002) *Dominanta* [Dominant]. St. Petersburg: Piter.
27. Ukhtomsky, A.A. (2008) *Litso drugogo cheloveka* [Another Person's Face]. St. Petersburg: Ivan Limbakh.

Received 12.10.2020; Revised 22.12.2020;

Accepted 29.04.2021

Oleg V. Lukyanov – Head of the Department of Personality Psychology, Tomsk State University. D. Sc. (Psychol.). Professor.

E-mail: lukyanov7@gmail.com

Irina A. Dubinina – Senior lecturer of the Department of Personality Psychology, Tomsk State University.

E-mail: irina.dia.tpu@yandex.ru

Ekaterina V. Bredun – Associate Professor of the Department of General and Pedagogical Psychology, Tomsk State University. Cand. Sc. (Psychol.).

E-mail: bredun.88@mail.ru

УДК 159.99

ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЕМЕЙНОЙ МИКРОКУЛЬТУРЫ

Е.Е. Сапогова^а, М.А. Горелкина^а

^а *Московский педагогический государственный университет, 119991, Россия, Москва, ул. Малая Пироговская, 1, стр. 1*

Семейная микрокультура определена как специфическая психосемантическая реальность, порождающая у каждого из членов семьи когнитивно-образную модель самовосприятия и поведения. Представлена авторская модель семейной микрокультуры, четыре кластера которой («Семейные ритуалы и традиции», «Семейно-родственные связи», «Пространственно-предметный мир семьи», «Семейные нарративы») рассмотрены со стороны их функции, психосемантического содержания, «носителей» и социализирующих возможностей.

Ключевые слова: семья как психосемантическая система; личность; семейная микрокультура; семейные нарративы; семейные традиции; семейные родословные; пространственно-предметный мир семьи.

Введение

Содержание социокультурных макро- (этническая, политическая, экономическая, образовательная и т.д.) и микросред (родительская и прародительская семья, близкое окружение, ровесники и сверстники и т.д.), в которых непосредственно осуществляется развитие человека, является плодотворным материалом для анализа механизмов трансляции аккумулированного общечеловеческого опыта, опредмеченного в артефактах культуры, социальных ролях, традициях, моделях поведения, формах выражения эмоций, ментальных схемах, установках и т.п. Как бы ни складывались отношения внутри семьи, влияние поведения, дискурсов, индивидуального стиля, субкультуры ее членов на личностное становление и последующую жизнь человека трудно переоценить [1, 2]. Независимо от того, идентифицируют себя родственники как члены единой семьи или нет, хотят или не хотят перенимать особенности ее уклада и ментальности, семейная микрокультура наполняет и организует их внутреннее личное пространство, прямо и / или косвенно воздействуя на каждого [3–5] и фиксируясь в ценностно-смысловой и эмоциональной сфере. Поиск механизмов и форм идентификации личности с семейной микрокультурой, закрепляющей значимый опыт взаимоотношений членов рода с социокультурной реальностью, является актуальным исследовательским предметом [6–9].

Семья, ее родословная и повседневный быт, система внутренних привязанностей, общие переживания и психологическая интимность родствен-

ных отношений являются ближайшей и максимально значимой сферой становления личности, средством приобщения ее к смыслам и семантикам того социокультурного пространства, в котором в дальнейшем будет протекать ее жизнь. Именно семья транслирует первичную оценку действительности и выстраивает базовое отношение к ней, причем с позиций самой семьи, в которой осмысление и «оценка описываемых событий зависят исключительно от того, какое значение имело данное событие для данной семьи» [10. С. 9]. Именно в ней диктуется стартовый характер восприятия объектов и ситуаций, строятся эмпирические типизации сфер реальности, расставляются смысловые и оценочные акценты, определяется прагматика разнообразных взаимодействий. Именно во внутрисемейном пространстве формируются глубинные языковые конструкции, тексты и дискурсы для описания себя и мира, закладываются цели и способы комфортной адаптации к реальности. Потребность в научном осмыслении функций и практик семьи в этом ключе приобретает особую значимость.

В современных исследованиях семья обычно рассматривается в двух ракурсах: как социальный институт [11–13] и как малая группа [14, 15]. Мы предлагаем дополнить эти подходы еще одним измерением: семья может быть понята как особая *микрокультурная (психосемантическая) система*, последовательно осуществляющая определенные «настройки» сознания младших поколений, которые не только сохраняют и воспроизводят во времени семейную социализирующую «вертикаль», но и способствуют адаптации ее членов к широкому социокультурному окружению, средства, формы и стратегии которого проверены «на истинность» и приняты как эффективные конкретным семейным сообществом. Отдельные семейные микрокультуры обеспечивает также и общую базисную устойчивость макрокультуры, предполагающую не только семиотические связи, но и выработку в определенном социуме единообразных правил поведения, коллективной памяти, общей для этноса картины мира. Помимо этого, семейная микрокультура выступает как инструмент, помогающий человеку «раздвинуть свою собственную природу» [16. С. 26]: с ее помощью люди не только легко понимают друг друга, но и поддерживают символическую связь друг с другом и предками, прошлым и настоящим рода, обеспечивают переживание «Мы-идентичности».

В рамках разрабатываемого нами экзистенциально-нарративного подхода мы предлагаем понимать семейную микрокультуру как выстраиваемую в ходе становления рода *психосемантическую реальность, воспроизводящую себя во времени и порождающую у каждого из ее членов когнитивно-образную модель самовосприятия, поведения, жизни в целом* («жизненный мир» конкретного субъекта). Это форма *семейной субъективности*, появляющаяся как результат складывающегося на протяжении времени совместного существования нескольких поколений семьи особого *психологического уклада жизни* [17]. Такой уклад постепенно стабилизируется за счет долгого времени существования семьи, стилистики, плотности и значимости поддерживаемых между родственниками связей, повто-

ряющихся условий социализации, общей социокультурной базы и т.д. Важно, что его влияние на ребенка начинается очень рано, поначалу адресуется бессознательному и в дальнейшем не выбирается и не подвергается особой критике, переживаясь сознанием как единственно возможная данность, «истинность», поскольку у ребенка нет вариантов для сравнения. Психологический семейный уклад воспринимается как регулятор и предиктор семейного существования личности.

За счет регулярно повторяющегося и в каком-то смысле ритуализированного взаимодействия (приветствия и прощания, утешения и осуждения, мотивирования и ограничения, временной регламент жизни, праздники, совместное времяпрепровождение, традиции игр, чтения, семейных советов, привычки и пр.) происходит усвоение человеком информации о подлежащих исполнению и последующему воспроизведению одобренных старшим поколением поведенческих моделей, оценочных систем, смыслов, способов эмоционального самовыражения, стратегий, целеполагания и пр. Общность жизни позволяет достигать *внутрисемейного психологического схождения* (в интересах, занятиях, чувстве юмора, вкусах, предпочтениях, привычках и пр.), обычно оцениваемого каждым членом семьи позитивно и ценностно.

Одновременно посредством приобщения новых членов семьи к семейной микрокультуре семья утверждает свою уникальность и единство, поскольку любой человек нуждается в чувстве принадлежности к ценностному, смысловому и символическому содержанию референтного сообщества, к живой, актуально формирующейся и функционирующей памяти и общим социокультурным ритуалам. По словам У. Джемса, у человека появится «столько же социальных “Я”, сколько индивидов, которые признают его и имеют представление о нем» (цит. по: [18. С. 119]).

Семейная микрокультура в целом – достаточно подвижная система, ассимилирующая значимый опыт не только каждого поколения, но и отдельных представителей фамилии. Более того, семейная микрокультура всегда вписана в широкие общекультурные, политические и социально-экономические фреймы своей исторической эпохи и в этом плане может быть понята с позиций «теории поколений» [19–21]. Тем не менее она имеет особый психосемантический костяк, значимое «ядро», состоящее из комплекса концептов, установок, убеждений, прививаемых новым поколениям привычек и прочего, незначительно изменяющихся на протяжении некоторого времени. Используя эмоционально и семантически насыщенные формы вербальной и невербальной коммуникации (утешения, наставления, толкования, оправдания, предостережения, интуитивного вчувствования друг в друга и пр.), осознанные как «истинные» и ассимилированные семьей устойчивые жизненные «уроки» (личные истории, семейные предания, индивидуальные биографии членов семьи и т.п.), семья выполняет в отношении взрослеющего субъекта ряд специфических функций – нарративную, инкультурационную, интертекстуальную, социализирующую, запрещающе-наказующую, предостерегающую (регулятивную) и т.д. Тем самым

микрокультура семьи и индивидуальные субкультуры членов семьи выступают уникальным *семанτικο-символическим ресурсом* становления взрослых в ней детей.

Постепенное осознание развивающимся человеком того факта, что семья имеет большую власть над ним, являясь в каком-то смысле демиургом его самосознания и будущей судьбы, заставляет его быть чувствительным к разнообразным, в том числе и неявным, сигналам, исходящим из внутрисемейного коммуникативного пространства, наблюдать и изучать особенности поведения и характеристики личности членов семьи, перенимая или отвергая их, приспосабливаясь к ним и ставя (или снимая) определенные задачи для построения собственных моделей взаимодействия с другими людьми, социумом и миром в целом. Об этом косвенно свидетельствует интерес людей к собственным «корням», «истокам» – семейным родословным [10], закрепленным в форме внутрисемейных нарративов [22]. Такие нарративы функционируют во внутрисемейной реальности в форме ассоциативно связанных сюжетов, образов семейных персонажей и событий, свидетелями которых были члены семьи, вневременных «моралите» и выполняют прецедентную функцию. Кроме того, они ложатся в основание жизненных убеждений и принципов, которым личность следует в жизни [23].

«Семейная семантика», пронизывающая повседневную жизнь человека, включает огромное разнообразие типов воздействий: это знаковость среды обитания и находящихся в ней вещей, знаковость внутренней организации пространства жилища, знаковость привычного и ритуального поведения, знаковость социализации и ее институтов, знаковость коммуникации и используемых в ней языков и т.д. Ребенок, оказавшийся в конкретной микрокультуре, под ее воздействием обретает знание кодов своего хронотопа и социальной среды, которые впоследствии функционируют как *прецеденты*, организуя и фильтруя работу сознания и самосознания. Понятно, что эти коды различны: в зависимости от того, воспитывается ли ребенок в семье или в детском доме, живет ли в большой многодетной семье или является единственным ребенком в нуклеарной семье, общается на одном или нескольких языках, существует в условиях материального достатка или бедности, социализируется в рамках религиозного или светского уклада и т.д., выстраиваются уникальная констелляция его самовосприятия и личная «дорожная карта» собственной жизни и развития. В дальнейшем это помогает ему ответить на вопросы: кто есть я? зачем я есть? какой я? чего я хочу от жизни? каково мое предназначение в ней? что я должен делать, чтобы чувствовать внутреннюю удовлетворенность от того, что я есть и что я именно такой, а не другой? Подобные воздействия, будучи интериоризированными достаточно рано, иногда еще на досознательном уровне, способствуют постепенному становлению его собственной *субъективной микрокультуры*.

При анализе семейной микрокультуры [7–9, 24] обнаруживается, что транслируемые семейным окружением сигналы несут широкий спектр установок, касающихся не только становления личностных или мировоз-

зренческих характеристик ребенка, но и «настроек» сознания, определяющих последующий выбор им жизненных стратегий и внутренних экзистенциальных стратегем (модусов жизни), форм самопрезентаций, а также самовосприятия. Например, сознательно или бессознательно транслируемая ребенку установка «Мы – бедные» порождает стратегию привычно экономной жизни («Без этого я могу обойтись»), при которой человек считает правильным отказывать себе, а впоследствии и близким, во многом, что не считает минимально необходимым для жизнеобеспечения и чувства удовлетворенности жизнью, возникающим от осознанного самоограничения («Я – бедный»). Впоследствии такой человек, даже сумевший обеспечить себе финансовый достаток, реализует данную стратегию в разных типах поведения, порождая в самосознании и сознании других определенный образ себя («честный бедности», «аскетизма», «самоограничения», «личной скромности», «неприхотливости» и т.д.), воспринимаемый как должный.

Родители, полагающие свою внутрисемейную позицию однозначной и неизменной, нередко вообще не догадываются, что взрослеющий ребенок не только знает о них больше и понимает их лучше, чем им бы хотелось, но и вписывает их микрокультурный образ в модели собственного поведения, жизненные стратегии и экзистенциальную транспективу. Отметим, что, вопреки традиционным убеждениям о преобладании в семейной социализации женского влияния, значимую роль здесь нередко играют отцы: в частности, семейное поведение отца задает модель будущего семейного поведения детей (особенно сыновей), выстраивает психосемантические основания семейной целенаправленности [25]. Родители и семейное окружение в целом на протяжении всей жизни человека остаются для него *сверхзначимыми Другими*, наделенными особым – экзистенциальным – статусом в «картине мира» [26].

Обращаясь к анализу семейной микрокультуры, мы предлагаем понимать ее как особую *прецедентную психосемантическую реальность*.

Прецедентный характер ее содержания включает ряд аспектов, главный из которых состоит в том, что она выстраивает досознательное *обобщенное предзнание* субъекта о себе, жизни и мире, предваряющее в ряде случаев его собственный опыт взаимодействия с окружением. Основу такого доопытного предзнания составляют заданные семейным микрокультурным фреймом тексты, образы, смыслы и пр. В свое время Э. Эриксон, хоть и не обращая напрямую к его экзистенциальной сущности, частично фиксировал его характеристики в понятии наличия / отсутствия у ребенка базового доверия к миру [27]. Он связывал его преимущественно с качеством материнской заботы, но, как думается, оно легко транспонируется на общее содержание семейной микрокультуры, создающее и последующий образ «Я», и доверие человека к самому себе [28], и общее отношение к осваиваемой реальности. Смысл влияния прецедентов на человека состоит не в их воспитательной или просветительской функции, а именно в их первичности, *прецедентности* [29. С. 47], поскольку первые «инвокации» семейной микрокультуры адресуются фактически еще бессознательному и прочно фиксируются в нем.

Семейная микрокультура, несмотря на кажущуюся «локальность», имеет широкий социализирующий охват: она транслирует взрослому субъекту ассимилированный семьей опыт, обобщенно подходящий к целому ряду ситуаций, которые семья считает значимыми и которые потенциально могут встретиться на жизненном пути человека. Он впитывает опыт не столько как образец для подражания и механического воспроизведения, сколько как естественно понятный и кажущийся простым *общий модус*, скрытую в повседневности и одобряемую окружением логику поведения, как общий сценарий, как опробованную семьей стратегию. Впоследствии сам человек может ассоциативно переносить этот опыт на новые жизненные ситуации, используя в качестве инструмента саморегуляции, но может, проверив их на собственном опыте, и отвергнуть или изменить его. Если появившиеся в семье иные поведенческие модели, стратегии или новые смыслы окажутся актуальными сразу для многих ее членов, они имеют шанс закрепиться в семейной микрокультуре и будут переданы следующему поколению посредством прямых наставлений и / или трансляции семейных апокрифов.

Семейная микрокультура отвечает и за знаковые системы, которые в качестве орудия идентификации и понимания человек будет применять как в отношении самого себя, так и в отношении других людей и ситуаций, использовать их как своеобразную «мерку» для оценки их качеств и характеристик. Она создает своеобразную *семантическую зону ближайшего развития*, реализуемую во внутрисемейном взаимодействии: если транслировать ребенку значимые семейные ценностно-смысловые концепты (уступчивость, толерантность, скрупулезность, благородство и тому подобное или, наоборот, нетерпимость, пренебрежение, подозрительность и т.д.), он постепенно привыкает «измерять» себя и других именно в этих единицах, не предполагая до определенного возраста, что существуют и другие. Разнообразие знаковых систем способствует стереоскопическому видению самого себя и окружения. Образы и метафоры, содержащиеся в семейной микрокультуре (например, модели хорошего и плохого поведения, образы хороших и плохих людей), становятся первичными ориентирами при выборе привычного поведения, стратегий взаимодействия, модуса существования. Когда Л.С. Выготский говорит, что ребенок постепенно осваивает возможность применять по отношению к себе те приемы, которые используют по отношению к нему взрослые [30. С. 131–132], то естественно продолжить его мысль в том плане, что и в самоорганизации, планировании, осуществлении собственной жизни человек также идет от накопленных в первичном социуме семьи приемов и образов.

Семейная микрокультура фиксирована в комплексе разнообразных вербальных и невербальных текстов, понимаемых семиотически – как осмысленные последовательности знаков, несущих информационный, эмоциональный или побудительный посыл, принятых семьей и репродуцируемых во внутрисемейных дискурсах несколькими поколениями. В первую очередь это относится к предлагаемому детям «кругу чтения», эмоционально-

телесному коду общения, семейным архивам и меморатам и пр. В этом плане семейная микрокультура является хранилищем микрокультурной памяти о тех аспектах бытия, которые выделены семьей как значимые. Здесь могут быть выделены обязательные и факультативные зоны, полузакрытые (и открывающиеся с возрастом или сменой статуса) и запретные (болезни, сумасшествия, преступления и неблагоприятные поступки, совершенные членами семьи), но идея хранения *определенных значений* (смыслового «ядра») остается всегда: то, что семья выделила как *экзистенциальный опыт*, удерживается в ее артефактах и нарративах в течение длительного времени. Будучи фиксированными в сознании, *они функционируют как априорные когнитивно-эмоциональные схемы и цепки семантических единиц* и используются как «мерки» для ориентировки в реальном и ментальном пространствах, постепенно обрстая личностными смыслами.

Некоторые тексты появляются в жизни развивающегося человека как еще *«до-жизненно-опытный» образец*, в дальнейшем определяющий собой бессознательный, а порой и осознанный выбор и восприятие других образов, единиц, текстов, особенно тогда, когда в отношении описываемых ими реалий у человека нет собственного опыта и, соответственно, возможностей критического анализа – тогда он обращается к семейному микрокультурному ресурсу, а если и это не помогает – к ресурсам «большой» культуры (народной мудрости – пословицам, поговоркам и пр.). Опора на концепты семейной микрокультуры делает окружающий мир «знакомым», размеченным в событийном и смысловом планах. Постепенно семантические единицы, образы и схемы семейной микрокультуры становятся *феноменами индивидуальной семиосферы*, и даже тогда, когда некоторые из них утрачивают актуальное хождение в современном хронотопе, в «большой» культуре или микрокультуре отдельных сообществ, они могут продолжать «жить» в индивидуальной субкультуре отдельной личности как наследие микрокультуры семьи. В этом случае можно говорить об их срастании с мифологемами и символами конкретной личности в общей структуре ментальности.

Отдельно стоит подчеркнуть, что микрокультурный семантический ресурс не всегда продуктивен и актуален. Вместе с прецедентными текстами люди усваивают большое количество фикционных идей [31] и основанных на них поведенческих моделей, которые, может быть, и оправдывали себя на предшествующих этапах существования семьи, но утратили часть смыслов, перестав быть значимыми для современных поколений. Часто они бывают результатом определенной идеологии, личных убеждений взрослых и пожилых членов семьи, непродуктивных установок сознания, особенностей личности и т.п.

Собственно, микрокультура семьи никогда не бывает полностью контемпоральной, ее содержание всегда сохраняет в себе ряд «отживших» единиц, ведь чтобы попасть в семиотический ресурс, их содержание должно «отстояться» и пройти проверку «на истинность» в течение некоторого времени, за которое иногда утрачивает злободневность. В этом плане ее

можно считать всегда слегка запаздывающей в своем развитии по сравнению с макрокультурой. Более того, она никогда не бывает и содержательно полной, относясь лишь к наиболее общим, «сильным» событийным точкам жизни, значимым для семьи, оставляя простор для изменений и активности личности в индивидуальном постижении действительности. Эта обязательная содержательная неполнота микрокультуры детерминирована тем, что современная динамичная жизнь порождает большое количество новых ситуаций и схем действия в них, поэтому семейная микрокультура вынуждена становиться «творческой» системой, на ходу приспосабливающейся к новым условиям. Заставляя рефлексировать новый опыт, семейная микрокультура способствует становлению аутентичности.

Метод

Исходя из данных тезисов, мы построили общую структурно-содержательную модель семейной микрокультуры, выделив в ней четыре кластера: «Семейные ритуалы и традиции», «Семейно-родственные связи», «Пространственно-предметный мир семьи» и «Семейные нарративы». Они были выделены условно для исследовательских и педагогических целей, поскольку функционируют как единое, имеют множественные глубинные связи друг с другом и в целом способствуют становлению личности и формированию жизненной стратегии.

В построении авторской модели использовался метод теоретического анализа с целью понимания и – главное – исследовательской операционализации сути феномена семейной микрокультуры, с тем чтобы далее его можно было бы изучать эмпирически, а также использовать практически в специальных коррекционных, развивающих и терапевтических программах. Предметом авторского осмысления стали не только библиографические источники с большим междисциплинарным потенциалом в изучении содержания и функций семейной микрокультуры (философские, исторические / документальные, социологические, демографические, этнографические, культурологические, антропологические, лингвокультурологические, педагогические, психологические и др.), но и возможности разрабатываемого авторами экзистенциально-нарративного подхода в объяснении вклада психосемантики внутрисемейного пространства в развитие личности ребенка и ее последующих проекций, в организацию ею своего жизненного пути. Кроме того, к анализу были привлечены результаты исследовательской работы авторов и материалы многолетней консультативной практики Е.Е. Сапоговой, связанной с анализом автобиографических нарративов и личных историй респондентов.

Результаты исследования

Анализируя семейную микрокультуру в указанном выше контексте, мы предположили, что актуализация в социализации кластера «Семейные ри-

туалы и традиции» способствует становлению *базовых схем и моделей взаимодействия* человека с окружающей реальностью и тем самым коррелирует с поведенческой частью становящейся «Я-концепции». Кластер «Семейно-родственные связи» способствует становлению *когнитивно-образных представлений о себе* в контексте существования других членов семьи и рода в целом, переживания внутрисемейного психологического сходства и даже ощущения себя продолжателем некоей «семейной миссии», носителем значимых для семьи смыслов. Кластер «Пространственно-предметный мир семьи» «материализует», делает реальными разные аспекты существования семейного сообщества во времени и во многом способствует укоренению себя в действительности, формирует семанτικο-символические связи человека и рода и тем самым способствует развитию *эмоционально-оценочной сферы личности*. Наконец, кластер «Семейные нарративы», максимально интегрируя в себе воздействия на все стороны «Я-концепции», акцентирован на *ее ценностно-смысловых и мотивационных составляющих*, способствуя индивидуации и позволяя осуществляться не только прямому воздействию микрокультуры на личность, но и обратному – личности на дальнейшее развитие ее содержания.

Ниже мы рассмотрим четыре стороны каждого кластера модели:

- 1) его специфическую функцию в семейной микрокультуре;
- 2) его психосемантическое содержание;
- 3) действенных и / или предметных «носителей» этого содержания;
- 4) «точки приложения» – социализирующие возможности, закрепляющие определенные значения и смыслы в структуре автобиографической памяти личности.

Кластер «Семейные ритуалы и традиции» включает в себя разноплановые элементы социокультурного опыта, передаваемые от поколения к поколению и сохраняющиеся в конкретной семейной группе в течение длительного времени за счет коллективно переживаемых чувств. По большей части они концентрируются вокруг значимых событий человеческой жизни – появления на свет, получения образования, женитьбы, рождения детей и т.д. Они могут быть в той или иной мере развернутыми со стороны реализующих их действий, могут относиться к разным аспектам жизни (праздникам, семейному чтению, совместному жизнеобеспечению и досугу и т.д.), но главное состоит в *актуализации совместных чувств* по разным поводам, которые сплавивают и объединяют членов семьи, часто вне их специальной когнитивной рефлексии.

Семейные ритуалы и традиции тяготеют к неизменчивости, клишированности: к устойчивому и регулярно воспроизводимому комплексу действий, норм, представлений, правил и образцов. В семантическом пространстве семьи они функционируют не столько как совокупность заданных извне житейских общеобязательных форм поведения, апеллирующих к гражданскому долженствованию и требующих скорее демонстрации, чем истинного переживания, сколько как варианты доказавших на практике свою необходимость моделей поведения и принципов совместного существования

членов семьи, насыщенных концентрированными эмоциями («не высовывайся», «не давай в долг», «каждые выходные пеки блины по бабушкиному рецепту», «на свадьбу обязательно надевай старое, новое, чужое, голубое», «никогда не покупай гладиолусы на дни рождения детей», «сажай на могилах родственников сирень», «пусть дети обязательно прочитают “Динку”» и пр.).

Функция ритуалов и традиций состоит в интеграции членов семьи, придании им внутрисемейного психологического сходства, в их *сплочении за счет регулярного переживания совместных эмоций*. Ритуализация семейного существования повышает возможности идентификации, взаимного узнавания и взаимопонимания («понимаем друг друга с полуслова»), подкрепления мотивации солидарности (чувства «Мы») и взаимопомощи («один за всех и все за одного»). Вовлекая в традицию и ритуал ребенка, семья не только приобщает его к истории рода, но и каждый раз транслирует внутрисемейную поведенческую норму.

Психосемантическое содержание кластера разнообразно. Совместное чтение, посещение выставок и театров, коллективные путешествия и отдых, общие праздники, семейные советы и прочее могут принимать как устойчивую, ритуализированную (совместная лепка пельменей, рубка капусты, выпекание печенья по семейным рецептам, а также организация крестин, свадеб, похорон и т.д.), так и свободно-творческую форму (вместе придумывают фасон, кроют и шьют одежду, делают самодельные открытки на дни рождения, планируют путешествия в отпуске, вместе делают ремонт, строят дачу, баню и пр.). Значения, транслируемые во время семейных мероприятий («мы вместе», «мы едины», «мы – семья» и т.п.) призваны провести условную границу между «Мы» («Свои») и «Не мы» («Они», «Чужие») с целью подчеркнуть реальные или мыслимые достоинства семьи, указать каждому члену на преимущества принадлежности к ней.

«Носителями» семантики этого кластера являются привычные поведенческие схемы для определенного, регулярно повторяющегося набора ситуаций: это традиции выходного дня, традиции празднования дней рождений и знаменательных событий в жизни семьи (юбилеев, особых успехов, окончания школы, свадеб, похорон и пр.), совместные семейные игры, традиции гостеприимства, совместные прогулки, совместное приготовление традиционных семейных блюд и др.

Современные жизненные условия (урбанизация, глобализация, виртуализация и т.п.) нередко отрывают людей от старых традиций, служащих подтверждению чувства коллективной заботы членов семьи друг о друге. Нехватка времени, расстояния, социальный лифтинг, возможности смены статуса отдельными членами и ветвями семьи и тому подобное выстраивают многочисленные препятствия для сохранения традиционной многопоколенной семейной инфраструктуры [32, 33], и это заставляет изменяться форму и содержание ритуалов и традиций (ближайшим примером тому могут быть семейные видеоконференции-«кофепития» на дни рождения в период COVID-19 вместо традиционных семейных застолий). Тем не ме-

нее даже в «осколках» люди стремятся их сохранять и поддерживать, поскольку это входит в их представления о дружной, сплоченной, хорошей, а главное – правильной семье, которой они достойны.

Отказ от поддержания традиций, хотя на первый взгляд не выглядит серьезной опасностью, нередко «работает» на разобщение и отчуждение близких людей; пренебречь ими или отказаться от участия в них в каком-то смысле означает отказаться от самого себя как принадлежащего к семье, роду.

Социализирующие возможности этого кластера корреспондируют с поведенческой и эмоциональной составляющими «Я». «Точкой приложения» здесь можно считать временную разметку человеческого существования, ритмизирующую и упорядочивающую жизнь каждого члена семьи. Традиции и ритуалы обычно «привязаны» к нормативным событиям и задают *символический порядок жизни* [34, 35]. Актуализация концептов «повторяемость», «цикличность», «неизменность» и других, сопровождающая их соблюдение, помогает поддерживать у членов семьи переживание фамилистичной связи друг с другом и уходящим в историю кругом предков. Как следствие, создается чувство внутреннего единства («Это мы, и мы гордимся тем, что мы – это мы»), защищенности и родственной заботы, символически гарантирующей личности защиту от исчезновения.

Еще в большей степени за это «отвечает» **кластер «Семейно-родственные связи»**, опирающийся на внутрисемейные родословные. Последние представляют собой обязательные для трансляции рассказы о происхождении рода, изложенные в определенной исторической последовательности и нередко дополненные личными историями о событиях, свидетелями и / или участниками которых были члены семьи, их объяснениями и оценками этих событий [10]. Разделяя кластеры «Семейно-родственные связи» и «Семейные нарративы», мы обратили внимание на разные психологические фокусы семейной оптики: в первом случае речь идет о фактах и событиях, пережитых семьей в контекстах исторического времени, во втором – преимущественно о рефлексии единичного опыта, обретенного в ходе собственной жизни, и его значении для опыта других членов семьи. В этом плане нарративы носят более личностный, интимный, адресованный близким людям характер и в целом более субъективны, чем родословные. Иными словами, в первом случае в центре внимания рассказчика время, на которое пришлось его жизнь, во втором – собственная жизнь во времени, ее индивидуальные уроки.

Содержание этого кластера задается необходимостью передачи новым членам семьи информации об истории рода, целью которой является позиционирование каждого из них в «Мы»-ряд «предки–потомки». Это важная **функция**, поскольку она создает переживание неслучайности собственного существования, общности, укорененности субъекта в реальности через принадлежность к длящейся во времени родственной цепочке. Этот кластер призван *актуализировать процессы внутрисемейной идентификации*, заставляя искать и / или выстраивать сходство с другими членами семьи.

В этой связи в одной из наших работ [26] было введено понятие «*длящейся (трансмиссионной) идентичности*», позволяющей усматривать в числе своих характеристик якобы унаследованные от предков качества и способности («говорят, я такая же умелая, какой была прабабушка с материнской стороны», «мать всегда говорила, что я по характеру – вылитый ее дед»). К этому «психологическому наследству» у личности нередко бывает особое отношение: оно воспринимается как косвенное подтверждение значимости, необходимости собственного существования.

Ключевые концепты *психосемантического содержания* этого кластера («род», «семья», «предки», «близкие», «фамилия», «сходство», «одинаковость», «общность», «общая судьба» и т.п.) оказываются особым *средством самопознания*, своеобразной меркой сравнения себя и своей жизни с другими, живущими и ушедшими, членами семьи и особенностями их биографии. Это создает своеобразную возможность представлять собственный образ во временной *метаперспективе* и либо устремляться к нему, либо уклоняться от него («Таким, как дед, я стану / не буду, когда мне будет N лет»). Это вписываемое в родословную «отзеркаленное Я» нередко оказывается внутренним ориентиром в лиминальных ситуациях («А что бы сделал отец в этих обстоятельствах?», «А что бы мне на это сказала бабушка?»), в кризисах и стрессах, в условиях смысложизненных выборов, при смыслоутратах.

Семейные родословные содержат информацию практически о каждом члене семьи, хотя и представленную в ней неравномерно – по разным причинам (психическая болезнь, ранняя смерть, алкоголизм, неблагоприятность деяний и пр.) о ком-то в семье говорят больше и чаще, кого-то только изредка упоминают. В целом же содержание внутрисемейных родословных достаточно канонично и вращается вокруг фактов, связанных с рождением, получением образования, браками и разводами, детьми, профессией и работой, смертью, и все это – с «детализацией, укрупнением деталей» [36. С. 61], частым присутствием «рассказа в рассказе» за счет возникающих по ходу изложения ассоциаций.

«*Носителями*» семантики этого кластера становятся *тексты и гипертексты* родословных (устные или письменно зафиксированные, например, в дневниках, меморатах, семейных хрониках), внутренним смысловым центром которых являются семья, род. Это рассказы, описывающие ключевые моменты жизни прадедов и прабабушек, бабушек и дедушек (по материнской и отцовской линиям), отца и матери, самого субъекта, его собственных детей и внуков, а также – реже – сиблингов, их детей и внуков. Движение повествования обычно идет из прошлого в будущее и может включать временные и содержательные параллели с другими ветвями рода. Сами тексты могут быть в большей или меньшей степени «олитературены» или документально-фактологичны, могут опираться на генеалогию или излагаться пристрастно (в случаях конфликтов между ветвями рода или отдельными членами семьи), могут включать отступления и фрагменты других текстов, апелляции к определенным оценкам и чувствам. Взятые

вместе, они образуют огромный информационный массив, который дополняется *визуальной микрокультурой семьи*, главным элементом которой являются семейные фотоальбомы.

Социализирующие возможности этого кластера адресованы прежде всего построению когнитивно-образных представлений человека о самом себе через косвенную культивацию определенных характеристик, встречающихся в истории семьи и одобренных ею. Рассказывая об истории рода, старшие члены семьи обычно указывают на желательные и нежелательные в данной семье качества, достойные и отрицаемые характеристики, явные и неявные плюсы и неприемлемые минусы жизни предков. Часто это делается в контекстах успешности / неуспешности и завершается житийским моралите.

Добавим, что сегодняшние сетования на незнание и отсутствие желания поддерживать семейно-родственные связи, как и апелляции к тому, что в старину все были обязаны помнить своих предков, связаны с утратой этим знанием актуальной прагматики. Мир, в том числе и семейный, плавно дрейфует к индивидуализму, обусловленному ростом экономического благополучия населения, возможностью существовать вне поддержки рода. Сегодня доказательство родства необходимо скорее для подтверждения имущественных и социальных прав, чем для удовлетворения потребности в близкородственных связях. «Генеалогическое забвение» становится нормой, тем не менее снижение прагматической ценности поддержания семейно-родственных связей не снижает и тем более не уничтожает ценность психологическую. Получая возможность сравнить себя и свою свершающуюся «здесь-и-сейчас» жизнь с семейными моделями, личность корректирует саморазвитие, стимулируя, к примеру, социальный лифтинг, стремясь к финансовому благополучию, самостоятельности, культивируя в себе «уклоняющиеся» от признанных в семье характеристики.

Кластер «Пространственно-предметный мир семьи» представляет собой комплекс артефактов, приобщающих субъекта к семейной истории через вещи и привычные для семьи способы организации «пространства обитания» (теснота или простор, заполненность вещами или минимализм, преобладание вертикалей или горизонталей, зональность и пр.). Их воздействие на человека несомненно, поэтому неслучайно в последние годы наблюдается ренессанс исследовательского интереса к феноменологии материального мира [37], являющегося частью микрокультуры семьи.

Носителями семантики этого кластера являются:

1) дом, отчий дом, родной дом, дом детства, первый собственный дом, дом бабушки и дедушки (дом предков) – пространство, отождествляемое с местом принятия, комфорта, защищенности, пространство фамилистичной «со-в-местности» [24. С. 124], а также отдельные его части – дворы, чердаки, подвалы, коридоры и т.д.;

2) предметы жилого интерьера, структурирующие пространство – мебель, лампы, «домашний очаг» и т.п., которые отождествляют временную связь родственных поколений;

3) предметы быта – посуда, утварь, полотенца и занавески, декоративные предметы и пр., символизирующие «присутствие» близких людей в микропространстве субъекта;

4) культурные артефакты – иконы, книги (библиотеки), инструменты, украшения, картины, фотографии, предметы, сделанные своими руками, домашние коллекции и т.д.; они символически увязывают в субъективном пространстве членов семьи прошлое с современностью;

5) любимые близкими «люкусы» и «топосы», нередко на место чего-то в их жизни «первого», «последнего», «постоянного» или «главного»;

6) любимая или «знаковая» еда, ритуально связанная с праздниками, днями рождений, встречами и проводами и т.д.;

7) предметы с характерными запахами и звуками – материнские духи, запах старого шкафа, патефон, примус, скрип двери или половицы, стрекотание проектора и связанные с ними семейные апокрифы и воспоминания;

8) предметы детства – игрушки, детские «коллекции», первые школьные тетради и т.п.;

9) реликвии – единичные вещи, олицетворяющие для человека его род, семью, дух дома и пр., а также фотоальбомы, киноархивы, сборники семейных меморатов, «песенники» и т.д.;

10) овеянные символы, фиксирующие «самость» рассказчика (зарубки о росте на дверном косяке, «свои» комната, стул или чашка);

11) одежда и многое другое [22].

О. Шпенглер писал об этом так: «Дом и равным образом основные, т.е. употребительные формы утвари, оружия, одежды и посуды принадлежат к тотемной стороне бытия. Они характеризуют не вкус, но навыки борьбы, жизни и работы» [38. С. 432–433].

Говоря о вещной составляющей этого кластера, прежде всего имеют в виду *семейный реликварий* – единичные вещи (украшения, посуда, картины, детские вещички, уникальные фотографии предков, письма, локоны и т.д.), которые бережно передаются из поколения в поколение, но также и предметы, которые привычно окружают личность (отцовские инструменты «в нижнем ящике», фотоальбом «на третьей полке», «материнское вязание «на столике у кресла» и т.п.), создают ощущение уюта, фамилистичности и временной стабильности. Привычные вещи родительского дома (пространства взросления) нередко сами по себе несут психотерапевтический эффект.

«Распаковывая» свое психологическое содержание в ментальной и поведомственной активности владельцев, вещи из семейных реликвариев способны воссоздавать эпизоды запечатленной в них жизни семьи, обретая психологические *функции*: смысловую, мемориальную, экзистенциальную, лирическую, эстетическую, эмоциональную и т.д. Особенно отчетливо это осознается, если вещь исчезает (кто-то разбивает старую чашку, теряет бабушкино колечко и т.п.) или сам владелец уходит (из жизни или из семьи), оставляя вещь, «впитавшую» в себя его характеристики, состояния, интересы и пр. Для членов семьи такая вещь свидетельствует не столько о себе самой, сколько о людях, которым принадлежала, и о пережитых ими

событиях. В каком-то смысле такая вещь выступает как принадлежность субъекта / семьи, и именно поэтому с предметами из реликвариев часто связаны семейные предания, приметы, предзнаменования.

Психосемантическое содержание вещиности состоит в том, что, будучи сохраняемыми во времени, вещи «удерживают» в себе коллективную память о событии, ситуации, обстоятельствах их бытования в семье, а также отношение к ним и устойчивые переживания по их поводу. Иными словами, семейное сознание превращает их в нечто «надвещное», в знак – нечто *сверх того, чем они являются по своей физической природе* («вещезнаки», символы): за предметом всегда стоит (и вместе с ним передается) определенная ценность, значение (например, «бережливость», «вера», «эстетический идеал», «вагабондизм», «скромность» и пр.). Сохраняемые в семье вещи обычно функционируют как знаки и символы, хотя могут продолжать выполнять и свои «вещные» функции и использоваться в повседневном обиходе семьи.

Получив от субъекта «квант смысла», вещь маркирует собой связанный с ней фрагмент опыта не только в объективной, но и в субъективной системе координат, где игрушечный мишка с оторванным ухом, которым играли два поколения детей в семье, или простенький бабушкин крестик, полученный ею от своей бабушки, могут значить неизмеримо больше, чем некая дорогостоящая собственность. Превращаясь в знак, вещь «переключает» культурный контекст, впитывая в себя именно то, что значимо для семьи, памятно для нее, и сохраняет в себе необходимые семантические единицы («преемственность», «совместность», «общность», «семейственность» и др.).

В семейной микрокультуре вещи используются в качестве посредников для переживаний общности, символической передачи определенных смыслов и потенциалов от поколения к поколению. Механизмом является *временное совмещение, семантическое наложение двух рядов событий*: один образован неким значимым событием собственной жизни субъекта, для которого нужен дополнительный психологический ресурс, второй – сходным происшествием прошлого, смыслы, итоги и эмоции которого психологически объективированы и концентрированы в вещи. «Совмещение реальностей» в семейной микрокультуре *обеспечивает символическую связь поколений*, образуя «вневременное настоящее». Как пишет А. Шюц, «смысл – это не качество, присущее определенному опыту, возникающему в нашем потоке сознания, а результат интерпретации прошлого опыта, увиденного из настоящего сейчас при рефлексивной установке» [39. С. 4].

Что же касается повседневной вещной реальности, то она является хорошим накопителем семейной микрокультуры и иллюстратором бытующих в ней потребностей, привычек, интересов. Довольно часто в ней есть своеобразная иерархия: для кого-то максимально притягательными смыслами обладают зеркала, для кого-то – часы, книги, фотографии и пр. [22]. Через анализ предметной среды семьи можно выйти на систему бытующих в семье концептов («бедность», «честность», «болезнь», «аккуратность»,

«чистота» и др.), отражающих представления членов семьи о самих себе, родственности, близости, общих целях и ценностях, принципах, внутрисемейных стратегиях.

Значимость трансляции концептов этого кластера («совместность», «общность», «единство», «сходство». «повторяемость» и др.) состоит в своеобразной психологической отсылочности: «отталкиваясь» от вещи, человек актуализирует в себе определенные потенции, насыщается необходимой мотивацией, привносит в наличную ситуацию недостающие смыслы за счет «энергетики родства» – ощущения символической связанности, сходства, смежности фрагментов собственного опыта с опытом предков («бабушка была счастлива в браке с этим колечком, и я, получив его, буду счастлива», «деда на войне от пули спас этот значок, и меня спасет», «эта счастливая монетка всем в семье приносила удачу, и мне поможет на экзамене»).

Социализирующие возможности этого кластера предполагают преимущественное воздействие на эмоциональную составляющую «Я-концепции» и создают условия для *укрепления внутренних микросоциальных связей*, усиления фамилистических переживаний (чувства «Мы», переживания «Я – как они [предки, родственники]»). Его содержание акцентируется не столько на самобытности и личностной автономии членов семьи, сколько на сходстве характеров и общности судьбы. Как следствие, он порождает виртуальные взаимные обязательства, коллективистические внутрисемейные установки, предполагающие необходимость взаимовыручки, поддержки более успешными членами семьи менее успешных даже не ради их самих, а «во имя семьи».

Хотя сегодняшние социальные тренды разрушают эту патриархальность вместе с изменением быта и модой не хранить ничего сверх необходимого личности «здесь-и-теперь», тем не менее знаки символического «присутствия предков в жизни» для многих людей все еще оказываются значимыми.

Кластер «Семейные нарративы» – важнейший кластер семейной микрокультуры, интегрирующий сохранившийся во времени опыт рода. По сути, это вербализованная «семейная память», коллективная биография, рассказываемая история семьи – эпизоды «родовых саг» в их разнообразных формах (мемораты, хроникаты, фабулаты, предания, легенды). Имея обширное повествовательное содержание, он включает два смежных кластера нарративов – родословные, о которых мы упоминали выше, и личные истории. Иногда семейные нарративы и родословные рассматриваются как тождественные, но все же понятие семейных нарративов шире привычного понятия семейных родословных, поскольку не только содержит информацию о сформировавшихся во времени родственных связях, но и вербализованные эпизоды единичного опыта отдельных членов рода.

Родословные и личные истории различаются по тематике: если родословные, являясь семейным историческим нарративом (или «хроникатом» – документально зафиксированными фактами истории рода [24. С. 184]),

по большей части включают предания о происхождении фамилии и «первопредке», рассказы о ярких переломных моментах семейной истории, тексты о создании и распаде семьи, рождении и смерти ее членов, частные родословные семейных ветвей и т.п., то внутрисемейные нарративы сильнее погружены в индивидуальные автобиографии, поэтому включают смешные и необычные истории, рассказы об уникальном опыте, пережитом единожды кем-то из членов семьи, но сохраняющимся в ее памяти, тексты рефлексивного порядка, выстроенные вокруг экзистенциальных, «заветных», запретных или потайных для человека тем и т.д.

В каждом роду есть личности, рассказ о которых составляет основу и центр корпуса семейных историй, а сами родные делятся на «выдающихся» и «простых». «Выдающиеся» предки – это члены семьи (как правило, бабушки и дедушки, реже – прабабушки и прадедушки, далее все остальные), получившие хорошее образование, «выбившиеся в люди», достигшие «известности», много знающие и умеющие, сделавшие карьеру, а также обладающие особыми способностями, персональными качествами или отличающиеся экстравагантным поведением, пережившие серьезные жизненные испытания (война, голод, сиротство, трагические события) или совершившие геройские или романтические поступки (побег из семьи ради замужества или «воплощения мечты») [24]. Их судьба неявно транслирует концепты неординарности, исключительности, даже некоей загадочности личности предка (откуда у предка необычный талант, как ему хватило смелости и мужества оставить семью и уехать вслед за мечтой, как правило, составляет загадку индивидуальности и представляет собой экзистенциальный соблазн), которые могут «перейти» к потомкам.

В центре личных историй, в отличие от родословных, оказываются отношения между членами семьи, другими людьми, отрефлексированное самоотношение и объективированные смыслы индивидуального существования. В них в большей степени фиксирован удачный / неудачный сценарий жизни отдельного человека – уже закончившейся, а потому демонстрирующей смысл, который может быть принят / отвергнут другими членами семьи. Конечно, каждое новое поколение родственников и даже каждый конкретный член семьи может извлечь из автобиографического нарратива нечто свое и не свободен от того, что З. Фрейд называл «*nachträglichkeit* – изменением видения событий жизни (как своей, так и чужой) под воздействием накапливаемого опыта. Это явление принадлежит к числу неотъемлемых свойств психики и позволяет человеку осуществлять непрерывное переосмысление хода своей жизни, отвергать устаревшие смыслы и конструировать новые» [40. С.7].

Все семейные мемуары выполняют общие *функции*: одни служат свидетельством социального статуса членов семьи и ее престижа, другие упоминаются как образец негативного опыта, третьи транслируют «семейную судьбу» или аккумулируют комплекс представлений о нормах поведения, «законах» и принципах, исповедуемых в семье и т.п. Семейное нарративное пространство выступает стабилизатором межпоколенных связей, сред-

ством поучения, наставления, самоопределения ее членов, выражения ностальгических чувств, формирования смысложизненных и ценностных ориентаций [24], создает для ребенка образ желательной социальной значимости, служит средством обретения идентичности [41].

Психосемантическое содержание кластера представлено совокупностью разноплановых устных и письменных текстов, имеющих ограниченное хождение (как правило, только среди членов семьи), сохраняемых в семейном коммуникативном пространстве и передаваемых при необходимости ее новым членам. Вне зависимости от их повествовательной развернутости или обобщенности и отсутствия подробностей, открытости или закрытости, они понятны родственникам и легко дешифруются ими до внутреннего посыла, наставления, правила, образа или представления [10]. Эти тексты концептуализируют представления членов семьи о способах проживания жизни, отношении к разным сферам бытия, людям и миру в целом, жизненные уроки и принципы, а также содержат итоги осмысления, метафоризации и символизации конкретных эпизодов личного опыта и тем самым направлены на структурирование и укрепление внутрисемейного взаимодействия. Собственно, семейные нарративы и делают семью специфическим *коллективным носителем опыта*, созидающим и фиксирующим свою самобытность в специфическом микрокультурном пространстве.

«Носителями» значений в этом кластере являются *сюжеты и персонажи личных историй*, служащие объектами идентификации. Они несут целый спектр разнообразных концептов, трудно поддающихся простой классификации в силу их завязанности на конкретных обстоятельствах жизни семьи. Эти сюжеты апеллируют к прецедентному опыту отдельных членов семьи, который не только сосредоточен вокруг нормативных событий биографии (появления на свет, получения образования, женитьбы и т.д.), но и – формируя опыт экзистенциальный – единичных событий (необычных происшествий, случайных везений, избавлений от несчастий, неожиданных выигрышей, странных прозрений, оправдавшихся предчувствий, эпизодов, связанных с синхронистичностью и интуицией, сновидениями и столкновением с уникальными явлениями и пр.). Рассказы об этом опыте особенно ценимы в семье.

Социализирующее воздействие этого кластера – аккумуляция коллективной памяти, удержание в ней определенных личностных и поведенческих образцов для идентификации, демонстрирующих своеобразный «семейный стиль». «Точками приложения» становятся разговоры по душам в определенные (как правило, лиминальные) моменты жизни члена семьи, когда ему нужны совет, помощь, поддержка, опора для принятия решения. Здесь отчетливо видна прецедентная функция семейной микрокультуры: когда невозможно дать прямую рекомендацию, можно воспользоваться семейными прецедентами, рассказав личную историю из жизни старшего поколения (она и выступит своеобразной «зоной ближайшего развития» для члена семьи). Кроме того, ассимиляция содержания личных историй старшего поколения семьи за счет эмоционального отклика на них способ-

ствуется самопониманию; за счет внутрисемейного толерантного отношения к самобытности и даже отклоняющемуся поведению родственников снижает страх перед индивидуацией, выражением и защитой самобытности и уникальности собственного «Я»; за счет интериоризации смыслов уже состоявшихся и завершенных жизней предков помогает актуализации мотивации самоизменения в ту или иную сторону.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что семейная микрокультура есть самостоятельный подлежащий психосемантическому анализу феномен, который объединяет родственную микрогруппу, ограничивает ее от других семейных групп, формирует и поддерживает внутрисемейную солидарность, а также является фундаментом личностного становления человека и моделирования контуров его жизни. Семейная микрокультура может быть определена как специфическая психосемантическая реальность, порождающая у каждого из членов конкретной семьи когнитивно-образную модель самовосприятия и поведения. Структурно-содержательная модель семейной микрокультуры может включать четыре кластера со специфическими функциями, уникальным психосемантическим содержанием, самостоятельными вещными и текстовыми «носителями», а также многочисленными социализирующими возможностями в пространстве семьи: «Семейные ритуалы и традиции», «Семейно-родственные связи», «Пространственно-предметный мир семьи», «Семейные нарративы».

Литература

1. Писарева А.А. Значимость образа родителя в психологическом консультировании подростка // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2017. № 1. С. 75–78.
2. Сапогова Е.Е. Семейная микрокультура как ресурс развития личности // Семья и дети в современном мире / под ред. В.Л. Ситникова. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2018. Т. IV: Семья. Дети. Социум. С. 420–428.
3. Пикхорд К. Кто украл моего ребенка. М. : Росмэн, 1998. 120 с.
4. Gillies V. From Function to Competence: Engaging with the New Politics of Family // Sociological Research Online. 2011. 16 (4). P. 1–11. URL: <http://www.socresonline.org.uk/16/4/11.html>
5. Смирнов Т.А. Социализация личности в социокультурном пространстве семейного тела // Философские науки. 2012. № 4. С. 191–196.
6. Антонова Н.В. Проблема личностной идентификации в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 131–143.
7. Родители и дети. Психология взаимоотношений / под ред. Е.А. Савиновой, Е.О. Смирновой. М. : Когито-Центр, 2003. 230 с.
8. Шутценберг А.А. Синдром предков: трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциогаммы. М. : Ин-т психотерапии, 2005. 256 с.
9. Яковенко И.Г. Базовые идентичности и социокультурные основания их трансформации: факторы, тренды, сценарии // Мир психологии. 2004. № 3. С. 28–37.
10. Павлова А.А. Жанр, гипертекст, интертекст, концептосфера. Белгород : Изд-во БелГУ, 2004 162 с.

11. Троцук И.В., Парамонова А.Д. «Статус» института семьи в современном обществе и семейно-брачные ценности молодежи // Вестник РУДН. Сер. Социология. 2016. Т. 16, № 3. С. 542–556.
12. Замаева Г.П., Телегина Г.А. Социологический портрет современной российской семьи // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. № 4. С. 210–220.
13. Григорьева С.И. Семья как социальный институт формирования личности // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. 2012. № 4. С. 59–63.
14. Киселева Е.В. Семья как социокультурная ценность // Вестник славянских культур. 2016. Т. 39, вып. 1. С. 76–83.
15. Ульяновская Ю.С. Актуальные вопросы изучения семьи как малой группы с позиций аксиологического подхода // Управление в современных системах. 2017. № 2 (13). С. 63–74.
16. Банин И.Н., Воробьев И.И., Степанова Н.В. Феномен перенятых чувств, законы семейной системы // Прикладные информационные аспекты медицины. 2014. № 1. С. 26–31.
17. Берсенева Т.А. Уклад жизни как объект педагогического исследования // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 59. С. 7–14.
18. Коваленко А.В. Философия семьи: некоторые методологические аспекты // Философия права. 2012. № 6. С. 116–120.
19. Шамис Е., Никонов Е. Теория поколений. Необыкновенный Икс. М. : Ун-т «Синергия», 2016. 192 с.
20. Raleigh D. Soviet Baby Boomers: an Oral History of Russia's Cold War Generation. Oxford, NY : Oxford University Press, 2012. 420 p.
21. Yurchak A. Everything Was Forever, Until It Was No More: the Last Soviet Generation. Princeton : Princeton University Press, 2006. 352 p.
22. Сапогова Е.Е. Лабиринты автобиографии: экзистенциально-нарративный анализ личных историй. СПб. : Алетей, 2017. 364 с.
23. Низовских Н.А. Жизненные принципы в личностном саморазвитии человека : автореф. дис. ... д-ра психол. Наук : 19.00.01. М., 2010. 44 с.
24. Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М. : Индрик, 2001. 376 с.
25. Нозикова Н.В. Анализ психосемантической системы семейной целенаправленности у мужчин // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12, № 2. С. 69–79.
26. Сапогова Е.Е. Экзистенциальный статус родительского образа во внутренней картине мира взрослого человека // Семья и дети в современном мире : сб. материалов конф. / под общ. и науч. ред. В.Л. Ситникова. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2020. Т. VI. С. 1215–1220.
27. Эриксон Э. Детство и общество. СПб. : Питер, 2019. 448 с.
28. Скрипкина Т.П. Антиномия доверия к миру и доверия к себе в человеческом бытии // Развитие личности. 2011. № 3. С. 111–131.
29. Богданов К.А. Повседневность и мифология. Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб. : Искусство, 2001. 440 с.
30. Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Собр. соч. : в 6 т. М. : Педагогика, 1983. Т. 3. С. 5–313.
31. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. М. : Академический проект, 2015. 240 с.
32. Sikes K. The Traditional Family vs. the Modern Family // Academia: Lubbock Christian University, 2013. P.1-7. URL: <https://www.coursehero.com/file/18671262/Traditional-Family-vs-Modern-Family/>
33. Bengtson V.L. Beyond The Nuclear Family: The Increasing Importance of Multigenerational Bonds // Journal of Marriage and Family. 2001. № 63 (1). P. 1–16.

34. Мазалова Н.Е. «Состав человеческий»: человек в традиционных соматических представлениях русских. СПб. : Петербургское востоковедение, 2001. 192 с.
35. Адоньева С.Б. Символический порядок. СПб. : Пропповский центр, 2011. 167 с.
36. Новикова М.Л. Хронотоп как остранинное единство художественного времени и пространства в языке литературного произведения // Филологические науки. 2003. № 2. С. 60–69.
37. Социология вещей / под ред. В.С. Вахштайна. М. : Территория будущего, 2006. 392 с.
39. Шпенглер О. Закат Европы // Культурология. XX век : антология. М. : Юрист, 1995. С. 432–453.
39. Шюц А. О множественности реальности // Социологическое обозрение. 2003. № 2, т. 3. С. 3–34.
40. Калмыкова Е.С. Опыты исследования личной истории. М. : Когито-Центр, 2015. 214 с.
41. Граматчикова Н.Б., Эльстон-Бирон И.Н. Метаморфозы семейной истории: от Сигитовых к Эльстон-Биронам // Сибирские исторические исследования. 2017. № 3. С. 192–220.

*Поступила в редакцию 13.08.2020 г.; повторно 23.11.2020 г.;
принята 30.11.2020 г.*

Сапогова Елена Евгеньевна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии образования факультета педагогики и психологии Московского педагогического государственного университета.

E-mail: esapogova@yandex.ru

Горелкина Мария Александровна – аспирант факультета педагогики и психологии Московского педагогического государственного университета.

E-mail: mgorelkina@yandex.ru

For citation: Sapogova, E.E., Gorelkina, M.A. Psychosemantic Aspects of Family Microculture. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology*. 2021; 80: 67–90. doi: 10.17223/17267080/80/4. In Russian. English Summary

Psychosemantic Aspects of Family Microculture

E.E. Sapogova^a, M.A. Gorelkina^a

^a *Moscow Pedagogical State University, 1, Malaya Pirogovskaya, Moscow, 119991, Russian Federation*

Abstract

In the framework of the existential-narrative approach developed by the authors, the ideas about the family as a special microcultural system are defined. Family microculture is considered as a psychosemantic reality built up during the family formation, reproducing itself in history and generating a figurative and cognitive model of self-perception, behavior and lifespan for each of the family members. This is a form of family subjectivity, which appears as a result of the particular psychological way of life that has developed over the course of cooperative existence of several family generations and provides for intrafamily psychological similarity. Family microculture transmits an assimilated and concentrated in texts experience to a growing subject. This experience is generally suitable for a number of situations that the family considers significant and that can potentially occur on a person's life path. The subject interiorizes this experience not so much as a role model and reproduction, but as a general modus, as the logic of behavior, hidden in everyday life and approved by the micro-social environment. The presented analysis of the content of family microculture allows us to understand it as a special precedential psychosemantic reality. Intra-family psychosemantics often appears in the consciousness of a developing person as a “pre-life-experienced” sample,

which subsequently determines the choice and perception of other images, units, texts, especially when a person has no individual experience with the realities which they describe. The authors propose a structure and content model of family microculture, in which four clusters are distinguished: “Family rituals and traditions” (contributes to the establishment of basic patterns and models of human interaction with the surrounding reality and corresponds to the behavioral part of the developing “Self-concept”), “Family and genealogical connections” (determines the formation of figurative and cognitive self-representations in the context of other family members existence and the family as a whole, experiences of intrafamily affinity and psychological similarity), “Spatial and material milieu of a family” (identifies relationships between family members through artefacts and the organization of home space, builds semantic-symbolic connections of a man and his family genealogy, influencing his emotional sphere and value orientations) and “Family Narratives” (concentrated on the value-semantic and motivational components of the “Self-concept”, facilitating individuation and promoting the subject’s adaptation to reality). Each of the clusters is presented in four dimensions: 1) its specific function in the family microculture; 2) its psychosemantic content; 3) action and/or material “carriers” of this content; 4) “points of application” - socializing potentials that fix certain semantics in the personal autobiographical memory.

Keywords: family as a psychosemantic system; precedent function; family microculture; family narratives; family traditions; family genealogies; spatial and material milieu of a family.

References

1. Pisareva, A.A. (2009) Significance of the image of parents in teenager psychological counseling. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 105. pp. 188–192. (In Russian).
2. Sapogova, E.E. (2018) Semeynaya mikrokul'tura kak resurs razvitiya lichnosti [Family microculture as a resource for personality development]. In: Sitnikov, V.L. (ed.) *Sem'ya i deti v sovremennoy mire* [Family and children in the modern world]. Vol. 4. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University. pp. 420–428.
3. Pickhardt, C. (1998) *Kto ukral moego rebenka* [Who stole my child]. Translated from English. Moscow: Rosmen.
4. Gillies, V. (2011) From Function to Competence: Engaging with the New Politics of Family. *Sociological Research Online*. 16(4). pp. 1–11. DOI: 10.5153/sro.2393
5. Smirnov, T.A. (2012) Personality socialization in social-cultural space of family body. *Kazanskaya nauka – Kazan Science*. 4. pp. 191–196.
6. Antonova, N.V. (1996) Problema lichnostnoy identifikatsii v interpretatsii sovremennoy psikhoanaliza, interaktsionizma i kognitivnoy psikhologii [The problem of personal identification in the interpretation of modern psychoanalysis, interactionism and cognitive psychology]. *Voprosy psikhologii*. 1. pp. 131–143.
7. Savinova, E.A. & Smirnova, E.O. (eds) (2003) *Roditeli i deti. Psikhologiya vzaimootnosheniy* [Parents and children. Psychology of Relationships]. Moscow: Kogito-Tsentr.
8. Shuttensberg, A.A. (2005) *Sindrom predkov: transgeneratsionnye svyazi, semeynye tayny, sindrom godovshchiny, peredacha travm i prakticheskoe ispol'zovanie genosotsiogrammy* [Ancestral Syndrome: Transgenerational Relationships, Family Secrets, Anniversary Syndrome, Trauma Transmission, and the Practical Uses of the Genosociogram]. Moscow: Institute of Psychotherapy.
9. Yakovenko, I.G. (2004) Bazovye identichnosti i sotsiokul'turnye osnovaniya ikh transformatsii: faktory, trendy, stsennariy [Basic identities and socio-cultural foundations of their transformation: factors, trends, scenarios]. *Mir psikhologii – World of Psychology*. 3. pp. 28–37.
10. Pavlova, A.A. (2004) *Zhanr, gipertekst, intertekst, kontseptosfera* [Genre, hypertext, intertext, concept sphere]. Belgorod: Belgorod State University.

11. Trotsuk, I.V. & Paramonova, A.D. (2016) "Status" of family institution in the contemporary society, and family and marriage values of the youth. *Vestnik RUDN. Ser. Sotsiologiya – RUDN Journal of Sociology*. 16(3). pp. 542–556.
12. Zamaraeva, G.P. & Telegina, G.A. (2017) Social policy impact on the civil unity of the Russians. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politexnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki – PNRPU Sociology and Economics Bulletin*. 4. pp. 210–220. (In Russian). DOI: 10.15593/2224-9354/2017.4.5
13. Grigorieva, S.I. (2012) The family as a social institute for personality maturing. *Sovremennaya sotsial'naya psikhologiya: teoreticheskie podkhody i prikladnye issledovaniya*. 4. pp. 59–63. (In Russian).
14. Kiseleva, E.V. (2016) The family as a socio-cultural value. *Vestnik slavyanskikh kul'tur – Bulletin of Slavic Cultures*. 39(1). pp. 76–83. (In Russian).
15. Ulyanovskaya, Yu.S. (2017) Actual issues of studying the family as a small group from the positions of the axiological approach. *Upravlenie v sovremennykh sistemakh*. 2(13). pp. 63–74. (In Russian).
16. Banin, I.N., Vorobiev, I.I. & Stepanova, N.V. (2014) Phenomenon of repossessed feelings, the laws of the family system. *Prikladnye informatsionnye aspekty meditsiny – The Journal of Theoretical and Applied Medical Research*. 1. pp. 26–31. (In Russian).
17. Berseneva, T.A. (2008) Tenor of life as an object of pedagogical research. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 59. pp. 7–14. (In Russian).
18. Kovalenko, A.V. (2012) Some aspects of the scientific and philosophical understanding of the family. *Filosofiya prava – Philosophy of Law*. 6. pp. 116–120. (In Russian).
19. Shamis, E. & Nikonov, E. (2016) *Teoriya pokoleniy. Neobyknovennyy Iks* [Theory of Generations. Extraordinary X]. Moscow: Sinergiya.
20. Raleigh, D. (2012) *Soviet Baby Boomers: an Oral History of Russia's Cold War Generation*. Oxford, NY: Oxford University Press.
21. Yurchak, A. (2006) *Everything Was Forever, Until It Was No More: the Last Soviet Generation*. Princeton: Princeton University Press.
22. Sapogova, E.E. (2017) *Labirinty avtobiografii: ekzistentsial'no-narrativnyy analiz lichnykh istoriy* [Autobiography Labyrinths: An Existential Narrative Analysis of Personal Stories]. St. Petersburg: Aleteyya.
23. Nizovskikh, N.A. (2010) *Zhiznennyye printsipy v lichnostnom samorazvitiі cheloveka* [Life principles in personal self-development]. Abstract of Psychology Dr. Diss. Moscow.
24. Razumova, I.A. (2001) *Potaennoe znanie sovremennoy russkoy sem'i. Byt. Fol'klor. Istoriya* [Hidden knowledge of the modern Russian family. Everyday Life. Folklore. History]. Moscow: Indrik.
25. Nozikova, N.V. (2016) Analysis of Psychosemantic System of Family Goal-Directedness in Men. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya – Cultural-Historical Psychology*. 12(2). pp. 69–79. (In Russian). DOI: 10.17759/chp.2016120207
26. Sapogova, E.E. (2020) Ekzistentsial'nyy status roditel'skogo obraza vo vnutrenney kartine mira vzoslogo cheloveka [The existential status of the parental image in an adult's inner picture of the world]. In: Sitnikov, V.L. (ed.) *Sem'ya i deti v sovremennoy mire* [Family and Children in the Modern World]. Vol. 6. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University. pp. 1215–1220.
27. Erickson, E. (2019) *Detstvo i obshchestvo* [Childhood and Society]. Translated from English. St. Petersburg: Piter.
28. Skripkina, T.P. (2011) Antinomiya doveriya k miru i doveriya k sebe v chelovecheskom bytii [Antinomy of Trust in the World and Trust in Oneself in Human Being]. *Razvitie lichnosti*. 3. pp. 111–131.
29. Bogdanov, K.A. (2001) *Povsednevnost' i mifologiya. Issledovaniya po semiotike fol'klornoy deystvitel'nosti* [Everyday life and mythology. Research on the semiotics of folklore reality]. St. Petersburg: Iskusstvo.

30. Vygotsky, L.S. (1983) *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Collected Works]. Vol. 3. Moscow: Pedagogika. pp. 5–313.
31. Adler, A. (2015) *Praktika i teoriya individual'noy psikhologii* [Practice and theory of individual psychology]. Moscow: Akademicheskii proekt.
32. Sikes, K. (2013) *The Traditional Family vs. the Modern Family*. [Online] Available form: <https://www.coursehero.com/file/18671262/Traditional-Family-vs-Modern-Family/>
33. Bengtson, V.L. (2001) Beyond The Nuclear Family: The Increasing Importance of Multigenerational Bonds. *Journal of Marriage and Family*. 63(1). pp. 1–16. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2001.00001.x
34. Mazalova, N.E. (2001) “*Sostav chelovecheskiy*”: *chelovek v traditsionnykh somaticheskikh predstavleniyakh russkikh* [“Human composition”: a person in the traditional somatic perceptions of Russians]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.
35. Adoniev, S.B. (2011) *Simvolicheskiy poryadok* [Symbolic order]. St. Petersburg: Proppovskiy tsentr.
36. Novikova, M.L. (2003) Khronotop kak ostranennoe edinstvo khudozhestvennogo vremeni i prostranstva v yazyke literaturnogo proizvedeniya [Chronotope as a detached unity of artistic time and space in the language of a literary work]. *Filologicheskie nauki – Philology. Theory and Practice*. 2. pp. 60–69.
37. Vakhshayn, V.S. (ed.) (2006) *Sotsiologiya veshchey* [Sociology of Things]. Moscow: Territoriya budushchego.
39. Spengler, O. (1995) Zakat Evropy [The Decline of the West]. In: Levit, S.Ya. (ed.) *Kul'turologiya. XX vek: antologiya* [Culturology. The 20th century: an anthology]. Moscow: Yurist. pp. 432–453.
39. Schutz, A. (2003) O mnozhestvennosti real'nosti [On the plurality of reality]. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Sociological Review*. 2(3). pp. 3–34.
40. Kalmykova, E.S. (2015) *Opyty issledovaniya lichnoy istorii* [Experiments in the study of personal history]. Moscow: Kogito-Tsentr.
41. Gramatchikova, N.B. & Elston-Biron, I.N. (2017) Metamorphoses of family history: from the Sigitovs to the Elston-Biron. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*. 3. pp. 192–220. (In Russian). DOI: 10.17223/2312461X/17/11

Received 13.08.2020 ; Revised 23.11.2020;

Accepted 30.11.2020

Elena E. Sapogova – professor of the Department of Educational Psychology, Faculty of Pedagogy and Psychology, Moscow State Pedagogical University. D. Sc. (Psychol.), professor.

E-mail: esapogova@yandex.ru

Maria A. Gorelkina – post-graduate student of the Faculty of Pedagogy and Psychology, Moscow State Pedagogical University.

E-mail: mgorelkina@yandex.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.07

«ТРЕВОЖНАЯ ОЦЕНКА ПЕРСПЕКТИВ» И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ОДАРЕННЫХ ПОДРОСТКОВ¹

Е.Н. Волкова^a, С.И. Беляева^a

^a Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 191186, Россия, Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, 48

Представлены результаты части комплексного исследования одаренных подростков ($n = 422$). Полученные результаты свидетельствуют о том, что повышение уровня тревожности в сфере оценки перспектив собственного будущего ухудшает общее психологическое благополучие одаренных подростков в связи со снижением чувства самоприятия, автономности и компетентности. При этом повышение показателя тревожной оценки перспектив (в диапазоне нормативных значений) связано у них с повышением показателей личностного роста.

Ключевые слова: одаренные подростки; тревожность; психологическое благополучие; отношение к собственной одаренности; тревожная оценка перспектив.

Введение

Вопросы возникновения и развития одаренности вообще и в период взросления в частности активно изучаются отечественными и зарубежными педагогами, психологами, философами, врачами и биологами уже не одно десятилетие [1–4]. Однако вопрос о соотношении одаренности и тревожности до настоящего времени не имеет однозначного ответа [5–7].

Сам по себе феномен тревожности исследуется целым рядом дисциплин, при этом каждая из них раскрывает значение термина «тревожность» в контексте своих научных теорий, что влечет за собой его семантическую неопределенность [8]. Анализ специальной литературы показывает, что понятие «тревожность» тесно связано с понятием «тревога» (англ. anxiety) и определяется как состояние «нервозности или беспокойства по поводу чего-либо с неопределенным исходом» [9]. Кроме того, тревожность мо-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00729.

жет трактоваться еще в двух значениях: как «относительно устойчивое образование, личностное свойство» (Р. Кэттел, Ч. Спилбергер, Ю.Л. Ханин), а также как «свойство темперамента, обусловленное слабостью нервных процессов» [10]. В отечественной психологической литературе делается принципиальный акцент на различие тревоги как состояния и тревожности как стабильного образования, имеющего когнитивный, эмоциональный и операциональный аспекты [11].

Тревожность также рассматривается в литературе как облигатное проявление в стрессовых ситуациях [12]. В психофизиологических исследованиях феномена тревожности ее разделяют на «явную» тревожность, параметры которой можно фиксировать в наблюдениях за поведением человека, и «скрытую» («подавленную») тревожность, которую можно обнаружить лишь по физиологическим маркерам индекса напряжения регуляторных систем, таким как концентрация кортизола в пробах слюны или индекс вариационной пульсометрии [13]. При этом в последнем варианте в поведенческом плане не только не обнаруживается признаков тревожности, более того, описывается феномен так называемого «неадекватного спокойствия» у подростков [14], при котором в результатах психодиагностического тестирования фиксируется низкий уровень тревожности. Особым вариантом «неадекватного спокойствия» А.М. Прихожан [11. С. 156] считает форму, обозначенную ею как «субъективно скрытая тревожность». Обобщая опыт более десятка исследований, автор также описывает феномен «замаскированной» тревожности, где в качестве «масок» на уровне поведения у подростков обнаруживаются проявления агрессивности, зависимости, апатии, чрезмерной мечтательности.

Это обуславливает имеющееся мнение, что для выявления психических нарушений, в частности депрессивных расстройств, применение лишь количественных инструментов не является достаточным [15, 16], а при работе с одаренными подростками наиболее эффективной является динамическая психологическая диагностика [17].

В подростковом возрасте формирование личностной тревожности может стать маркером возникновения нарушений развития вплоть до патологических [18–20]. Как указывал еще Л.С. Выготский, «развитие в подростковом возрасте совершается не по прямой, а по очень сложной и извилистой кривой. В структуре личности подростка нет ничего устойчивого, окончательного и неподвижного. Все в ней – переход, все течет» [21. С. 242]. Поэтому именно на подростковый возраст приходится наибольшее количество дебютов девиантных форм поведения [22–24]. Особо следует обратить внимание, что на основании статистически доказанных данных о широте и частоте невротических проявлений одаренные подростки выделяются некоторыми учеными в группу риска по формированию невротических декомпенсаций [25, 26]. При проведении индивидуальной работы рекомендуется принимать во внимание тип одаренности подростка, конкретизировать направленность его таланта, что позволит повысить эффективность психологической помощи [27].

Тревожность лежит в основе психологических трудностей при овладении новой деятельностью [28]. Имеются исследования, которые показывают, что у детей с высокой и низкой тревожностью преобладает низкий уровень креативности, тогда как дети со средним уровнем тревожности показывают средний и высокий уровень креативности [29]. Интенсивность проявления тревожности определяет степень ее влияния на процесс формирования отношения человека как к окружающему, так и к собственной личности. Неадекватный уровень тревожности может способствовать нарушению тождества собственного «Я» в представлениях человека о самом себе [11]. У одаренного подростка это нарушение тождества может быть представлено неадекватным отношением к собственной одаренности, что, в свою очередь, будет влиять на его общее психологическое благополучие. Процесс осознания себя как одаренного человека проходит ряд продолжительных стадий и связан с интеграцией конструкта «одаренный человек» с личностной самооценкой [30], причем успех прохождения каждой из стадий связан с качеством формирования отношения к собственной одаренности на каждой из них.

Таким образом, подростки, обнаруживающие как высокий, так и низкий уровень тревожности, нуждаются в психологической помощи с целью профилактики социально-психологической дезадаптации и повышения психологического благополучия. Однако если показатель общей личностной тревожности может служить диагностическим маркером общего уровня психологического благополучия, то для выявления областей эмоционального напряжения, которые следует рассматривать как «мишени» психопрофилактической работы, он не является показательным. С этой целью следует проводить исследование структурных компонентов тревожности.

Анализ словарных дефиниций «одаренность» и «одаренный ребенок», приведенных в Рабочей концепции одаренности [27], позволяет сделать вывод о понимании проявления одаренности исключительно в процессе деятельности, что предполагает возможность рассмотрения вопроса о соотношении тревожности и одаренности с позиции деятельностного подхода. Специфические особенности человеческой деятельности – сознательность и целенаправленность (по С.Л. Рубинштейну) – предполагают формирование механизма антиципации. Однако развитие в архитектонике эмоционального фона тревожной оценки перспектив способно внести свой вклад в функционирование личности. Можно предположить, что повышение тревожности при прогнозировании возможности неблагоприятного исхода в развитии событий будет расширять спектр ситуаций, воспринимаемых как потенциально опасные, связанные со специфическими социально значимыми угрозами самооценке, самоуважению, самопринятию человека, а это, в свою очередь, будет блокировать реализацию внутренних предпосылок для достижения успеха в деятельности.

Изложенные выше идеи определили цель настоящей работы – изучить особенности связи психологического благополучия одаренных подростков

и уровня их тревожности в сфере оценки перспектив собственного будущего. Выявленные закономерности позволят определить направления психопрофилактической работы и организации психологической помощи одаренным подросткам.

Программа и протокол комплексного исследования были рассмотрены и одобрены Этическим комитетом Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (IRB00011060 Herzen State Pedagogical University of Russia IRB#1, протокол № 5 от 28.01.2019).

Материал и методы исследования

Выборка одаренных подростков была сформирована в логике экспертного подхода к идентификации одаренности [31]. Выборку составили 422 подростка (191 девушка и 231 юноша) в возрасте 15–17 лет, обучавшиеся в специализированных образовательных учреждениях для одаренных детей и подростков открытого и интернатного типов в Санкт-Петербурге и Нижнем Новгороде. Зачислению на программы обучения в этих учреждениях предшествовал педагогический отбор. Для сопоставления данных были использованы результаты обследования контрольной группы – подростков с нормативным уровнем способностей, обучающихся в общеобразовательных школах Санкт-Петербурга и Смоленска (141 подросток – 79 девушек и 62 юноши) той же возрастной группы.

Для изучения особенностей уровня тревожности в сфере оценки перспектив собственного будущего одаренных подростков использовалась методика «Интегративный тест тревожности» (ИТТ) [32], которая позволяет рассмотреть тревожность как многомерное психическое явление, в котором сходятся не только собственно аффективные, но и другие компоненты, играющие важную роль в понимании отношения обследуемого к собственной личности и ее элементам. Была использована шкала личностной тревожности, которая измеряет ее проявления как интегративного индивидуально-типологического свойства (общий показатель тревожности). Кроме того, эта шкала содержит пять вспомогательных субшкал, раскрывающих ее структуру: эмоциональный дискомфорт, астенический и фобический компоненты, тревожная оценка перспектив и социальная защита. Следует отметить, что только шкалы «фобический компонент» и «тревожная оценка перспектив» представляют тревожность в ее специфике. Шкала «тревожная оценка перспектив» тесно связана с фобическим компонентом тревожности, но в ней определяется проекция страхов не на актуальные события, а на будущее, общая озабоченность грядущим на фоне повышенной эмоциональной уязвимости. Это принципиально важно для изучения тревожности у подростков: одаренный подросток, как и любой другой, определяет смыслы своего существования «здесь и сейчас» в пространстве реальных взаимоотношений, но управляющей инстанцией этих отношений являются его представления о будущем, в том числе в широкой временной перспективе.

Методика предполагает перевод полученных «сырых» баллов в стандартизированные (станайны), имеющие при переводе различия для юношей и девушек. Показатели 1–3 станайна определяют низкий уровень тревожности, 4–6 станайнов – средний (нормативный) уровень, показатели от 7 станайнов и выше указывают на высокий уровень как общей тревожности, так и составляющих ее структурных компонентов.

Психологическое благополучие одаренных подростков изучалось с помощью методики «Шкала психологического благополучия» К. Рифф [33]. Данная методика зарекомендовала себя как надежный диагностический инструмент в исследованиях психологического благополучия различных групп испытуемых. Она имеет интегральную шкалу психологического благополучия, а также шесть субшкал, направленных на оценку уровня «автономности» (самостоятельности, независимости), «компетентности» (чувства мастерства в овладении средой и разнообразными видами деятельности), стремления к «личностному росту» (продолжению развития и реализации своего потенциала), «жизненных целей» (чувства направленности и осмысленности жизни), «позитивного отношения» с другими людьми, а также уровня «самопринятия» (способности осознавать и принимать как положительные, так и отрицательные стороны своей личности).

Математический анализ полученных данных производился с помощью методов описательной статистики, дисперсионного и корреляционного анализа. Расчеты осуществлялись с помощью программного пакета «RStudio Cloud V.1.3».

Результаты исследования

В рамках эмпирического исследования были изучены особенности эмоциональной сферы, показателей психологического благополучия и их взаимосвязь у одаренных подростков.

Полученные показатели особенностей структуры тревожности обследованных подростков представлены в табл. 1.

Таблица 1

**Показатели методики «Интегративный тест тревожности»
в группе одаренных подростков и подростков контрольной группы**

Показатели методики «Интегративный тест тревожности»	Одаренные подростки			Контрольная группа			Достоверные различия
	М	Me	σ	М	Me	σ	
Показатель общей тревожности	6,8	7	2,9	6,0	6	1,7	$p \geq 0,1$
Эмоциональный дискомфорт	6,7	6	2,7	5,8	6	1,6	$p \geq 0,1$
Астенический компонент	6,7	7	3,0	5,6	6	2,2	$p \geq 0,1$
Фобический компонент	6,1	6	3,3	5,6	6	2,4	$p \geq 0,1$
Тревожная оценка перспективы	6,4	6	3,1	5,8	6	1,9	$p \geq 0,1$
Социальная защита	5,2	5	3,0	5,1	5	2,4	$p \geq 0,1$

Примечание. М – среднее, Me – медиана, σ – стандартное отклонение.

Сравнение средних показателей структурных компонентов тревожности значимых различий в сопоставляемых группах не выявило, но обнаружило, что величина стандартного отклонения по всем показателям больше в группе одаренных подростков (для шкал «Показатель общей тревожности» и «Тревожная оценка перспективы» он является максимальным). Это свидетельствует о большей вариабельности распределения показателей тревожности в группе одаренных подростков. Сопоставление распределения значений шкалы «Тревожная оценка перспектив» в группе одаренных подростков и в контрольной группе отображено на рисунке 1.

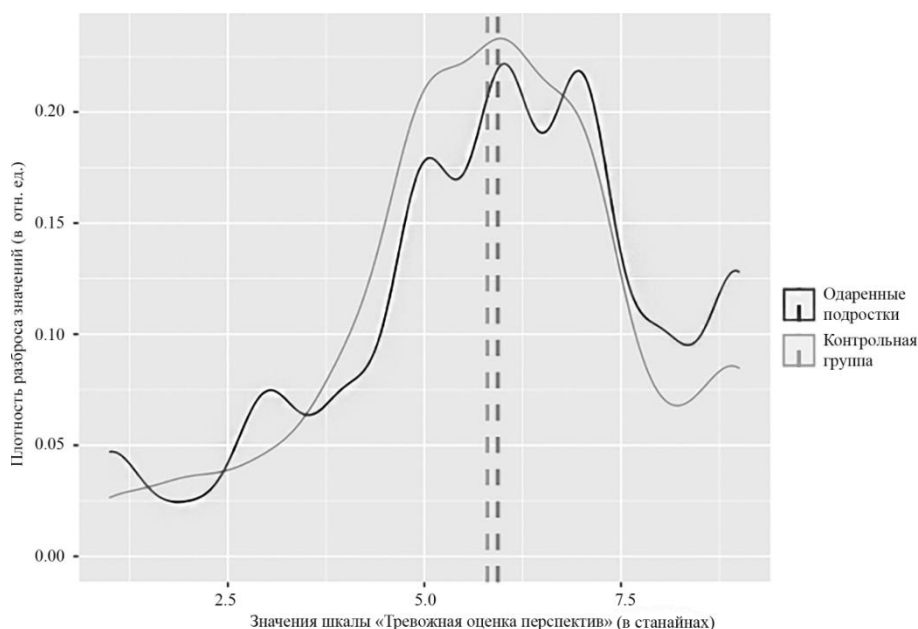

Рис. 1. Распределение значений шкалы «Тревожная оценка перспектив» в группе одаренных подростков и в контрольной группе

Как показано на рисунке 1, в группе одаренных подростков имеется значительный разброс значений исследуемого показателя, причем определяется два равнозначных пика, второй из которых находится на уровне «высокой» нормы. Такое распределение делает целесообразным сопоставление показателей в группах подростков с разными видами одаренности.

Для анализа были выделены три группы одаренных подростков: с интеллектуальной одаренностью ($n=340$), с лидерской (социальной) одаренностью ($n=44$), со спортивной одаренностью ($n=38$), а также контрольная группа, состоящая из подростков без признаков одаренности ($n=141$). Сопоставляемые выборки значительно различаются по численности, в связи с чем был использован дисперсионный анализ GLM-Anova, как не требующий равенства дисперсий. Для оценки распределения различий между

сопоставляемыми группами, был выполнен *post hoc* анализ с использованием Тьюки-теста, который показал, что значения шкалы «Тревожная оценка перспектив» (ОП) статистически достоверно различаются ($p < 0,01$) между группами подростков с интеллектуальной одаренностью ($ОП = 6,068 \pm 2,038$) и со спортивной одаренностью ($ОП = 5,0 \pm 2,236$). Также получены статистически достоверные различия ($p < 0,05$) между группами подростков с лидерской (социальной) одаренностью ($ОП = 6,026 \pm 1,994$) и со спортивной одаренностью ($ОП = 5,0 \pm 2,236$), как и между группами подростков с интеллектуальной одаренностью ($ОП = 6,068 \pm 2,038$) и контрольной группой ($ОП = 5,801 \pm 1,865$).

Также была изучена представленность особенностей психологического благополучия и его структурных компонентов (таблица 2).

Таблица 2

Показатели методики «Шкала психологического благополучия» в группе одаренных подростков и подростков контрольной группы

Показатели методики «Шкала психологического благополучия»	Одаренные подростки			Контрольная группа			Достоверные различия
	М	Me	σ	М	Me	σ	
Общий показатель	192,9	193	24,0	190,8	192	23,9	$p \geq 0,1$
Самопринятие	31,7	32	6,2	31,1	32	6,1	$p \geq 0,1$
Жизненные цели	33,4	34	6,3	32,7	33	5,8	$p \geq 0,1$
Позитивные отношения	32,3	32	6,0	33,3	34	6,1	$p \geq 0,1$
Личностный рост	35,8	36	5,2	34,7	35	5,2	$p \geq 0,1$
Компетентность	29,4	29	5,5	28,8	29	5,3	$p \geq 0,1$
Автономность	31,7	32	5,6	30,1	30	4,8	$p \geq 0,1$

Примечание. М – среднее, Me – медиана, σ – стандартное отклонение.

Анализ данных, представленных в табл. 2, значимых различий по показателям как общего психологического благополучия, так и его структурных компонентов в сопоставляемых группах не выявил. Однако можно отметить, что в группе одаренных подростков средние значения по общему показателю психологического благополучия и по пяти его структурным компонентам (кроме показателя «Позитивные отношения») выше, чем в контрольной группе. Это свидетельствует о том, что одаренные подростки в целом воспринимают и оценивают свои самореализацию, независимость, осмысленность жизни, способности и удовлетворенность собой не хуже, чем их сверстники с нормативным уровнем способностей, при этом сфера доверительных, близких, эмпатийных отношений с другими людьми может стать мишенью психопрофилактической работы с одаренными подростками.

Для изучения особенности связи психологического благополучия одаренных подростков и уровня их тревожности в сфере оценки перспектив собственного будущего был предпринят корреляционный анализ показателя шкалы «Тревожная оценка перспектив» методики ИТТ с показателями методики «Шкала психологического благополучия», результаты которого представлены в табл. 3.

Таблица 3

Результаты исследования взаимосвязи психологического благополучия и уровня тревожности в группе одаренных подростков и подростков контрольной группы

Шкалы методики «Шкала психологического благополучия»	Шкала «Тревожная оценка перспектив»	
	Одаренные подростки	Контрольная группа
Общий показатель	–,288**	–,272**
Самопринятие	–,265**	–,328**
Жизненные цели	–	–,179*
Позитивные отношения	–	–,167*
Личностный рост	,109*	–
Компетентность	–,256**	–,360**
Автономность	–,261**	–

Примечание: ** – значимость корреляции на уровне $p \leq 0,01$; * – значимость корреляции на уровне $p \leq 0,05$.

Из табл. 3 следует, что в группе одаренных подростков выявлена статистически значимая ($p < 0,01$) отрицательная корреляционная связь показателя шкалы «Тревожная оценка перспектив» как с общим показателем психологического благополучия, так и с такими его структурными компонентами, как самопринятие, компетентность и автономность. Та же тенденция обнаруживается и в сопоставляемой группе, за исключением показателя автономности. Также у одаренных подростков обнаружена положительная корреляционная связь ($p < 0,05$) показателя шкалы «Тревожная оценка перспектив» с показателем личностного роста, что позволяет предположить наличие стимулирующего потенциала нормативного уровня тревожной оценки в развитии способности одаренного подростка наблюдать и отслеживать рост своих достижений, совершенствование навыков и умений в деятельности.

Данные корреляционного анализа, полученные в контрольной группе, показали статистически значимую связь показателей шкалы «Тревожная оценка перспектив» ($p < 0,05$) со шкалами «Позитивные отношения» и «Жизненные цели».

Обсуждение результатов

Научный интерес к междисциплинарной проблеме формирования, воспитания и развития личности одаренного человека свидетельствует о ее высокой социальной актуальности. Настоящее исследование направлено на изучение особенностей связи психологического благополучия одаренных подростков и уровня их тревожности в сфере оценки перспектив собственного будущего в связи с задачами организации деятельности педагогов и психологов по сопровождению и развитию одаренного ребенка.

Анализ результатов поведенного исследования свидетельствует, что существует общая для всех подростков, независимо от уровня развития способностей, закономерность: чем выше тревожность в сфере оценки

перспектив собственного будущего, тем более негативно они относятся к себе, некоторым качествам своей личности, желают не быть теми, кем являются, чувствуют, что неспособны изменить окружающие обстоятельства, неспособны выбирать или создавать подходящий контекст в реализации личных потребностей и ценностей, озабочены ожиданиями и оценками других людей, подвержены социальному давлению. Для одаренных подростков уязвимым оказывается еще и их ощущение самостоятельности, независимости, а для подростков с обычным уровнем развития способностей – недостаток ресурса в выстраивании позитивных отношений с людьми и снижение чувства направленности и осмысленности жизни.

Общим положением нашего исследования была выявленная связь между тревожной оценкой перспектив собственного будущего, с одной стороны, и самопринятием и компетентностью подростка – с другой. Как и любой подросток, одаренный подросток определяет смыслы своего существования «здесь и сейчас», в пространстве реальных взаимоотношений, но управляющей инстанцией этих отношений являются его представления о будущем, широкая временная перспектива. Однако для того, чтобы это будущее могло реализоваться, необходимы личностные инструменты и механизмы. Позитивное отношение к себе, знание и принятие разных сторон своего «Я», включая сильные и слабые качества, положительная оценка прошлого опыта, умение на этой основе управлять собой и своим окружением составляют инвариантную основу личностных свойств подростка, которые обеспечивают снижение тревожной оценки перспектив собственного будущего. Это важно учитывать при организации работы и с одаренными подростками, и с подростками с обычным уровнем развития способностей.

Отличительной особенностью одаренного подростка является повышенная сензитивность к развитию самостоятельности и независимости. Можно предположить, что повышение тревожности в прогнозировании собственного будущего у одаренных подростков обусловлено недостатком в развитии способности вести себя независимо, быть самостоятельным и формировать внутренние эталоны оценки собственной деятельности. У подростков без признаков одаренности повышение тревожности в прогнозировании собственного будущего обусловлено недостатком близких, доверительных отношений с другими людьми, фрустраций в межличностных отношениях и снижением чувства направленности и осмысленности жизни.

Снижение значений показателя «Позитивные отношения» в структуре психологического благополучия подростков прогнозирует риск возникновения нарушений в реализации ведущего для подростков вида деятельности – общения со своими сверстниками [21]. Это, в свою очередь, может стать помехой в формировании ключевых психологических новообразований, необходимых для успешной социализации и адаптации подростка во взрослой жизни.

Для одаренных подростков была обнаружена слабая, но статистически значимая ($p < 0,05$), положительная корреляционная связь показателя шкалы «Тревожная оценка перспектив» с показателем личностного роста. Это

может означать, что у них при повышении тревожности в прогнозировании будущего повышается стремление к познанию и совершенствованию себя и собственного поведения, к реализации собственного потенциала и повышению своей эффективности. Можно предположить, что данный феномен обусловлен социальной ситуацией развития одаренных подростков, для которых специально создается стимулирующая развивающая среда (в частности, все исследованные одаренные подростки обучались на специализированных образовательных программах). Однако следует отметить, что средние значения по показателю «Тревожная оценка перспектив» в группе одаренных подростков определялись на уровне крайних значений нормы (6,4 стандартного отклонения), поэтому экстраполировать вышеобозначенные результаты на анализ при высоких значениях тревожности будет некорректно. Особо подчеркнем, что взаимное повышение показателей тревожности и личностного роста у одаренных подростков в данном исследовании наблюдалось при нормативном диапазоне тревожности. Это согласуется с результатами, полученными Е.И. Будановой и Н.В. Еркиным, показывающими, что для развития креативности «необходим определенный запас тревожности» [29. С. 46]. Для одаренных подростков нормативный уровень тревожности характеризует тот потенциал, уровень включенности в решение актуальных операциональных и стратегических задач, в определение собственного будущего, который может обеспечить успешное прохождение стадий интеграции конструкта «одаренный человек» [30] с личностным самовосприятием и самопринятием. Наши результаты являются подтверждением мысли А.М. Прихожан о неоднозначном и даже конструктивном влиянии определенного уровня тревожности на развитие личности подростка. Автор об этом пишет следующее: «...тревожность может оказывать не только негативное, но и позитивное влияние на деятельность и развитие личности, однако это ограничено ее выраженной приспособительной, адаптивной природой» [11. С.164].

Сравнение значений по показателю «Тревожная оценка перспектив» в группах подростков с разными видами одаренности определило, что наибольшие значения обнаруживаются у подростков с интеллектуальной одаренностью и наименьшие – у подростков со спортивной одаренностью (значения в этой группе фактически не превышают данных контрольной группы). Это может объясняться тем, что подростки с интеллектуальной одаренностью связывают достижения в своей области с успешностью всей будущей жизни, а последствия возможности потерпеть неудачу на определенном этапе экстраполируют на крах всей своей карьеры. Подростки со спортивной одаренностью зачастую уже на ранних этапах осознают, что профессиональная карьера спортсмена заканчивается рано и несет в себе множество рисков и ограничений, поэтому могут формировать представления об альтернативах в организации жизни. Полученные результаты соответствуют данным, приведенным L.T. Martin и соавт. [34] о том, что вид деятельности, в котором проявляется одаренность подростка, будет влиять на характер возникающих у него психологических проблем.

Заключение

Результаты проведенного исследования показали, что проявление тревожной оценки перспектив как структурного компонента тревожности у одаренных подростков и подростков с нормативным уровнем способностей имеет общие тенденции: повышение тревожности при прогнозировании возможности неблагоприятного исхода в развитии событий связано в обеих исследованных группах со снижением психологического благополучия.

Исследование особенностей структуры тревожности одаренных подростков выявило большую, по сравнению с контрольной группой, вариативность значений шкалы «Тревожная оценка перспектив». Сравнительный анализ трех групп подростков с разными видами одаренности показал, что наибольшие значения по данной шкале обнаруживаются у подростков с интеллектуальной одаренностью и наименьшие – у подростков со спортивной одаренностью. Подростки с лидерской (социальной) одаренностью занимают промежуточное положение, но по своим средним значениям ближе к первой группе.

Изучение особенностей связи психологического благополучия одаренных подростков и уровня их тревожности в сфере оценки перспектив собственного будущего определило, что усиление данного компонента тревожности снижает общее психологическое благополучие посредством снижения чувства самопринятия, автономности и компетентности. При этом обнаружено, что с повышением тревожной оценки перспектив (в диапазоне нормативных значений) у одаренных подростков повышается показатель личностного роста: стремление к познанию и совершенствованию себя и собственного поведения, к реализации собственного потенциала и повышению своей эффективности.

Резюмируя сказанное, можно сделать вывод, что соотношение одаренности и тревожности характеризуется множественной неоднозначной связью, детерминированной рядом внутренних и внешних факторов, знание которых позволит повысить эффективность психологической помощи одаренным подросткам.

Полученные результаты могут найти применение как для первичной психопрофилактической работы, направленной на предупреждение нарушения адаптации одаренного подростка при прохождении им нормативных и ненормативных возрастных и социальных кризисов, так и для вторичной психопрофилактической работы, где показатели общей тревожности и ее структурных компонентов могут служить маркерами начальных (латентных) фаз дезадаптации.

Литература

1. Савенков А.И. Психология детской одаренности. М. : Юрайт, 2019. 334 с.
2. Batey M., Furnham A. Creativity, intelligence, and personality: a critical review of the scattered literature // Genetic, Social, and General Psychology Monographs. 2006. Vol. 132 (4). P. 355–429. DOI: 10.3200/mono.132.4.355-430.

3. Simonton D.K. Reverse engineering genius: historiometric studies of superlative talent // *Annals of the New York Academy of Sciences*. 2016. Vol. 1377 (1). P. 3–9. DOI: 10.1111/nyas.13054.
4. Subotnik R.F., Olszewski-Kubilius P., Worrell F.C. Rethinking Giftedness and Gifted Education: a Proposed Direction Forward Based on Psychological Science // *Psychological Science in the Public Interest*. 2011. Vol. 12 (1). P. 3–54. DOI: 10.1177/1529100611418056.
5. Теплов Б.М. Психология и психофизиология индивидуальных различий : избранные психологические труды / под ред. М.Г. Ярошевского. М. : Моск. психол.-соц. ин-т ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 2009. 638 с.
6. Flescher I. Anxiety and Achievement of Intellectually Gifted and Creatively Gifted Children // *The Journal of Psychology*. 1963. Vol. 56. P. 251–268. DOI: 10.1080/00223980.1963.9916644.
7. Guénolé F., Louis J., Creveuil C. Étude transversale de l'anxiété trait dans un groupe de 111 enfants intellectuellement surdoués. A cross-sectional study of trait-anxiety in a group of 111 intellectually gifted children // *Encephale*. 2013. Vol. 39 (4). P. 278–283. DOI: 10.1016/j.encep.2013.02.001.
8. Астапов В.М. Тревога и тревожность : хрестоматия. М. : Когито-Центр, 2008. 300 с.
9. Anxiety // *Oxford Dictionary*. [URL: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/anxiety> (accessed: 07.07.2020).
10. Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Тревожность // *Большой психологический словарь*. М. : АСТ ; АСТ-Москва ; Прайм-Еврознак, 2008. URL: <http://www.psychological.slovaronline.com/1854-TREVOZHNOST> (дата обращения: 25.06.2020).
11. Прихожан А.М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. М. : Акад. пед. и соц. наук, Моск. пед.-соц. ин-т ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 2000. 304 с.
12. Dean E. Anxiety // *Nursing Standard*. 2016. Vol. 30 (46). P. 17. DOI: 10.7748/ns.30.46.15.
13. Осницкий А.К., Тарасова С.Ю. Психофизиологические показатели школьной тревожности // *Психологические исследования : электронный журнал*. 2011. № 2 (16). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n2-16/455-osnitsky-tarasova16.html> (дата обращения: 25.06.2020).
14. Симакова И.Н., Тарасова С.Ю. Феномен неадекватного спокойствия у подростков в условиях школьного обучения // *Личностное и профессиональное развитие детей, молодежи, взрослых: проблемы и решения : сб. ст. XIII Междунар. науч.-практ. конф.* 2017. С. 140–144. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29886725> (дата обращения: 25.06.2020).
15. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. СПб. : Питер, 2019. 304 с.
16. Jackson S.P., Peterson J. Depressive disorder in highly gifted adolescents // *Journal of Secondary Gifted Education*. 2003. Vol. 14 (3). P. 175–186. DOI: 10.4219/jsge-2003-429.
17. Vogelaar B., Bakker M., Elliott J.G., Resing W.C. Dynamic testing and test anxiety amongst gifted and average-ability children // *British Journal of Educational Psychology*. 2017. Vol. 87 (1). P. 75–89. DOI: 10.1111/bjep.12136.
18. Малкова Е.Е. Тревожность и развитие личности. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2013. 268 с.
19. Schoenleber M., Chow P.I., Berenbaum H. Self-conscious emotions in worry and generalized anxiety disorder // *British Journal of Clinical Psychology*. 2014. Vol. 53 (3). P. 299–314. DOI: 10.1111/bjc.12047.
20. Singh D., Rocio M.W., Anand N. The ALPIM (Anxiety, Laxity, Pain, Immune, and Mood) Syndrome in Adolescents and Young Adults: a Cohort Study // *The Journal of Neuropsychiatry and Clinical Neurosciences*. 2019. Vol. 31 (3). P. 239–245. DOI: 10.1176/appi.neuropsych.18080174.

21. Выготский Л.С. Динамика и структура личности подростка // Собр. соч. : в 6 т. М. : Педагогика, 1984. Т. 4. С. 220–242.
22. Ильин Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности. СПб. : Питер, 2009. 434 с.
23. Barker E.D. Epigenetics, Early Adversity and Child and Adolescent Mental Health // Psychopathology. 2018. Vol. 51. P. 71–75. DOI: 10.1159/000486683.
24. Stattin H., Seiffge-Krenke I., Hendry L., Kloep M., Beyers W. Adolescent psychopathology in times of change: Introduction to the special issue // Journal of Adolescence. 2018. Vol. 65. P. 228–230. DOI: 10.1016/j.adolescence.2018.03.006.
25. Миллер А. Драма одаренного ребенка и поиск собственного Я. М. : Академический проект, 2019. 139 с.
26. Baas M., Nijstad B.A., Boot N.C., De Dreu C.K.W. Mad genius revisited: Vulnerability to psychopathology, biobehavioral approach-avoidance, and creativity // Psychological Bulletin. 2016. Vol. 142 (6). P. 668–692. DOI: 10.1037/bul0000049.
27. Рабочая концепция одаренности. М., 2003. 34 с. URL: https://narfu.ru/school/deti_konchep.pdf (дата обращения: 25.06.2020).
28. Дружинин В.Н. Когнитивные способности: структура, диагностика, развитие. М. : Пер Сэ ; СПб. : Иматон-М, 2001. 223 с.
29. Буданова Е.И., Еркин Н.В. Тревожность как фактор проявления креативности у младших школьников // Психология способностей: современное состояние и перспективы исследований : материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 60-летию со дня рождения В.Н. Дружинина, ИП РАН, 25–26 сентября 2015 г. М. : Ин-т психологии РАН, 2015. С. 44–46.
30. Baudson T.G., Zeimes Y. The Importance of being gifted: Stages of Gifted Identity Development, Their Correlates and Predictors // Gifted and Talented International. 2016. Vol. 31 (1). P. 19–32. DOI: 10.1080/15332276.2016.1194675.
31. Волкова Е.Н., Микляева А.В., Хороших В.В. Критерии идентификации детской и подростковой одаренности как основание для формирования выборок при проведении психологических исследований // Теоретическая и экспериментальная психология. 2019. Т. 12, № 1. С. 69–78.
32. Бизюк А.П., Вассерман Л.И., Иовлев Б.В. Применение интегративного теста тревожности (ИТТ) : методические рекомендации. СПб. : НИПНИ им. В.М. Бехтерева, 2004. 16 с.
33. Жуковская Л.В., Трошихина Е.Г. Шкала психологического благополучия К. Рифф // Психологический журнал. 2011. Т. 32, вып. 2. С. 82–93.
34. Martin L.T., Burns R.M., Schonlau M. Mental disorders among gifted and nongifted youth: a selected review of the epidemiologic literature // Gifted Child Quarterly. 2010. Vol. 54 (1). P. 31–41. DOI: 10.1177/0016986209352684.

Поступила в редакцию 19.08.2020 г.; принята 18.11.2020 г.

Волкова Елена Николаевна – доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

E-mail: envolkova@herzen.spb.ru

Беляева Светлана Игоревна – кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической психологии и психологической помощи Института психологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

E-mail: sbelyaeva@herzen.spb.ru

For citation: Volkova, E.N., Belyaeva, S.I. “Anxious Assessment of Prospects” and Psychological Well-Being of Gifted Adolescents. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian*

journal of psychology. 2021; 80: 91–106. doi: 10.17223/17267080/80/5. In Russian. English Summary

“Anxious Assessment of Prospects” and Psychological Well-Being of Gifted Adolescents¹

E.N. Volkova^a, S.I. Belyaeva^a

^a *The Herzen State Pedagogical University of Russia, 48, Moyka Emb. (Naberezhnaya r. Moyki), St. Petersburg, 191186, Russian Federation*

Abstract

The article addresses subjective factors of psychological well-being of gifted adolescents. This work was focused on the relationship between psychological well-being of gifted adolescents and their anxiety level in assessment of future prospects. To achieve this goal, we used the Integrative test of anxiety, which approaches anxiety as a multidimensional mental phenomenon, and the Ryff Scales of Psychological Well-Being, which has an integral scale of psychological well-being, as well as six subscales aimed at studying its structure.

The study involved 422 adolescents aged 15-17 who passed the expert selection for specialized educational programs in St. Petersburg and Nizhny Novgorod. To compare the data, we used the results of a control group survey that consisted of adolescents with standard level of abilities enrolled in secondary schools in St. Petersburg and Smolensk.

The results of this study suggest that anxious assessment of prospects, as a structural component of anxiety, in gifted adolescents and adolescents with standard level of abilities has a common trend: an increase in anxiety in predicting the possibility of an unfavorable outcome is associated with a decrease in psychological well-being. In gifted adolescents, it is associated with a decrease in the sense of self-acceptance, autonomy and competence. At the same time, an increase in anxious assessment of prospects (in the range of standard values) in gifted adolescents is associated with an increase in personal growth - a desire to cognize and improve oneself and one's own behavior, to realize one's own potential and increase one's effectiveness. In gifted adolescents, the values of the scale "Anxious assessment of prospects" were much more variable than in the control group, while the highest values on this scale were found in adolescents with intellectual giftedness and the smallest - in adolescents with sports giftedness.

The obtained results might be applied in primary prevention of the gifted teenagers' maladaptation during age and social crises, as well as in secondary prevention, when rates of overall anxiety and its structural components can serve as markers of early (latent) maladjustment phases.

Keywords: gifted adolescents; anxiety; psychological well-being; attitude to their own giftedness; anxious assessment of prospects.

References

1. Savenkov, A.I. (2019) *Psikhologiya detskoy odarennosti* [Psychology of children's giftedness]. Moscow: Yurayt.
2. Batey, M. & Furnham, A. (2006) Creativity, intelligence, and personality: a critical review of the scattered literature. *Genetic, Social, and General Psychology Monographs*. 132(4). pp. 355–429. DOI: 10.3200/mono.132.4.355-430

¹ The reported study was funded by RFBR, project number 19-013-00729.

3. Simonton, D.K. (2016) Reverse engineering genius: historiometric studies of superlative talent. *Annals of the New York Academy of Sciences*. 1377(1). pp. 3–9. DOI: 10.1111/nyas.13054
4. Subotnik, R.F., Olszewski-Kubilius, P. & Worrell, F.C. (2011) Rethinking Giftedness and Gifted Education: A Proposed Direction Forward Based on Psychological Science. *Psychological Science in the Public Interest*. 12(1). pp. 3–54. DOI: 10.1177/1529100611418056
5. Teplov, B.M. (2009) *Psikhologiya i psikhofiziologiya individual'nykh razlichiy: izbrannye psikhologicheskie trudy* [Psychology and psychophysiology of individual differences: selected psychological works]. Moscow: MPSU; Voronezh: MODEK.
6. Flescher, I. (1963) Anxiety and Achievement of Intellectually Gifted and Creatively Gifted Children. *The Journal of Psychology*. 56. pp. 251–268. DOI: 10.1080/00223980.1963.9916644
7. Guénolé, F., Louis, J. & Creveuil, C. (2013) Étude transversale de l'anxiété trait dans un groupe de 111 enfants intellectuellement surdoués. A cross-sectional study of trait-anxiety in a group of 111 intellectually gifted children. *Encephale*. 39(4). pp. 278–283. DOI: 10.1016/j.encep.2013.02.001.
8. Astapov, V.M. (2008) *Trevoga i trevozhnost': khrestomatiya* [Anxiety: a reader]. Moscow: Kogito-Tsentr.
9. Oxforddictionaries.com. (n.d.) *Anxiety*. [Online] Available form: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/anxiety> (Accessed: 7th July 2020).
10. Meshcheryakov, B.G. & Zinchenko, V.P. (2008) Trevozhnost' [Anxiety]. In: Meshcheryakov, B.G. & Zinchenko, V.P. (eds) *Bol'shoy psikhologicheskii slovar'* [Great Psychological Dictionary]. Moscow: AST; AST-Moskva; Praym-Evroznak. [Online] Available form: <http://www.psychological.slovaronline.com/1854-TREVOZHNOST> (Accessed: 25th June 2020).
11. Prikhozhan, A.M. (2000) *Trevozhnost' u detey i podrostkov: psikhologicheskaya priroda i vozrastnaya dinamika* [Anxiety in children and adolescents: psychological nature and age dynamics]. Moscow: Academy of Pedagogical and Social Sciences; Moscow Pedagogical and Social Institute; Voronezh: [s.n.].
12. Dean, E. (2016) Anxiety. *Nursing Standard*. 30(46). p. 17. DOI: 10.7748/ns.30.46.15.
13. Osnitskiy, A.K. & Tarasova, S.Yu. (2011) Psychophysiological indicators of school anxiety. *Psikhologicheskie issledovaniya – Psychological Research*. 2(16). (In Russian). [Online] Available form: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n2-16/455-osnitsky-tarasova16.html>
14. Simakova, I.N. & Tarasova, S.Yu. (2017) Fenomen neadekvatnogo spokoystviya u podrostkov v usloviyakh shkol'nogo obucheniya [The phenomenon of inadequate calmness in adolescents in the context of school education]. In: Mitina, L.M. (ed.) *Lichnostnoe i professional'noe razvitiye detey, molodezhi, vzroslykh: problemy i resheniya* [Personal and Professional Development of Children, Youth, Adults: Problems and Solutions]. Moscow: Pero. pp. 140–144. [Online] Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29886725>.
15. Lichko, A.E. (2019) *Psikhopatii i aktsentuatsii kharaktera u podrostkov* [Psychopathies and Character Accentuations in Adolescents]. St. Petersburg: Piter.
16. Jackson, S.P. & Peterson, J. (2003) Depressive disorder in highly gifted adolescents. *Journal of Secondary Gifted Education*. 14(3). pp. 175–186. DOI: 10.4219/jsge-2003-429
17. Vogelaar, B., Bakker, M., Elliott, J.G. & Resing, W.C. (2017) Dynamic testing and test anxiety amongst gifted and average-ability children. *British Journal of Educational Psychology*. 87(1). pp. 75–89. DOI: 10.1111/bjep.12136
18. Malkova, E.E. (2013) *Trevozhnost' i razvitiye lichnosti* [Anxiety and personality development]. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia.
19. Schoenleber, M., Chow, P.I. & Berenbaum, H. (2014) Self-conscious emotions in worry and generalized anxiety disorder. *British Journal of Clinical Psychology*. 53(3). pp. 299–314. DOI: 10.1111/bjc.12047

20. Singh, D., Rocio, M. W. & Anand, N. (2019) The ALPIM (Anxiety, Laxity, Pain, Immune, and Mood) Syndrome in Adolescents and Young Adults: A Cohort Study. *The Journal of Neuropsychiatry and Clinical Neurosciences*. 31(3). pp. 239–245. DOI: 10.1176/appi.neuropsych.18080174
21. Vygotsky, L.S. (1984) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 4. Moscow: Pedagogika. pp. 220–242.
22. Ilin, E. P. (2009) *Psikhologiya tvorchestva, kreativnosti, odarennosti* [Psychology of Creativity and Giftedness]. St. Petersburg: Piter.
23. Barker, E.D. (2018) Epigenetics, Early Adversity and Child and Adolescent Mental Health. *Psychopathology*. 51. pp. 71–75. DOI: 10.1159/000486683
24. Stattin, H., Seiffge-Krenke, I., Hendry, L., Kloep, M. & Beyers, W. (2018) Adolescent psychopathology in times of change: Introduction to the special issue. *Journal of Adolescence*. 65. pp. 228–230. DOI: 10.1016/j.adolescence.2018.03.006
25. Miller, A. (2019) *Drama odarennogo rebenka i poisk sobstvennogo Ya* [The Drama of a Gifted Child and the Search for Self]. Moscow: Akademicheskii proekt.
26. Baas, M., Nijstad, B.A., Boot, N.C. & De Dreu, C.K.W. (2016) Mad genius revisited: Vulnerability to psychopathology, biobehavioral approach-avoidance, and creativity. *Psychological Bulletin*. 142(6). pp. 668–692. DOI: 10.1037/bul0000049
27. Bogoyavlenskaya, D.B. (ed.) (2003) *Rabochaya kontseptsiya odarennosti* [The working concept of giftedness]. Moscow: [s.n.]. [Online] Available from: https://narfu.ru/school/deti_konchep.pdf
28. Druzhinin, V.N. (2001) *Kognitivnye sposobnosti: struktura, diagnostika, razvitie* [Cognitive Abilities: Structure, Diagnosis, Development]. Moscow: Per Se; St. Petersburg: Imaton-M.
29. Budanova, E. I. & Erkin, N. V. (2015) Trevozhnost' kak faktor proyavleniya kreativnosti u mladshikh shkol'nikov [Anxiety as a factor in the manifestation of creativity in primary schoolchildren]. *Psikhologiya sposobnostey: sovremennoe sostoyanie i per-spektivy issledovaniy* [Psychology of Abilities: Current State and Research Prospects]. Proc. of the Conference. September 25–26, 2015. Moscow: Institute of Psychology RAS. pp. 44–46.
30. Baudson, T.G. & Zeimes, Y. (2016) The Importance of being gifted: Stages of Gifted Identity Development, Their Correlates and Predictors. *Gifted and Talented International*. 31(1). pp. 19–32. DOI: 10.1080/15332276.2016.1194675.
31. Volkova, E.N., Miklyaeva, A.V. & Khoroshikh, V.V. (2019) Criteria of identification of children's and adolescent giftedness as a basis for forming samples when planning psychological research. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya – Journal of Theoretical and Experimental Psychology*. 12(1). pp. 69–78. (In Russian).
32. Bizyuk, A.P., Vasserman, L.I. & Iovlev, B.V. (2004) *Primenenie integrativnogo testa tre-vozhnosti (ITT): metodicheskie rekomendatsii* [Application of the integrative anxiety test (ITT): guidelines]. St. Petersburg: The St. Petersburg Bekhterev Psychoneurological Research Institute.
33. Zhukovskaya, L.V. & Troshchikhina, E.G. (2011) K. Ryff's scale of psychological well-being. *Psikhologicheskii zhurnal*. 32(2). pp. 82–93. (In Russian).
34. Martin, L.T., Burns, R.M. & Schonlau, M. (2010) Mental disorders among gifted and nongifted youth: A selected review of the epidemiologic literature. *Gifted Child Quarterly*. 54(1). pp. 31–41. DOI: 10.1177/0016986209352684

Received 19.08.2020; Accepted 18.11.2020

Elena N. Volkova – Leading Researcher, Herzen State Pedagogical University of Russia. D. Sc. (Psychol.), professor.

E-mail: envolkova@herzen.spb.ru

Svetlana I. Belyaeva – associate Professor of the Department of Clinical Psychology and Psychological Assistance, Herzen State Pedagogical University of Russia. Cand. Sc. (Psychol.)

E-mail: belyaevaveta@inbox.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 316.6

СВЯЗЬ ЭТИКИ АВТОНОМИИ И ЭТИКИ СООБЩЕСТВА С ПРЕДСТАВЛЕНИЯМИ РОССИЯН О РОДИНЕ¹

О.А. Сычев^а, К.И. Белоусов^б

^а *Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В.М. Шукшина, 659333, Алтайский край, Бийск, ул. Владимира Короленко, 53*

^б *Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15*

На основе теории моральных оснований Дж. Хайдта выдвинута гипотеза о том, что этика автономии и этика сообщества проявляются в особенностях представлений о Родине. На выборке в 831 человек из 11 регионов России получены данные по опроснику MFQ и текстовые ответы, характеризующие образ Родины. Результаты контент-анализа ответов с помощью программы LIWC с общим словарем и словарем моральных оснований позволили получить количественные характеристики содержания представлений о Родине. Корреляционный анализ показал, что этика сообщества поддерживает позитивный образ Родины, исключая негативные ее характеристики и включающий широкие категории общества и религии, в то время как этика автономии сочетается с узкими представлениями о Родине, связанными с семьей и домом.

Ключевые слова: мораль; теория моральных оснований; представления о Родине; патриотизм; контент-анализ.

Введение

Вопросы патриотизма, отношения к Родине в последние годы рассматриваются не только в социологии; они также привлекают интерес психологов, выполняющих исследования в смежных областях социальной и политической психологии [1–4]. Тем не менее психологические исследования связей особенностей проявления патриотизма и отношения к Родине с личностными характеристиками встречаются все еще довольно редко (см., напр.: [2]), что в некоторой мере объясняется слабой разработанностью теоретических основ этой проблемы.

К числу теоретических походов, помогающих глубже понять индивидуальные особенности проявления патриотизма и отношения к Родине, относится теория моральных оснований, разработанная Дж. Хайдтом и соавт. [5–7].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00119.

В рамках этого подхода предложено лаконичное описание структуры моральной сферы из пяти моральных оснований (названных так потому, что они дают *основания* для моральной оценки поступков и событий), образующих две категории: этику автономии и этику сообщества. Этика сообщества включает нормы и ценности, поощряющие преданность своей группе (моральное основание «лояльность»), уважение ее традиций и лидеров («уважение»), почитание религиозных и национальных святынь («чистота / святость»). Этика автономии включает нормы и ценности, ориентированные на защиту благополучия (моральное основание «забота») и прав личности («справедливость»).

Исследования в рамках этого подхода продемонстрировали, что моральные основания, составляющие этику автономии, одинаково важны для людей, придерживающихся различной политической идеологии. Однако только для консерваторов моральные основания, составляющие этику сообщества, имеют столь же большое значение, как и этика автономии. Лица с либеральными убеждениями рассматривают нормы этики сообщества как существенно менее важные [5, 8]. Эти различия широко проявляются в области общественных взглядов, определяя ожидаемым образом поляризацию мнений по многим вопросам, составляющим предмет споров в рамках «культурной войны» между консерваторами и либералами в американском обществе [9]. Результаты исследований на российских выборках свидетельствуют о том, что высокая оценка этики автономии сочетается с озабоченностью вопросами бедности и справедливости оплаты труда, демократии и свободы слова. В то же время люди, разделяющие нормы этики сообщества, в большей мере одобряют стремление к поддержанию патриотизма и единства в обществе, они поддерживают рост затрат на оборону, будучи обеспокоены возможными действиями внешних или внутренних врагов, выше оценивают роль религии в жизни общества [10].

Результаты исследований, проведенных в рамках теории моральных оснований, перекликаются с выводами А.В. Юревича, сделанными им в результате эмпирических исследований патриотизма и отношения к Родине [4]. В частности, он отмечает, что для так называемых «патриотов» и «либералов» характерны различные представления о том, что есть благо для Родины – величие страны или благополучие ее граждан. Также А.В. Юревич подчеркивает, что в нашем обществе принято отказывать (по его мнению, несправедливо) в патриотизме «либералам», акцентирующим роль благополучия граждан. Эти выводы хорошо согласуются с теорией моральных оснований, согласно которой люди, придающие относительно мало значения этике сообщества («либералы») в большей мере интересуются вопросами прав и благополучия отдельных граждан, в отличие от высоко оценивающих этику сообщества консерваторов, озабоченных в первую очередь величием и могуществом страны [5, 8–10]. Таким образом, на основе теории моральных оснований и результатов прошлых исследований можно ожидать, что представления о Родине могут быть связаны в своих содержательных особенностях с этикой автономии и этикой сообщества.

В эмпирических исследованиях особенностей моральной сферы и их проявлений в представлениях о Родине могут использоваться не только личностные опросники (как, например, в [2]), но и контент-анализ, представляющий собой метод качественно-количественного анализа содержания текстовых материалов [11]. Достоинством контент-анализа является возможность использования более естественных в сравнении с результатами опросников текстовых данных, полнее отражающих индивидуальные мнения и представления. Данный метод может быть реализован вручную с привлечением экспертов либо в компьютеризированной форме. Хотя экспертный анализ является более глубоким и качественным, все большее распространение получает компьютерный контент-анализ (ККА), который, несмотря на некоторые упрощения, позволяет осуществить необходимое для анализа кодирование больших объемов текста с минимальными затратами [12]. Процедура кодирования включает подсчет единиц анализа, в качестве которых в ККА обычно выступает слово, входящих в выражающие теоретические и целевые установки исследователя категории анализа.

В процедуре кодирования в ходе ККА основным инструментом является словарь, отражающий распределение единиц анализа по категориям. В исследовании Дж. Грэхема и соавт. [5] был предложен словарь моральных оснований (Moral Foundations Dictionary, MFD), который получил широкую известность и послужил основой для целого ряда новых словарей. В процессе разработки словаря его авторы вручную составили содержание путем отбора лексики из общих словарей с учетом мнений коллег относительно того, насколько хорошо в соответствующих словах отражается сущность каждого из моральных оснований. Первым свидетельством валидности этого словаря стали ожидаемые результаты анализа различий в лексике проповедей в Унитарианской (относительно либеральной) и Баптистской (относительно консервативной) церквей [Ibid.]. Выводы о различиях в использовании лексики моральных оснований лицами с разными политическими взглядами в религиозных, политических текстах и материалах СМИ были тщательно проверены в статье Дж. Фримера [8]. Результаты выполненного им метаанализа и собственных эмпирических исследований подтвердили связь политической идеологии с моральными основаниями «уважение» и «чистота» [5].

Создание словаря моральных оснований стимулировало развитие методов ККА морального контента. На базе исходного словаря моральных оснований были разработаны: дополненная версия словаря (MFD 2.0) [13]; расширенный словарь моральных оснований (eMFD) [14]; словарь моральных достоинств (MoralStrength) [15]; японская версия словаря моральных оснований [16] и др. Словарь моральных оснований используется в исследованиях текстового содержания онлайн-ресурсов и традиционных печатных текстов для решения широкого круга задач, например исследований моральных основ экстремистских убеждений в сообщениях в социальной сети Твиттер [17], связи морального содержания сообщений о протестах в соцсетях с ростом насильственного протеста [18], связи моральных цен-

ностей и предпочитаемой политической идеологии с содержанием любимых песен [19], морального содержания выпущенных в США фильмов [20], анализа временной динамики в содержании моральных категорий в литературе XX в. [21] и пр.

В нашей стране анализ текстов на основе теории моральных оснований проводился в исследовании М.А. Козловой [22], где рассматривался нравственный аспект содержания учебников для начальной школы, однако в ее статье отсутствует описание методов анализа, а из представленного описания результатов следует, что автор вручную кодировала тексты на основе качественного анализа их содержания. Таким образом, данных о разработке и применении русскоязычного словаря моральных оснований нам обнаружить не удалось.

Необходимо отметить, что ККА с использованием MFD имеет ряд недостатков и ограничений [14]:

1. Словарь был составлен ограниченным кругом экспертов с использованием недостаточно строгих, не обеспечивающих получения воспроизводимых результатов процедур, фактически в результате субъективного отбора.

2. Анализ осуществляется на основе чрезвычайно упрощенной, игнорирующей контекст модели «мешка слов», когда каждое слово рассматривается как независимая самодостаточная единица.

3. Каждое из слов словаря приписано только одному моральному основанию, что является существенным упрощением, не учитывающим тесной статистической и смысловой взаимосвязи моральных оснований (сложность однозначной категоризации вербализованных моральных представлений подтвердилась в нашем прошлом исследовании [23]).

Эти недостатки ограничивают возможности применения данного метода и негативно сказываются на валидности его результатов. В то же время их преодоление возможно лишь при использовании довольно сложных и ресурсоемких процедур (см., напр.: [14]). Заметим, что в настоящее время заменить «словарный» метод на методы машинного обучения представляется затруднительным в силу большой предварительной работы, направленной на создание предобученных моделей классификации контента и вероятной неочевидности результатов классификации. В этой связи на начальном этапе оправданной представляется задача разработки русскоязычной версии словаря моральных оснований с предварительной оценкой его валидности. Результаты такой работы могут стать основой для разработки новых, более искушенных средств контент-анализа морального содержания.

Гипотеза и задачи исследования

Гипотеза: этика автономии и этика сообщества проявляются в особенностях представлений россиян о Родине. В частности, этика сообщества, включающая моральные основания «лояльность», «уважение» и «чистота», поддерживает позитивный образ Родины. Слабая выраженность этики сообщества проявляется в том, что недостатки и проблемы нашей страны

занимают в представлениях о Родине значительно большее место. Учитывая сфокусированность этики автономии на индивиде, а этики сообщества – на обществе, также можно предположить, что этика автономии и этика сообщества связаны с «широтой» представлений о Родине: малой родине (семья и близкие, дом) или большой (общество, народ, религия).

Задачи данного исследования:

1. Разработать и апробировать русскоязычную версию словаря моральных оснований.
2. Проанализировать связь измеренных с помощью опросника MFQ-Ru моральных оснований респондентов с лексикой моральных оснований, применяющейся в их описаниях представлений о Родине.
3. Проанализировать связь моральных оснований с особенностями использования общей лексики, характеризующей содержательные и оценочные аспекты представлений о Родине.

Выборка и методы исследования

В исследовании принял участие 831 человек (72% женщин, средний возраст 28,51, стандартное отклонение $SD = 13,02$) из 11 регионов России (Алтайский, Красноярский, Пермский и Приморский края, Москва, Санкт-Петербург, Московская, Новосибирская, Оренбургская области, республики Башкортостан и Крым). Большая часть выборки (54%) включает студентов различных университетов, проходивших опрос в бланковой форме. Остальные участники исследования были привлечены в ходе онлайн-опроса, ссылка на который распространялась в социальных сетях. Опрос проводился в течение первого полугодия 2020 г.

В ходе опроса участники отвечали на вопросы ряда методик психологической диагностики, а также в конце процедуры выполняли задание в соответствии со следующей инструкцией: «Напишите не менее 10 слов или словосочетаний, отражающих ваши представления о Родине, образы, чувства и переживания, связанные с ней». Подавляющее большинство полученных ответов представляло собой ряд ассоциаций со словом «Родина», разделенных точкой с запятой (требование инструкции), например: «отечество; гордость; честность; страна; Россия; праздник; природа; солнце и свежесть; семья; дом из детства» (часть ответа, отделенную от других частей точкой с запятой, будем называть фрагментом). В редких случаях встречались ответы, организованные в форме связанного текста, к примеру: «Родина – место, где живут мои родители, где я родилась, выросла; очень важно не забывать родину, чувствовать связь с ней».

Средняя длина ответа составила 17,99 слов ($SD = 23,66$), существенно превышая требуемые по инструкции 10 слов, при минимальном объеме в одно слово и максимальном – 585 слов. В ходе контент-анализа использовались все ответы, независимо от их объема. Общий объем проанализированного текстового материала составил 14 487 слов. Общее количество фрагментов – 6 482, из них уникальных – 3 093 (48%). Количество фраг-

ментов на одного информанта – 7,8, при этом среднее количество слов на один фрагмент – 2,2.

Для диагностики моральной сферы использовался опросник моральных оснований (MFQ) Дж. Грэхема и соавт. [6] в адаптации О.А. Сычева, И.Н. Протасовой и К.И. Белоусова [24]. Опросник состоит из двух частей по 15 пунктов, образующих пять шкал: «забота», «справедливость», «лояльность», «уважение», «чистота». Каждый из пунктов оценивается испытуемым по инструкции по шкале от 0 до 5 баллов. При обработке результатов подсчитывались средние баллы для каждого испытуемого по шкалам, а также средние показатели по шкалам второго уровня: этики автономии, включающей шкалы заботы и справедливости, и этики сообщества, образованной из оставшихся трех шкал: лояльности, уважения и чистоты. Кроме того, были вычислены значения коэффициента прогрессивизма, отражающие соотношение этики автономии и этики сообщества в индивидуальном профиле и представляющие собой разность между ними.

В ходе обработки полученных данных проводился компьютерный контент-анализ ответов участников на задание, посвященное представлениям о Родине, с помощью программы Linguistic Inquiry and Word Count (LIWC2015) [25] с русскоязычным общим словарем [26] и словарем моральных оснований [5]. Данная программа с русскоязычным общим словарем ранее была апробирована в исследованиях российских лингвистов [27, 28]. Перевод словаря моральных оснований с английского на русский язык выполнен авторами статьи, имеющими необходимые компетенции в лингвистике и теории моральных оснований. Общий словарь, разработанный на основе аналогичного англоязычного словаря Дж. Пеннебекера, включает 61 категорию, в число которых входят как лингвистические характеристики (например, «местоимение», «наречие», «сленг» и пр.), так и категории, характеризующие в самом общем виде содержание текста (например, «общество», «семья», «позитивная оценка», «негативная оценка» и пр.). На основе теоретических представлений, задач исследования и результатов предварительного анализа из общего словаря для дальнейшего углубленного анализа было отобрано 10 категорий, наиболее релевантных задаче анализа представлений о Родине. Словарь моральных оснований включает 11 категорий, из которых 10 образуют пять противоположных по смыслу пар, соответствующих пяти моральным основаниям, еще одна характеризует частоту использования лексики морали в общем.

Статистический анализ данных проводился в среде разработки R с использованием пакетов *psych* (для описательной статистики и корреляционного анализа) и *NCA*. Последний использовался для анализа эффекта необходимого условия [29], проявляющегося в том, что некоторый уровень (относительно высокий или, наоборот, низкий) независимой переменной является необходимым, но недостаточным условием для достижения высоких показателей зависимой переменной. Недостаточность условия проявляется в том, что при соответствующем необходимом уровне независимой переменной могут наблюдаться как низкие значения, так и высокие,

в то время как другие значения независимой переменной сочетаются только с низкими показателями зависимой. Диаграмма рассеяния в этих случаях имеет характерную форму, близкую к треугольной. Размер эффекта необходимого условия характеризуется отношением площади диаграммы над «линией потолка», отделяющей незаполненную точками область от заполненной, ко всей площади диаграммы.

Результаты исследования

Анализ распределения частот по категориям (табл. 1) показал статистически значимое отличие и от нормального распределения, и от распределения Пуассона, которое можно было ожидать с учетом дискретного характера данных и относительной редкости использования категорий в ответах. В связи с тем что распределение частот категорий существенно отличается от наиболее пригодных для анализа стандартных статистических распределений, было принято решение вместо частот использовать дихотомические переменные, указывающие на использование (т.е. наличие или отсутствие) соответствующей категории в ответе испытуемого. Доли выборки, в которых хотя бы однократно использовались соответствующие категории анализа, приведены в табл. 1. При этом можно отметить наличие довольно существенного разброса по степени популярности категорий, которую удобнее всего оценивать на основе использующей их доли выборки: от 2% (для категорий «нелояльность» и «неуважение» из словаря моральных оснований) до 83–84% (для категорий «общество» и «позитивная оценка» из общего словаря).

Из табл. 1 следует, что самой распространенной категорией словаря моральных оснований (по доле использовавших ее участников исследования) является «лояльность» (42%), что можно считать вполне ожидаемым с учетом темы задания. Примеры ответов, содержащих эту категорию: «преданность», «семья», «патриотизм», «единство», «родина-мать», «я часть моей родины», «Родину не выбирают. В ней живут и умирают», «У меня самая лучшая Родина и соотечественники, вот только Родина и государство – это разные понятия», «Родина – это как мать в большой семье». Поскольку в ходе автоматизированного количественного контент-анализа с помощью программы LIWC ответы анализируются только по критерию входящих в них лексических единиц, наличие категории «лояльность» в ответе не означает выражения лояльности, преданности Родине или ее одобрения, ответ может, напротив, содержать неодобрение такой лояльности или лояльность родине в ином, отличном от привычного смысле. Примеры подобных ответов, содержащих слово «Родина» из категории «лояльность»: «Моя Родина – моя семья. Где моя семья – там мой дом», «Родина – это не там, где ты родился, а там, где тебе хорошо, и ты чувствуешь ментальное слияние своего разума, души и тела с этим местом», «Родина – это вся Земля». Тот факт, что само понятие «Родина» входит в категорию «лояльность», отчасти объясняет столь высокую частоту обращения к этой категории.

Таблица 1

Описательная статистика по категориям контент-анализа

Категории	Средняя частота категории в ответе	Средняя относительная частота в ответе, %	Доля выборки, в которой используется категория, %
Категории словаря моральных оснований			
1. Забота	0,25	2	20
2. Вред	0,06	< 1	5
3. Справедливость	0,09	1	7
4. Несправедливость	0,08	1	8
5. Лояльность	0,62	4	42
6. Нелояльность	0,02	< 1	2
7. Уважение	0,31	2	25
8. Неуважение	0,02	< 1	2
9. Чистота	0,07	1	7
10. Порочность	0,03	< 1	3
11. Мораль в целом	0,10	1	9
Категории общего словаря			
12. Общество	2,59	16	83
13. Семья	0,31	2	24
14. Дом	0,38	3	27
15. Деньги	0,27	2	20
16. Религия	0,21	2	18
17. Беспокойство	0,07	< 1	6
18. Гнев	0,17	1	13
19. Грусть	0,18	1	14
20. Позитивная оценка	2,42	17	84
21. Негативная оценка	0,59	4	33

Примечание. Средняя относительная частота получена в результате усреднения результатов деления частоты на длину ответа (число слов).

Следующие категории по доле выборки, в ответах которой они встречаются – «уважение» (25%) и «забота» (20%). Категория «уважение» зачастую представлена в ответах в форме упоминания традиций, например: «возрождение славянских традиций», «забытые традиции», «русские традиции», «чтящая традиции», «большое количество традиций». Другое частое проявление этой категории в ответах – это упоминание власти, которое звучит как в позитивном, так и в негативном контексте: «сильная власть», «честная власть», «власть ужасна», «несменяемость власти», «безответственная власть», «несправедливая власть», «безразличие властей», «непрофессионализм властей», «беспредел чиновничьей власти» и пр. Другие примеры использования категории «уважение» в ответах: «мировой авторитет», «уважение к старшему поколению», «уважение друг к другу», «Если бы граждане России были верующим и жили по закону Божию, то наша страна бы процветала».

Столь же популярная категория «забота» проявляется в ответах через такие понятия, как «друзья», «дружба», которые часто упоминаются рядом или вместе с понятием «семья», относящимся к категории «лояльность». Другие примеры ответов, включающие категорию «забота» связаны с упо-

минанием защиты («защищать Родину», «защита лесов и полей», «защита ее интересов», «готовность к любой помощи, защите», «в трудные времена встанем на защиту родины») или чувства защищенности («защищенность», «защищенная»). Также нередко в ответах встречаются входящие в эту категорию понятия «сострадание» и «сопереживание», которые обычно упоминаются без уточнения, и понятие «забота», которое, напротив, нередко дополнено деталями («забота о близких», «безграничная любовь к природе и забота о ней», «отсутствие заботы о природе», «забота о будущем»).

Использование остальных категорий словаря моральных оснований является относительно нечастым: ни одна из них не используется десятью или более процентами выборки. При этом необходимо отметить, что из пяти пар категорий, включающих позитивный и негативный полюсы, в большинстве случаев категория, соответствующая позитивному полюсу, используется существенно чаще. Единственным исключением стала пара «справедливость–несправедливость», в которой категория «несправедливость» является столь же часто используемой (8% выборки) как и категория «справедливость» (7%). При этом категория «несправедливость» является самой частой из негативных категорий словаря моральных оснований. Действительно, ответы, в которых упоминаются понятия «несправедливость», «неравенство» и тому подобные, встречаются довольно часто, например: «несправедливость по отношению к народу», «большая несправедливость», «социальное неравенство», «нетолерантные люди», «неравенство по гендерному признаку», «неравенство прав». Часто эта категория встречается в ответах, которые целиком сконцентрированы вокруг негативных сторон российской действительности, например: «Образы, связанные у меня с Родиной: гомофобия, расизм, мизогиния (женоненавистничество), токсичный маскулизм, сексизм, дискриминация различных видов и форм, отсутствие законов о домашнем насилии и домогательствах на рабочем месте, ущемление прав женщин, несовершеннолетних, ЛГБТ-персон, детей и подростков, мировой рекорд по задолженностям алиментов».

К числу категорий общего словаря, использующихся в ответах максимальной доли участников исследования, относятся «общество» (83%) и «позитивная оценка» (84%). Высокая распространенность в ответах категории «общество» представляется вполне естественной, однако ее использование отмечается как в позитивном, так и в негативном аспекте, например: «объединение общества историей народа», «безнравственные взаимоотношения в обществе», «расслоение общества», «равнодушие власти к обществу», «богатая культура», «деятели культуры», «отзывчивые люди», «сильные духом люди».

Категория «Позитивная оценка», отражающая использование слов с позитивной эмоциональной окраской, является наиболее распространенной в ответах (84%), для нее можно привести множество примеров: «гордость», «любовь», «красивая природа», «богатая история», «интересные люди», «добрые люди», «хорошие люди», «душевные отношения», «гордость за национальный характер», «великий народ», «комфортная среда», «русская еда самая вкусная». В то же время категория «негативная оценка» также является до-

вольно частой: она использовалась в ответах 33% участников исследования. Примеры ответов, содержащих эту категорию: «угрюмые люди», «несчастные и бедные люди», «плохая медицина», «плохие дороги», «грязные улицы», «ужасная архитектура», «ужасные погодные условия», «плохая экология», «обманутая», «безнадежность», «беспорядок», «скука», «глупость».

Среди остальных категорий общего словаря относительно частыми являются две близкие по смыслу категории «дом» (упоминается в ответах 27% выборки) и «семья» (24%), которые чаще всего звучат в ответах в одном ряду, например: «дом; родители; семья...», «семья; дом; друзья...» Лишь немного реже используется категория «религия» (18%), которая в ответах зачастую представлена через понятие «православие», например: «православная», «вера православная», «православное богослужение».

Еще одна категория, которая нередко используется в ответах – «деньги» (20%); она чаще всего проявляется в ответах через понятия «бедность» и «богатство». Следует отметить, что о богатстве участники исследования, как правило, упоминают, характеризуя страну в целом, ее природу, культуру, язык, например: «богатая природа», «природные богатства», «страна, богатая большим количеством природных ресурсов», «богатое культурное наследие», «богатая история», «богатый язык». При характеристике собственно экономических сторон российской действительности, участники чаще всего подчеркивают бедность населения, небогатую жизнь граждан: «Россия – это страна, в которой не умеют жить богато», «бедность растущая», «бедность и безысходность», «богатая и одновременно бедная страна», «злость из-за бедности народа», «много бедных».

Три категории общего словаря, отражающие эмоциональные переживания, связанные с Родиной, показали умеренную распространенность в ответах: грусть (14%), гнев (13%), беспокойство (6%). Эти категории имеют близкое содержание, поскольку отражают негативную эмоциональную оценку явлений или событий, связанных с Родиной. Так, например, категория «грусть» проявилась в следующих ответах: «беззащитность людей», «безнадежность», «беспомощность», «бедность и безысходность», «Россия для грустных», «экологическая катастрофа», «крах», «меланхолия», «мрачная», «несчастье», «несчастные и бедные люди», «печаль», «К сожалению, в нашей стране очень огорчает власть. Люди у нас хорошие», «Очень печально, что мы не понимаем куда движется наша страна».

Также преимущественно негативное содержание характерно для ответов, содержащих категорию «гнев», например: «жестокость людей», «злоба», «злость из-за бедности народа», «агрессия», «насилие», «отсутствие законов о домашнем насилии и домогательствах на рабочем месте», «обида на непонимание», «пенсионеры обмануты», «преступность», «подавление неправильной гражданской позиции», «разрушение индивидуальности», «эмиграция-предательство», «Я Родину свою люблю, но ненавижу государство». В то же время в эту категорию входят и ответы, не несущие негативной оценки текущих явлений и связанные с упоминанием великого военного прошлого (так как понятие «война» также входит в данную кате-

горию), например ответ «Великая Отечественная война». Категория «беспокойство» является наименее распространенной из трех эмоциональных категорий. Она встречается в ответах, выражающих страх, неуверенность, тревогу: «беспокойство за язык», «боязнь самовыражения», «неопределенность», «неуверенность», «репрессии», «страдание как поиск себя», «страх», «страх перемен», «страх перед будущим», «страх за судьбу», «тревога».

С целью анализа связи моральных оснований с представлениями о Родине были вычислены коэффициенты корреляции между наличием / отсутствием каждой категории в ответах испытуемых с обобщенными показателями опросника моральных оснований: этикой автономии, этикой сообщества и коэффициентом прогрессивизма (табл. 2).

Таблица 2

**Коэффициенты корреляции показателей по опроснику MFQ
с наличием в тексте категорий контент-анализа**

Категории	Этика автономии	Этика сообщества	Прогрессивизм
Категории словаря моральных оснований			
1. Забота	0,07*	0,04	0,02
2. Вред	-0,01	-0,11**	0,10**
3. Справедливость	0,08*	0,05	0,02
4. Несправедливость	-0,02	-0,11**	0,09**
5. Лояльность	0,11**	0,10**	-0,01
6. Нелояльность	0,02	-0,02	0,04
7. Уважение	0,11**	0,05	0,04
8. Неуважение	-0,01	-0,06	0,05
9. Чистота	0,05	0,06	-0,03
10. Порочность	0,03	-0,06	0,09*
11. Мораль в целом	0,03	0,01	0,01
Категории общего словаря			
12. Общество	0,06	0,08*	-0,03
13. Семья	0,11**	0,02	0,07*
14. Дом	0,07	-0,04	0,11**
15. Деньги	-0,01	-0,09**	0,08*
16. Религия	0,06	0,12***	-0,07*
17. Беспокойство	-0,01	-0,11**	0,10**
18. Гнев	0,01	-0,12***	0,14***
19. Грусть	-0,03	-0,12***	0,10**
20. Позитивная оценка	0,15***	0,15***	-0,02
21. Негативная оценка	-0,01	-0,21***	0,20***

Примечание. Значимость коэффициентов: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

Результаты корреляционного анализа в целом указывают на наличие довольно слабых связей между результатами контент-анализа и оценками по опроснику: максимальное значение коэффициента корреляции (по модулю) не превышает 0,21. При этом с учетом большого количества вычисленных коэффициентов представляется разумным рассматривать в ходе интерпретации результатов только те, которые отвечают достаточно консервативному уровню значимости (начиная с $p < 0,01$), так как вероятность получить значимый при $p < 0,05$ коэффициент в ходе подобного анализа случайно является довольно высокой.

Анализ корреляций словаря моральных оснований с показателями по опроснику свидетельствует о слабой прямой связи этики автономии с категориями «лояльность» и «уважение», а также о слабой обратной связи этики сообщества с категориями «вред» и «несправедливость» при наличии прямой связи с категорией «лояльность». Коэффициент прогрессивизма показал слабые прямые связи с категориями «вред» и «несправедливость».

Анализ корреляций с категориями общего словаря показал наличие более существенных связей. В частности, этика автономии показала связь с категориями «позитивная оценка» и «семья». Этика сообщества прямо коррелирует с категориями «религия» и «позитивная оценка», а также обратно – с категориями «негативная оценка», «грусть», «гнев», «беспокойство» и «деньги». Коэффициент прогрессивизма показал прямую связь с категориями «негативная оценка», «гнев», «грусть», «беспокойство», «дом». Необходимо отметить, что наиболее существенными из выявленных корреляций являются корреляции показателей моральных оснований с позитивной и негативной оценкой.

Результаты корреляционного анализа показывают, что наибольшее значение для позитивного или негативного содержания представлений о Родине имеет этика сообщества (наряду с производным от нее и этики автономии коэффициентом прогрессивизма). С целью качественного визуального анализа связи этики сообщества с оценочным содержанием ответов были построены диаграммы рассеяния, демонстрирующие относительную частоту категорий «позитивная оценка» (рис. 1) и «негативная оценка» (рис. 2) в ответах в зависимости от этики сообщества.

Приведенные на рис. 1 данные указывают, что частое использование категории «позитивная оценка» совершенно не встречается в ответах испытуемых с низкими показателями этики сообщества, однако уже при умеренной ее величине (от двух баллов и более) встречаются случаи, когда «позитивная оценка» используется очень часто, составляя более 50% ответа.

Более ярко аналогичная, но обратная тенденция проявляется в отношении категории «негативная оценка» (см. рис. 2). Чаще всего негативная оценка используется в ответах испытуемых с низким и умеренным уровнем этики сообщества (1–2 балла), в то время как по мере роста этики сообщества происходит неуклонное снижение частоты ее употребления, падая до нулевого значения в точке максимальной точки 5.

Представленные диаграммы рассеяния, близкие по форме к треугольнику, указывают на вероятное проявление эффекта необходимого, но недостаточного условия [29]. Количественный анализ эффекта необходимого условия в случае категории «позитивная оценка» показал, что для ступенчатой модели «линии потолка» размер эффекта $d = 0,26^1$, а для линейной модели $d = 0,25$, что указывает на умеренный по величине эффект.

¹ Я. Дул предлагает оценивать размер эффекта необходимого условия следующим образом [29]: $0 < d < 0,1$ – малый, $0,1 < d < 0,3$ – умеренный, $0,3 < d < 0,5$ – большой и $d > 0,5$ – очень большой эффект.

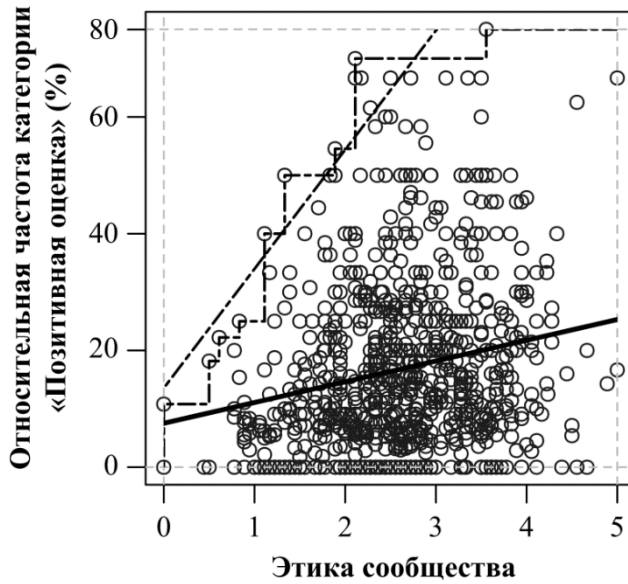

Рис. 1. Относительная частота категорий «Позитивная оценка» в ответах участников исследования в зависимости от выраженности этики сообщества (сплошная жирная линия – линейная регрессия, пунктирные линии – ступенчатая и линейная модели «линии потолка»)

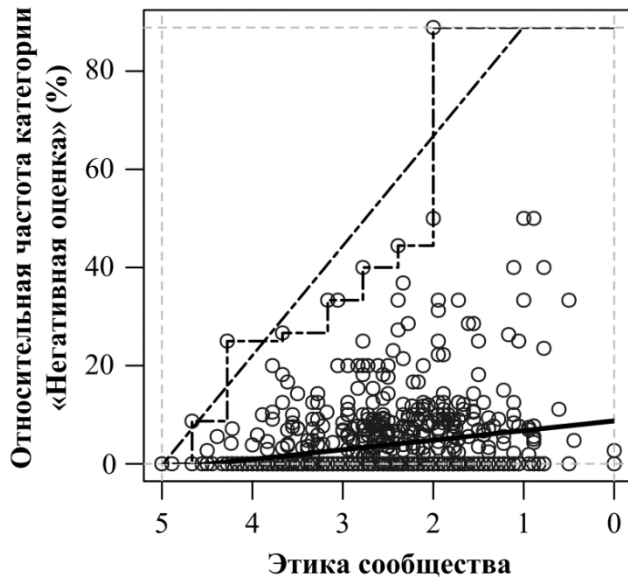

Рис. 2. Относительная частота категорий «Негативная оценка» в ответах участников исследования в зависимости от выраженности этики сообщества (сплошная жирная линия – линейная регрессия, пунктирные линии – ступенчатая и линейная модели «линии потолка», порядок значений по горизонтальной оси изменен на обратный для удобства анализа)

Размер эффекта для категории «негативная оценка» $d = 0,43$ для ступенчатой модели и $d = 0,40$ для линейной, что говорит о большой величине эффекта. В данном случае эффект необходимого условия выражает тот факт, что высокий уровень этики сообщества является необходимым, но недостаточным условием наличия позитивных и отсутствия негативных представлений о Родине.

Обсуждение результатов

Полученные результаты позволяют сделать предварительные выводы о валидности предложенного русскоязычного словаря моральных оснований. Обнаружены ожидаемые связи категорий с этикой сообщества и коэффициентом прогрессивизма, свидетельствующие о том, что «прогрессивисты», по данным прошлых исследований придерживающиеся более либеральных политических взглядов, в своих представлениях о Родине более склонны использовать категории «вреда» и «несправедливости», отмечая в ответах присущие нашему обществу социальную несправедливость, неравенство, жестокость и недостаточную гуманность. С первого взгляда не вполне соответствует ожиданиям тот факт, что этика автономии показала слабую связь с соответствующими ей категориями «забота» и «справедливость», значимую лишь на уровне тенденции ($p < 0,05$), но при этом более существенно коррелировала с соответствующими этике сообщества категориями «лояльность» и «уважение». Однако этот факт объясняется тем, что этика автономии включает «универсальные» моральные основания, которые одобряются всеми (как «прогрессивистами», так и «традиционалистами»), а степень такого одобрения отражает лишь общую озабоченность вопросами морали. Именно по этой причине коэффициент прогрессивизма, учитывающий соотношение этики автономии и этики сообщества, рассматривается как более надежный индикатор особенностей моральной и идеологической сфер.

На основе результатов исследования можно сделать вывод о том, что позитивное или негативное содержание представлений о Родине связано с особенностями моральной сферы. Тот факт, что и этика автономии, и этика сообщества прямо связаны с позитивной оценкой, означает, что большая озабоченность вопросами морали, моральная строгость, нормативность сочетается с более позитивным образом Родины. При этом негативное оценочное содержание представлений о Родине более свойственно лицам, в меньшей мере разделяющим принципы и нормы этики сообщества. В пользу этого вывода свидетельствуют корреляции категории «негативная оценка» как с этикой сообщества, так и с коэффициентом прогрессивизма.

Интерес представляет тот факт, что этика сообщества сочетается с игнорированием в представлениях о Родине негативных явлений, отражающихся в таких категориях словаря моральных оснований, как «вред» и «несправедливость», т.е. касающихся нарушения прав и свобод личности. Это неудивительно, так как чаще всего подобные явления связываются

с действиями властей, а моральное основание «уважение», входящее в этику сообщества, затрудняет критическое отношения к элитам и представителям власти. Аналогичным образом можно интерпретировать обратную связь этики сообщества с категорией «деньги», ответы в которой зачастую связаны с упоминанием бедности жителей страны.

В целом можно отметить, что большая часть отрицательных оценочных суждений в ответах отражает негативное отношение к действиям власти и связанной с ними неудовлетворительной, по мнению ряда респондентов, экономической и политической ситуации в стране. Этот факт согласуется с основанным на обобщении ряда исследований выводом А.В. Юревича о распространенности в нашем обществе «критического патриотизма», в котором любовь к Родине сочетается с негативным отношением к власти и ее политике [4].

Выявленный эффект этики сообщества как необходимого условия позитивности образа Родины означает, что именно среди людей с высокой этикой сообщества встречается немало весьма патриотически настроенных лиц, выражающих множество позитивных оценок своей Родины и отвергающих любые ее недостатки, в то время как среди людей с низкой этикой сообщества подобных случаи являются редкостью. В то же время этика сообщества как таковая не гарантирует наличия подобного позитивно-патриотического образа Родины, так что, по всей видимости, не менее существенное значение для его формирования имеют другие факторы.

Характерным представляется тот факт, что этика автономии, сконцентрированная вокруг вопросов индивидуальных прав и свобод, поддерживает относительно узкие представления о Родине, связанные с семьей и домом, в то время как у лиц с выраженной этикой сообщества, акцентирующей внимание на интересах общества, Родина ассоциируется в большей мере с обществом и религией.

Результаты исследования хорошо соответствуют ожиданиям, основанным на теории моральных оснований, в очередной раз подтверждая предположение о том, что различия в одобрении этики сообщества проявляются в идеологической сфере, оказывая влияние на предпочтение консервативно-патриотических или либерально-демократических взглядов. Вместе с тем полученные выводы позволяют связать конкретное консервативно-патриотическое или либерально-критическое содержание представлений о Родине у россиян с различными показателями этики автономии и этики сообщества.

Результаты проведенного исследования могут быть использованы для совершенствования работы по патриотическому воспитанию молодежи с учетом выявленных типичных особенностей образа Родины, что свидетельствует об их практической значимости.

Ограничения проведенного исследования в первую очередь определяются скромными возможностями компьютерного контент-анализа, основанного на модели «мешка слов»: анализ текстового содержания был довольно поверхностным, не учитывающим глубокого смыслового содер-

жания, вытекающего из контекста, что отчасти компенсируется в нашем исследовании абсолютным преобладанием простых ответов, представляющих собой перечисление ряда ассоциаций. Тем не менее даже в такой ситуации вероятность ошибочной категоризации ответов остается ощутимой, что могло стать одной из причин невысокой величины корреляций.

Выводы

1. Разработка русскоязычного словаря моральных оснований показала перспективность работы в этом направлении, однако величина корреляций указывает на умеренную валидность процедуры компьютерного контент-анализа с использованием данного словаря и необходимость его дальнейшего совершенствования.

2. Этика автономии поддерживает относительно узкие представления о Родине, связанные с семьей и домом, в то время как у лиц с выраженной этикой сообщества Родина ассоциируется в большей мере с обществом и религией.

3. Этика сообщества поддерживает позитивный образ Родины, что проявляется в частом использовании позитивных оценочных суждений и избегании негативных оценок. Для лиц с выраженной этикой сообщества свойственно отрицание в представлениях о Родине негативных явлений, отражающих нарушения прав и свобод граждан, их невысокое благополучие и бедность.

4. Выявлен эффект этики сообщества как необходимого, но недостаточного условия для поддержания позитивного образа Родины и отсутствия негативных представлений. Весьма позитивный, полностью отрицающий негативные стороны российской жизни образ Родины обнаруживается только среди лиц с относительно высокой выраженностью этики сообщества, хотя такой вариант образа Родины не является единственным в этой группе.

Литература

1. Грачев А.А. Отношение к Отечеству как проблема прикладной психологии // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3, № 2. С. 134–153.
2. Капцевич О.А. Личностные и ценностные предпосылки патриотического отношения на примере молодежи Санкт-Петербурга и Владивостока // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2016. № 2. С. 58–67.
3. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Патриотизм как объект изучения психологической науки // Психологический журнал. 2016. Т. 37, № 3. С. 88–98.
4. Юревич А.В. Психологическая многогранность патриотизма // Психологический журнал. 2018. Т. 39, № 6. С. 86–94. DOI: 10.31857/S020595920002253-4.
5. Graham J., Haidt J., Nosek B.A. Liberals and conservatives rely on different sets of moral foundations // Journal of Personality and Social Psychology. 2009. Vol. 96 (5). P. 1029–1046. DOI: 10.1037/a0015141.
6. Graham J., Nosek B.A., Haidt J., Iyer R., Koleva S., Ditto P.H. Mapping the Moral Domain // Journal of Personality and Social Psychology. 2011. Vol. 101. P. 366–385. DOI: 10.1037/a0021847.

7. Graham J., Haidt J., Motyl M., Meindl P., Iskiwitch C., Mooijman M. Moral Foundations Theory // *Atlas of Moral Psychology* / eds. K. Gray, J. Graham. New York ; London : The Guilford Press, 2018. P. 211–222.
8. Frimer J.A. Do liberals and conservatives use different moral languages? Two replications and six extensions of Graham, Haidt, and Nosek's (2009) moral text analysis // *Journal of Research in Personality*. 2020. Vol. 84. P. 1–41. DOI: 10.1016/j.jrp.2019.103906.
9. Koleva S.P., Graham J., Iyer R., Ditto P.H., Haidt J. Tracing the threads: How five moral concerns (especially Purity) help explain culture war attitudes // *Journal of Research in Personality*. 2012. Vol. 46 (2). P. 184–194. DOI: 10.1016/j.jrp.2012.01.006.
10. Сычев О.А., Белоусов К.И., Протасова И.Н. Ценностные и моральные основы социально-политических взглядов молодежи // *Сибирский психологический журнал*. 2019. № 73. С. 60–77. DOI: 10.17223/17267080/73/4.
11. Krippendorff K. Content analysis: an introduction to its methodology. Thousand Oaks, CA : Sage, 2004. 413 p.
12. Шалак В.И. Современный контент-анализ. М. : Омега-Л, 2004. 272 с.
13. Frimer J., Haidt J., Graham J., Dehghani M., Boghrati R. Moral foundations dictionaries for linguistic analyses, 2.0 // *Open Science Framework*. URL: <https://osf.io/ezn37> (accessed: 05.09.2020). DOI: 10.17605/OSF.IO/EZN37.
14. Hopp F.R., Fisher J.T., Cornell D., Huskey R., Weber R. The Extended Moral Foundations Dictionary (eMFD): Development and Applications of a Crowd-Sourced Approach to Extracting Moral Intuitions from Text // *Behavior Research Methods*. 2021. Vol. 53 (1). P. 232–246. DOI: 10.3758/s13428-020-01433-0.
15. Araque O., Gatti L., Kalimeri K. MoralStrength: Exploiting a moral lexicon and embedding similarity for moral foundations prediction // *Knowledge-Based Systems*. 2020. Vol. 191. P. 105–184. DOI: 10.1016/j.knosys.2019.105184.
16. Matsuo A., Sasahara K., Taguchi Y., Karasawa M. Development and validation of the Japanese Moral Foundations Dictionary // *PLoS one*. 2019. Vol. 14 (3). P. 1–10. DOI: 10.1371/journal.pone.0213343.
17. Alizadeh M., Weber I., Cioffi-Revilla C., Fortunato S., Macy M. Psychology and morality of political extremists: evidence from Twitter language analysis of alt-right and Antifa // *EPJ Data Science*. 2019. Vol. 8 (1). P. 1–35. DOI: 10.1140/epjds/s13688-019-0193-9.
18. Mooijman M., Hoover J., Lin Y., Ji H., Dehghani M. Moralization in social networks and the emergence of violence during protests // *Nature Human Behaviour*. 2018. Vol. 2 (6). P. 389–396. DOI: 10.1038/s41562-018-0353-0.
19. Long J.A., Eveland W.P. Entertainment Use and Political Ideology: Linking Worldviews to Media Content // *Communication Research*. 2018. P. 1–22. DOI: 10.1177/0093650218791011.
20. Lewis R.J., Grizzard M., Lea S., Ilijev D., Choi J.-A., Müsse L., O'Connor G. Large-Scale Patterns of Entertainment Gratifications in Linguistic Content of U.S. Films // *Communication Studies*. 2017. Vol. 68 (4). P. 422–438. DOI: 10.1080/10510974.2017.1340903.
21. Wheeler M.A., McGrath M.J., Haslam N. Twentieth century morality: The rise and fall of moral concepts from 1900 to 2007 // *PLoS one*. 2019. Vol. 14 (2). P. 1–12. DOI: 10.1371/journal.pone.0212267.
22. Козлова М.А. «Что такое хорошо»: анализ моральных оснований, транслируемых учебниками для начальной школы советского и постсоветского периодов // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 4. Педагогика. Психология*. 2012. № 4 (27). С. 25–50.
23. Белоусов К.И., Зелянская Н.Л., Сычев О.А., Власов М.С. Представления об аморальном в свете теории моральных оснований: социально-психологическое и лингвокогнитивное исследование // *Вестник Томского государственного университета*. 2020. № 456. С. 16–27. DOI: 10.17223/15617793/456/2.
24. Сычев О.А., Протасова И.Н., Белоусов К.И. Диагностика моральных оснований: апробация русскоязычной версии опросника MFQ // *Российский психологический журнал*. 2018. Т. 15, № 3. С. 88–115. DOI: 10.21702/rpj.2018.3.5.

25. Pennebaker J.W., Booth R.J., Boyd R.L., Francis M.E. Linguistic Inquiry and Word Count: LIWC2015. Austin, TX : Pennebaker Conglomerates, 2015. URL: www.LIWC.net (accessed: 05.09.2020).
26. Kailer A., Chung C.K. The Russian LIWC2007 dictionary. Austin, TX : Pennebaker Conglomerates, 2010. URL: www.LIWC.net (accessed: 05.09.2020).
27. Литвинова Т.А., Литвинова О.А., Рыжкова Е.С., Бирюкова Е.Д., Середин П.В., Загоровская О.В. Исследование влияния пола и психологических характеристик автора на количественные параметры его текста с использованием программы Linguistic Inquiry and Word Count // Научный диалог. 2015. № 12 (48). С. 101–109.
28. Литвинова Т.А., Литвинова О.А. Исследование лингвистических характеристик текстов, содержащих намеренно искажённую информацию, с помощью программы Linguistic Inquiry and Word Count // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Лингвистика. 2015. № 4. С. 71–77.
29. Dul J. Necessary Condition Analysis (NCA): Logic and Methodology of “Necessary but Not Sufficient” Causality // Organizational Research Methods. 2016. Vol. 19 (1). P. 10–52. DOI: 10.1177/1094428115584005.

*Поступила в редакцию 12.10.2020 г.; повторно 09.02.2021 г.;
принята 12.02.2021 г.*

Сычев Олег Анатольевич – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В.М. Шукшина.

E-mail: osn1@mail.ru

Белоусов Константин Игоревич – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета.

E-mail: belousovki@gmail.com

For citation: Sychev, O.A., Belousov, K.I. Association of the Individualizing and Binding Moral Foundations with Conceptions of Motherland in Russia. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology*. 2021; 80: 107–127. doi: 10.17223/17267080/80/6. In Russian. English Summary

Association of the Individualizing and Binding Moral Foundations with Conceptions of Motherland in Russia¹

O.A. Sychev^a, K.I. Belousov^b

^a The Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy, 53, Korolenko Str., Biysk, 659333, Russian Federation.

^b Perm State University, 15, Bukireva Str., Perm, 614990, Russian Federation

Abstract

Patriotism and attitude to the motherland attract much interest of researchers in the field of social sciences, although psychological foundations of these phenomena have not been sufficiently studied. On the basis of Moral Foundations Theory (by J. Haidt) we hypothesized that the characteristics of the moral sphere may be associated with some ideas about the motherland. In particular, binding moral foundations (including loyalty, authority and purity)

¹ The reported study was funded by RFBR, project number 18-013-00119.

which are more typical for conservatives should support positive patriotic ideas about the homeland. The low level of binding moral foundations can be related with a critical attitude towards the motherland, the presence of negative assessments of their country. This assumption is supported by the results of past studies of patriotism among individuals with different ideological views. The individualizing moral foundations dominating among liberals can be associated with a less global and narrower view of the motherland, which is linked with concepts of “family” and “home” rather than “society” or “country”. The aim of this study was to analyze the association between the individualizing and binding moral foundations with the content of ideas about the motherland. The important task of the study was to develop the Russian version of the moral foundations dictionary, which is necessary for analyzing the moral content of ideas about the motherland. To test the hypotheses we conducted a paper-pencil and online survey, obtained data included the answers on Moral Foundations Questionnaire and textual answers characterizing the image of the motherland. The sample comprised 831 people (72% women) from 11 regions of Russia. Text responses were processed via computer content analysis in the LIWC program (by J. Pennebaker) using the moral foundations dictionary (all categories) and the general dictionary (10 categories most relevant to the problem). To analyze the relations between the results of content analysis and MFQ questionnaire we calculated correlations of the individualizing and binding moral foundations with the presence or absence of each category in the participants’ responses. The results of the correlation analysis indicate that the individualizing moral foundations supports relatively narrow ideas about the motherland, associated with family and home, while people with a high level of binding moral foundations associate the motherland mostly with society and religion. Binding moral foundations support a positive image of the motherland, which is manifested in the more frequent use of positive assessments and avoidance of negative evaluations. Persons with a high level of binding moral foundations tend to ignore negative phenomena in the country, reflecting a violation of the individualizing moral norms (care and fairness). In particular, they less often mention violations of human rights and the poverty of the country’s inhabitants. The necessary condition analysis revealed the effect of binding moral foundations as a necessary but insufficient condition for maintaining a positive image of the motherland and the absence of negative ideas about it.

Keywords: moral; Moral Foundations Theory; conceptions of motherland; patriotism; content analysis.

References

1. Grachev, A.A. (2018) Otnoshenie Attitude to the Fatherland as a problem of applied psychology. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya – Institute of Psychology Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology*. 3(2). pp. 134–153.
2. Kapteveich, O.A. (2016) Personal and valuable background of patriotism on the example of young people in St. Petersburg and Vladivostok. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 2. pp. 58–67. (In Russian).
3. Zhuravlev, A.L. & Yurevich, A.V. (2016) Patriotism as an object of psychological research. *Psikhologicheskii zhurnal*. 37(3). pp. 88–98. (In Russian).
4. Yurevich, A.V. (2018) Psychological versatility of patriotism. *Psikhologicheskii zhurnal*. 39(6). pp. 86–94. (In Russian). DOI: 10.31857/S020595920002253-4
5. Graham, J., Haidt, J. & Nosek, B.A. (2009) Liberals and conservatives rely on different sets of moral foundations. *Journal of Personality and Social Psychology*. 96(5). pp. 1029–1046. DOI: 10.1037/a0015141
6. Graham, J., Nosek, B.A., Haidt, J., Iyer, R., Koleva S. & Ditto, P.H. (2011) Mapping the Moral Domain. *Journal of Personality and Social Psychology*. 101. pp. 366–385. DOI: 10.1037/a0021847

7. Graham, J., Haidt, J., Motyl, M., Meindl, P., Iskiwitch, C. & Mooijman, M. (2018) Moral Foundations Theory. In: Gray, K. & Graham, J. (eds) *Atlas of Moral Psychology*. New York; London: The Guilford Press. pp. 211–222.
8. Frimer, J.A. (2020) Do liberals and conservatives use different moral languages? Two replications and six extensions of Graham, Haidt, and Nosek's (2009) moral text analysis. *Journal of Research in Personality*. 84. pp. 1–41. DOI: 10.1016/j.jrp.2019.103906
9. Koleva, S.P., Graham, J., Iyer, R., Ditto, P.H. & Haidt, J. (2012) Tracing the threads: How five moral concerns (especially Purity) help explain culture war attitudes. *Journal of Research in Personality*. 46(2). pp. 184–194. DOI: 10.1016/j.jrp.2012.01.006
10. Sychev, O.A., Belousov, K.I. & Protasova, I.N. (2019) Values and Moral Foundations as a Basis for the Socio-Political Views of Youth. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 73. pp. 60–77. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/73/4
11. Krippendorff, K. (2004) *Content analysis: an introduction to its methodology*. Thousand Oaks, CA: Sage.
12. Shalak, V.I. (2004) *Sovremennyy kontent-analiz* [Modern content analysis]. Moscow: Omega-L.
13. Frimer, J., Haidt, J., Graham, J., Dehghani, M. & Boghrati, R. (n.d.) *Moral foundations dictionaries for linguistic analyses, 2.0*. [Online] Available form: <https://osf.io/ezn37> (Accessed: 5th September 2020).
14. Hopp, F.R., Fisher, J.T., Cornell, D., Huskey, R. & Weber, R. (2021) The Extended Moral Foundations Dictionary (eMFD): Development and Applications of a Crowd-Sourced Approach to Extracting Moral Intuitions from Text. *Behavior Research Methods*. 53(1). pp. 232–246. DOI: 10.3758/s13428-020-01433-0
15. Araque, O., Gatti, L. & Kalimeri, K. (2020) MoralStrength: Exploiting a moral lexicon and embedding similarity for moral foundations prediction. *Knowledge-Based Systems*. 191. pp. 105–184. DOI: 10.1016/j.knosys.2019.105184
16. Matsuo, A., Sasahara, K., Taguchi, Y. & Karasawa, M. (2019) Development and validation of the Japanese Moral Foundations Dictionary. *PLoS one*. 14(3). pp. 1–10. DOI: 10.1371/journal.pone.0213343
17. Alizadeh, M., Weber, I., Cioffi-Revilla, C., Fortunato, S. & Macy, M. (2019) Psychology and morality of political extremists: evidence from Twitter language analysis of alt-right and Antifa. *EPJ Data Science*. 8(1). pp. 1–35. DOI: 10.1140/epjds/s13688-019-0193-9
18. Mooijman, M., Hoover, J., Lin, Y., Ji, H. & Dehghani, M. (2018) Moralization in social networks and the emergence of violence during protests. *Nature Human Behaviour*. 2(6). pp. 389–396. DOI: 10.1038/s41562-018-0353-0
19. Long, J.A. & Eveland, W.P. (2018) Entertainment Use and Political Ideology: Linking Worldviews to Media Content. *Communication Research*. pp. 1–22. DOI: 10.1177/0093650218791011
20. Lewis, R.J., Grizzard, M., Lea, S., Ilijev, D., Choi, J.-A., Müsse, L. & O'Connor, G. (2017) Large-Scale Patterns of Entertainment Gratifications in Linguistic Content of U.S. Films. *Communication Studies*. 68(4). pp. 422–438. DOI: 10.1080/10510974.2017.1340903
21. Wheeler, M.A., McGrath, M.J. & Haslam, N. (2019) Twentieth century morality: The rise and fall of moral concepts from 1900 to 2007. *PLoS one*. 14(2). pp. 1–12. DOI: 10.1371/journal.pone.0212267
22. Kozlova, M.A. (2012) “Chto takoe khorosho”: analiz moral'nykh osnovaniy, transliruemykh uchebnikami dlya nachal'noy shkoly sovetskogo i postsovetskogo periodov [“What is good”: an analysis of the moral foundations broadcast by textbooks for elementary schools of the Soviet and post-Soviet periods]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. 4. Pedagogika. Psikhologiya – St. Tikhon's University Review. Pedagogy. Psychology*. 4(27). pp. 25–50.
23. Belousov, K.I., Zelyanskaya, N.L., Sychev, O.A. & Vlasov, M.S. (2020) Understanding the Amoral in the Context of the Moral Foundations Theory: A Sociopsychological and

- Linguocognitive Study. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 456. pp. 16–27. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/456/2
24. Sychev, O.A., Protasova, I.N. & Belousov, K.I. (2018) Diagnosing moral foundations: testing of the Russian version of the moral foundations questionnaire. *Rossiyskiy psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*. 15(3). pp. 88–115. (In Russian). DOI: 10.21702/rpj.2018.3.5.
25. Pennebaker, J.W., Booth, R.J., Boyd, R.L. & Francis, M.E. (2015) *Linguistic Inquiry and Word Count: LIWC2015*. Austin, TX: Pennebaker Conglomerates. [Online] Available form: www.LIWC.net (Accessed: 5th September 2020).
26. Kailer, A. & Chung, C.K. (2010) *The Russian LIWC2007 dictionary*. Austin, TX: Pennebaker Conglomerates. [Online] Available form: www.LIWC.net (Accessed: 5th September 2020).
27. Litvinova, T.A., Litvinova, O.A., Ryzhkova, E.S., Biryukova, E.D., Seredin, P.V. & Zagorovskaya, O.V. (2015) Issledovanie vliyaniya pola i psikhologicheskikh kharakteristik avtora na kolichestvennyye parametry ego teksta s ispol'zovaniem programmy Linguistic Inquiry and Word Count [The influence of gender and psychological characteristics of the author on the quantitative parameters of his text using the program Linguistic Inquiry and Word Count]. *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*. 12(48). pp. 101–109.
28. Litvinova, T.A. & Litvinova, O.A. (2015) A study of linguistic features of deceptive texts with the use of the program linguistic inquiry and word count. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. Lingvistika – Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*. 4. pp. 71–77. (In Russian). DOI: 10.18384/2310-712X-2015-4-71-77
29. Dul, J. (2016) Necessary Condition Analysis (NCA): Logic and Methodology of “Necessary but Not Sufficient” Causality. *Organizational Research Methods*. 19(1). pp. 10–52. DOI: 10.1177/1094428115584005

Received 12.10.2020; Revised 09.02.2021;

Accepted 12.02.2021

Oleg A. Sychev – senior researcher of the Research Department, the Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy, Cand. Sc. (Psychol.), Associate Professor.

E-mail: osn1@mail.ru

Konstantin I. Belousov – professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State University. D. Sc. (Philolog.), Professor.

E-mail: belousovki@gmail.com

МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 616.89-008.441

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БОЛЬНЫХ КОМОРБИДНЫМИ РЕКУРРЕНТНЫМ АФФЕКТИВНЫМ И ПАНИЧЕСКИМ РАССТРОЙСТВОМ

И.А. Пастух^а, Е.В. Феоктистова^а, М.А. Протопопова^а, Д.С. Сирош^а

^а Курский государственный медицинский университет Минздрава России, 305004, Курск, ул. Карла Маркса, 3

Приведены данные обследования 54 пациентов с сочетанной психической патологией. В основную группу вошли 27 больных, обнаруживающих коморбидные рекуррентное аффективное расстройство средней степени тяжести и паническое расстройство. У испытуемых контрольной группы (27 пациентов) было диагностировано рекуррентное аффективное расстройство средней степени тяжести. Изучены и проанализированы клиничко-психологические параметры личностной сферы больных основной и контрольной групп. Установлена взаимосвязь между личностными характеристиками и выбором защитно-совладающего стиля поведения у больных основной и контрольной групп. Результаты исследования помогли выявить мишени, на основе которых предложена психотерапевтическая программа. В комплексном лечении таких больных целесообразно использовать методы когнитивно-бихевиоральной психотерапии в сочетании с релаксационными и дыхательными техниками.

Ключевые слова: рекуррентное депрессивное расстройство; паническое расстройство; коморбидность; личность; защитно-совладающее поведение.

Введение

Актуальность изучения особенностей течения сочетанных депрессивных и тревожных расстройств в психиатрии и психологии обусловлена широкой распространенностью последних в популяции [1. Р. 423].

Согласно результатам проведенного клиничко-эпидемиологического исследования в США (Epidemiologic Catchment Areastudy), около 50% пациентов, страдающих «большим депрессивным эпизодом», обнаруживают проявления тревожного расстройства [2. Р. 25]. Неуклонный рост депрессивных и тревожных расстройств обусловлен такими причинами, как урбанизация, увеличение плотности населения, ускорение темпа жизнедеятельности, возрастающие требования социума и повышение уровня стресса на фоне ослабления социальной поддержки населения [3. С. 11; 4. Р. 1024; 5. С. 28; 6. С. 121].

Как правило, присоединение тревожной патологии к рекуррентному аффективному расстройству утяжеляет клиническую картину заболевания, оказывая отрицательное влияние на прогноз обоих расстройств, увеличивает частоту рецидивов и способствует хронификации состояния, повышает суицидальный риск у данной категории больных [7. Р. 50; 8. Р. 3; 9. Р. 21].

Традиционно пик заболеваемости рекуррентным аффективным и тревожным расстройствами приходится на трудоспособный возраст от 20 до 40 лет [10. С. 11]. По данным Б.А. Казаковцева, дебют рекуррентного аффективного расстройства отмечается в возрасте $42,4 \pm 0,4$ года [Там же. С. 13]. Паническое расстройство манифестирует в возрастном диапазоне от 15 до 45 лет. В целом рекуррентные аффективные и тревожно-фобические расстройства снижают работоспособность, качество жизни и уровень социального функционирования больных, затрудняют адаптацию пациента в семье, негативно влияют на процесс воспитания детей [11. С. 186; 12. С. 106; 13. С. 6]. Таким образом, коморбидность рекуррентного аффективного и тревожного расстройств представляет не только сугубо медицинскую, но и серьезную социально-экономическую проблему. Недостаточно изученными остаются вопросы, освещающие факторы риска, клинико-психологические особенности, обусловленные взаимодействием рекуррентного аффективного и тревожного расстройств [14. С. 41].

Психиатрическую коморбидность принято определять как сосуществование у больного двух или более психических расстройств, каждое из которых считается самостоятельным и диагностируется независимо от другого [15. С. 38].

С позиции С.Н. Мосолова, существует четыре варианта возможного сочетания депрессивного и тревожного расстройств. Первый механизм сочетания депрессии и тревоги подразумевает континуум, который отражает «фактор общего дистресса», лежащий в основе этих заболеваний. Второй вариант имеет в виду присутствие двух отдельных синдромов (собственно депрессивного и собственно тревожного). Третья позиция подразумевает возникновение одного синдрома как следствия другого. Последний вариант рассматривает одновременное наличие в клинической картине обеих синдромов и проявлений, отличающихся как от «чистой» депрессии, так и от тревоги [16. С. 12].

Вызывают интерес у исследователей сочетанные варианты депрессивных и тревожно-фобических расстройств. В понимании И.А. Митихиной, коморбидность депрессии и панического расстройства в качестве независимых психопатологических феноменов является возможной лишь в качестве реактивных образований в рамках динамики расстройств личности. Однако автор считает, что в ситуации диагностики у пациента расстройств более тяжелого аффективного регистра (рекуррентная депрессия, биполярная депрессия, дистимия) депрессию и тревогу следует рассматривать в клиническом единстве [17. С. 12]. А.А. Горбунова и Е.В. Коллюцкая установили, что при сочетании у пациента депрессивного и тревожного аффектов в клинической картине заболевания преобладают проявления депрессивно-

го расстройства легкой и умеренной степени тяжести с доминированием апатических и тревожных симптомов. В то же время паническое расстройство проявляется пароксизмальными приступами тревоги, частота возникновения которых варьирует от единичных (1–2 панических приступа в течение депрессивной фазы) до ежедневных [18. С. 33].

По мнению ряда авторов, необходимо учитывать влияние личностных особенностей на процесс становления, клиническое оформление и выбор психотерапевтической тактики лечения рекуррентного аффективного и панического расстройств. Анализ научной литературы показал, что личностная сфера больных, страдающих сочетанным вариантом рекуррентного аффективного и панического расстройств, на данном этапе развития психологической науки изучена не в полной мере, что определяет новизну нашего исследования. Однако существует ряд исследований, направленных на анализ личностных особенностей пациентов с проявлениями изолированно протекающих депрессивного и тревожного расстройств.

Так, в работах Э. Крепелина описан «депрессивный темперамент», предрасполагающий к формированию депрессивного расстройства. У человека с таким темпераментом отмечается преобладание негативного аффекта [19. С. 67]. Как правило, люди с депрессивным темпераментом подавлены, излишне тревожны, для них характерны неуверенность в себе, чувство вины, отсутствие самоуважения. К. Шнайдер дополнил труд Э. Крепелина следующими характеристиками депрессивной личности: гипогедония, скептицизм, хроническое напряжение, неумение испытывать радость по поводу достигнутого успеха, несмотря на присущий личности чрезмерный трудоголизм [20. S. 15].

Г. Телленбах ввел понятие «*typus melancholicus*», которое характеризует особый тип депрессивной личности, имеющей следующие черты: перфекционизм, скрупулезность, зависимость от работы, добросовестность, повышенная ответственность, стремление к достижениям, совестливость. В межличностных отношениях такие люди предпочитают тесные симбиотические связи, испытывают как стремление к зависимости, так и страх одиночества. На сегодняшний день положение о *typus melancholicus* как о наиболее вероятном преморбидном варианте личности у больных рекуррентной монополярной депрессией считается доказанным [21. Р. 330].

Существуют также научные работы, посвященные исследованию адаптационных механизмов личности у больных паническим расстройством с различными вариантами коморбидности [22. С. 67]. Адаптационные возможности личности складываются из основных компонентов защитно-совладающего поведения: механизмов психологической защиты и копинг-стратегий [23. С. 43]. О.В. Муравьева и Т.Н. Разуваева связывают структуру личности депрессивных больных с формированием копинга [24. С. 280]. Е.Р. Исаева, Н.В. Зуйкова в качестве особенностей защитно-совладающего стиля поведения больных с изолированно протекающим депрессивным расстройством выделяют пассивный стиль, направленный на управление эмоциями, а не на разрешение или изменение ситуаций. По мнению авто-

ров, это приводит к принятию происходящего как должного, потере самоуважения, способствует формированию чувства смирения и безнадежности. Основными копинг-механизмами, используемыми такими больными, являются поиск социальной поддержки, самоконтроль и принятие ответственности [25. С. 86].

Роль личностных особенностей в возникновении и развитии панического расстройства также подтверждается рядом научных исследований. Х. Аль-Джолбек, Б.Б. Ладик, А.А. Пашков в своей работе отмечают, что тревога является ведущим симптомом невротических расстройств и выступает фактором, оказывающим влияние на формирование и развитие личностного склада таких больных [26. С. 87]. Ю.И. Секунда и В.В. Шпрах выявили наличие в личностном профиле пациентов, страдающих паническими расстройствами, ряд акцентуаций характера, среди которых чаще встречается истерическая, реже гипертимная и психастеническая, а также лабильная, эпилептоидная и гипотимная [27. С. 65]. В.Д. Менделевич, А.А. Атаманов указывают на демонстративный и неуравновешенный типы акцентуаций характера у больных паническим расстройством [28. С. 111].

В настоящее время существуют единичные исследования, направленные на изучение личностных особенностей больных коморбидными депрессивным и паническим расстройствами. Так, в работе Ю.С. Савенко отмечается, что тревожность как черта характера при сочетанном варианте панического и депрессивного расстройств может достигать степени психотической тревоги с меланхолическими проявлениями. Для таких больных характерны страх перед будущим, его «катастрофизация», которые сменяются пессимистическими мыслями с переживаниями безнадежности, обреченности, утратой представлений о будущем [29. С. 20].

В работе А.В. Погосова, И.А. Погосовой, Ю.В. Богушевой представлены основные методы проведения психокоррекции, необходимые для успешного лечения пациентов, обнаруживающих сочетание депрессивного и тревожного расстройств [30. С. 98, 115].

Таким образом, на сегодняшний день представления об особенностях личности больных коморбидными рекуррентным аффективным и паническим расстройствами сформированы не в полном объеме, однако существуют отдельные научные работы, направленные на изучение особенностей пациентов с изолированно протекающими депрессивным и паническим расстройствами.

Необходимо подчеркнуть особую значимость анализа личностной сферы больных коморбидным рекуррентным аффективным и паническим расстройством. Результаты, полученные в процессе проведенного исследования, целесообразно использовать на этапе клинико-психологической диагностики указанных расстройств, а также при составлении психотерапевтических программ для больных, страдающих коморбидным рекуррентным аффективным и паническим расстройством.

Объектом нашего исследования является личностная сфера больных коморбидными рекуррентным аффективным и паническим расстройствами.

Цель исследования – разработка психокоррекционной программы на основе изучения особенностей личностной сферы больных коморбидным рекуррентным аффективным и паническим расстройством.

Материалы и методы исследования

В 2018–2019 гг. на базах психосоматического отделения ОБУЗ «Областная клиническая наркологическая больница» Комитета здравоохранения Курской области и дневного стационара № 1 ОБУЗ «Курская клиническая психиатрическая больница имени святого великомученика и целителя Пантелеймона» обследованы 54 пациента. В основную группу (ОГ) вошли пациенты, обнаруживающие проявления сочетанного рекуррентного аффективного и панического расстройств – 27 человек (50%). Контрольную группу (КГ) составили пациенты, страдающие рекуррентным аффективным расстройством – 27 человек (50%). Диагностика указанных состояний проводилась с использованием Международной классификации болезней 10-го пересмотра. Критериями исключения из исследования явились признаки органического поражения головного мозга, текущие соматические заболевания, находящиеся в состоянии декомпенсации, проявления зависимости от психоактивных средств. Длительность заболевания на момент исследования в ОГ составила $3 \pm 3,41$, в КГ – $2 \pm 3,21$. Средний возраст пациентов – $36,09 \pm 8,7$ лет.

Личностная сфера больных изучена с помощью сокращенного варианта многофакторного опросника для исследования личности «Мини-мульт». Для диагностики типологии психологической защиты применялся тест «Индекс жизненного стиля» (Р. Плутчик, в адаптации Л. Вассермана). Способы совладающего со стрессом поведения больных исследованы с помощью опросника «Способы совладающего поведения» (Р. Лазарус). Оценка статистической значимости уровня различий и выявление частоты встречаемости показателей в двух несвязанных группах проводились с помощью критерия χ^2 -Пирсона. Корреляционные связи устанавливались с использованием критерия R-Спирмена. Статистический анализ полученных результатов осуществлялся на основе пакета прикладных программ StatSoft Statistica версии 13.5.0.17.

Результаты исследования

Анализ результатов проведенного исследования выявил дисгармоничные личностные профили у пациентов обеих групп. Сравнительная оценка показателей по шкалам лжи (L), достоверности (F), коррекции (K) в обеих группах позволила сделать вывод о достоверности результатов тестирования.

В табл. 1. представлены результаты сравнительного анализа значений частотного распределения показателей шкал методики «Мини-мульт» у больных ОГ и КГ. Так, были обнаружены статистически значимые различия, достигающие высокого уровня статистической значимости по шка-

лам «ипохондрия», «депрессия» и «психастения». У пациентов основной группы отмечались преимущественно средние (40–70 Т-баллов) и высокие значения (выше 70 Т-баллов) по шкалам «депрессия», «ипохондрия» и «психастения» в сравнении с таковыми в группе контроля.

Таблица 1

Личностные характеристики больных основной и контрольной групп

Группа	Низкие (0–40 Т)		Средние (40–70 Т)		Высокие (≥ 70 Т)		p-level (χ^2 Пирсона)
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	
Ипохондрия							
ОГ	–	–	7	25,90	20	74,10	0,00047****
КГ	2	7,40	20	74,10	5	18,50	
Депрессия							
ОГ	–	–	3	11,20	24	88,80	0,00008****
КГ	–	–	17	63,00	10	37,00	
Психастения							
ОГ	–	–	6	22,30	21	77,70	0,00004****
КГ	–	–	22	81,50	5	18,50	

Примечание. Здесь и в табл. 2, 3: ** – различия обнаружены на уровне статистической тенденции ($0,05 < p \leq 0,1$); *** – различия обнаружены на достоверном уровне статистической значимости ($0,01 < p \leq 0,05$); **** – различия обнаружены на высоком уровне статистической значимости ($p \leq 0,01$).

Пациенты ОГ с высокими значениями по шкале «ипохондрия» характеризовались повышенной мнительностью, тревожностью, требовательностью, пессимистичным отношением к жизненным обстоятельствам, имели низкий адаптационный потенциал, занимали пассивную жизненную позицию. Большинство больных основной группы (14 человек – 51,90%) достаточно часто жаловались на неприятные ощущения, исходящие из различных частей тела, а по мере присоединения к проявлениям рекуррентного аффективного расстройства соматовегетативных проявлений и аффективных симптомов панического расстройства, в том числе страха смерти, пациенты обращались к врачам-терапевтам и другим узкопрофильным специалистам.

Среди больных ОГ в рамках коморбидного рекуррентного аффективно-го и панического расстройств доминировали пациенты, имеющие высокие показатели по шкале «депрессия» (24 человек – 88,80%). Пациенты из данной группы имели следующие личностные характеристики: чувствительность, сензитивность и робость. В социальных отношениях пациенты ОГ были ответственными, добросовестными, старательными и обязательными. Однако необходимость самостоятельного принятия решения вызывала у них определенные затруднения, чаще всего из-за сниженной самооценки. Даже малейшие неудачи приводили таких больных к плохому настроению, унынию и печали.

У пациентов ОГ отмечалось повышение значений показателей по шкале «психастения» в сравнении с таковыми у больных КГ, что проявлялось застенчивостью и сентиментальностью, тревожной мнительностью, болезненной саморефлексией и способствовало развитию определенных сложностей в социализации таких больных.

На рис. 1 показаны средние значения основных шкал личностного профиля основной и контрольной групп.

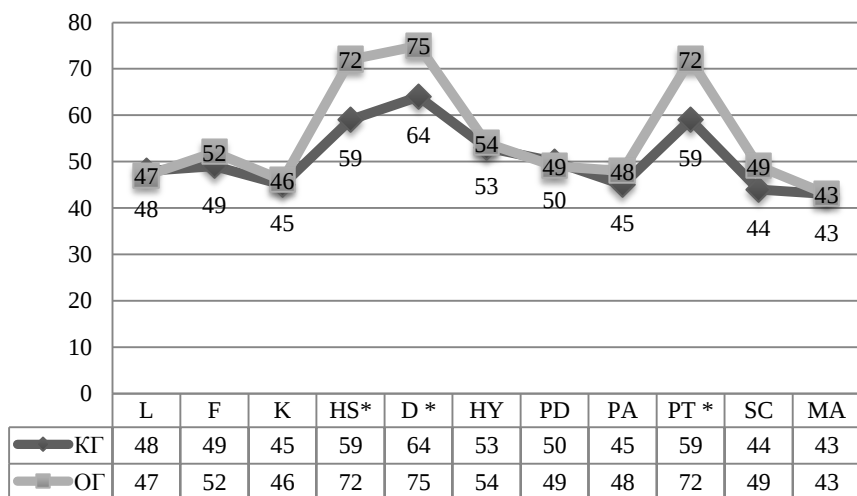

Рис. 1. Усредненный личностный профиль пациентов основной и контрольной групп: HS – «ипохондрия», D – «депрессия», NY – «истерия», PD – «психопатия», PA – «паранойальность», PT – «психастения», SC – «шизоидность», MA – «гипомания»; * – уровень статистической значимости $p \leq 0,01$

У пациентов ОГ выявлены значения, выходящие за пределы нормы (70 T) по шкалам «ипохондрия», «депрессия», «психастения». Сочетание пиков по шкалам «ипохондрия» и «депрессия» характерно для раздражительных, тревожных, подавленных лиц, находящихся в длительном напряжении и отмечающих множество соматических жалоб. Одновременное повышение по шкалам «депрессия» и «психастения» характерно для больных рекуррентным аффективным и паническим расстройствами. Пациенты находились в состоянии напряжения, испытывали повышенную тревогу, страдали бессонницей, жаловались на утомляемость, усталость, болевые ощущения, испытывали страх смерти. В целом это приводило к снижению продуктивности, инициативности, к неуверенности в себе, чувству собственной неполноценности, самобичеванию. Отмечалось сосредоточение больных на собственных болезненных переживаниях и личностных недостатках. Трудности, имеющие место в межличностных отношениях, нередко связывались больными с хронической конфликтной ситуацией в семье, на работе.

Полученные графики усредненных личностных профилей больных ОГ и КГ имеют сходные черты, но находятся на разных уровнях. Личностный профиль больных коморбидным аффективным и паническим расстройством располагается несколько выше, чем в КГ, а показатели ведущих шкал в ОГ превышают средние значения таковых в КГ. Выявленные результаты наглядно отражают негативное влияние коморбидного состояния на клинико-психологические особенности рекуррентного аффективного

расстройства, а именно на индивидуально-личностные характеристики больных за счет их акцентуации.

Для оценки особенностей защитно-совладающего поведения пациентов ОГ и КГ были подвергнуты анализу степень напряженности механизмов психологических защит (Индекс жизненного стиля) и выраженность копинг-стратегий (Способы совладающего поведения). Полученные результаты отражены в табл. 2, 3. Статистическая обработка результатов методики ИЖС позволила обнаружить различия, достигающие высокого уровня статистической значимости ($p \leq 0,01$) по параметрам «регрессия» и «отрицание», на достоверном уровне статистической значимости ($0,01 < p \leq 0,05$) – по шкале «подавление», на уровне статистической тенденции ($0,05 < p \leq 0,1$) – по параметру «отрицание».

Таблица 2

Механизмы психологической защиты у пациентов основной и контрольной групп (методика «Индекс жизненного стиля»)

Группа	Низкие		Средние		Высокие		p-level (χ^2 Пирсона)
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	
Отрицание							
КГ	2	7,40	11	40,70	14	51,90	0,09697**
ОГ	2	7,40	4	14,80	21	77,70	
Подавление							
КГ	7	26,00	10	37,00	10	37,00	0,02158***
ОГ	1	3,70	7	26,00	19	70,30	
Регрессия							
КГ	7	26,00	10	37,00	10	37,00	0,0097****
ОГ	3	11,10	3	11,10	21	77,70	
Компенсация							
КГ	17	63,00	7	27,00	3	11,10	0,0004****
ОГ	6	22,20	4	14,80	17	63,00	

Частотный анализ механизмов психологических защит у пациентов, страдающих коморбидным рекуррентным аффективным и паническим расстройством, выявил высокую напряженность механизма психологической защиты «отрицание» (21 человек – 77,70%). Практически у половины обследованных, обнаруживших проявления рекуррентного аффективного расстройства, также диагностированы высокие показатели по данному механизму психологической защиты (14 человек – 51,90%). Пациенты обеих групп использовали механизм психологической защиты личности по типу «отрицание», в основе которого лежит отрицание фрустрирующих, вызывающих тревогу обстоятельств. Кроме того, 19 пациентов ОГ (70,30%) обнаруживали высокую напряженность механизма психологической защиты «подавление».

Пациенты в рамках сочетанного течения рекуррентного аффективного и панического расстройств склонны к подавлению своих переживаний и неприемлемых для них импульсов и влечений. Мысли и чувства, вызывающие тревогу, не осознаются больными и, не найдя разрядки на поведенческом уровне, сохраняют свое выражение на эмоциональном и психовеге-

тативном уровнях. Подавленные влечения, в свою очередь, проявляются у больных в невротических и психофизиологических симптомах. У 21 больного основной группы (77,0%) в психологическом статусе отмечается напряженность механизма психологической защиты по типу «регрессия». Указанный выше механизм психологической защиты отмечался также у 10 пациентов контрольной группы (37,0%). Данный механизм психологической защиты позволил пациентам избежать тревоги за счет регрессии их на более ранние стадии развития, уходя в ранние, детские типы реагирования. Также для пациентов основной группы характерна высокая напряженность механизма психологической защиты «компенсация», который был диагностирован в 17 случаях (63,0%). Пациенты ОГ искали подходящую замену своему реальному или воображаемому недостатку среди качеств, несвойственных им.

Таблица 3

Типы совладающего поведения у пациентов основной и контрольной групп

Группа	Низкие		Средние		Высокие		p-level (χ^2 Пирсона)
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	
Принятие ответственности							
КГ	2	7,40	18	66,60	7	26,00	0,0496***
ОГ	1	3,70	16	59,30	10	37,00	
Бегство-избегание							
КГ	4	14,80	15	55,50	8	30,00	0,0313***
ОГ	2	7,40	13	48,10	12	44,40	
Планирование							
КГ	5	18,50	17	63,00	5	18,50	0,06452**
ОГ	13	48,10	10	37,00	4	14,80	

Как видно из табл. 3, способы совладающего поведения в трудных жизненных ситуациях имели определенные различия в обследованных группах. Так, на достоверном уровне статистической значимости ($0,01 < p \leq 0,05$) были выявлены различия по двум параметрам: «бегство-избегание» и «принятие ответственности». На уровне статистической тенденции обнаружены различия по показателю «планирование» ($0,05 < p \leq 0,1$).

«Принятие ответственности» и «бегство-избегание» относятся к неадаптивным защитно-совладающим стилям поведения. Пациенты ОГ достаточно часто выбирали стратегию «принятие ответственности» – 10 (37,0%). Они признавали свою роль в возникновении проблемной ситуации и принимали на себя ответственность по ее решению. Готовность анализировать свое поведение, искать причины в себе и личных недостатках и ошибках характерны в большей степени для больных, страдающих коморбидным рекуррентным аффективным и паническим расстройством, однако они же неоправданно себя критиковали, переживали чувство вины и неудовлетворенность собой.

Способ совладающего поведения «бегство-избегание» выявлен у 12 больных ОГ (44,4%) и у 8 – КГ (30,0%). Пациенты ОГ преодолевали негативные переживания путем уклонения от них, отрицания наличия

проблемы. Они демонстрировали пассивность, погруженность в мир своих фантазий.

Стратегия «планирование решений», направленная на разрешение ситуации, является одним из наиболее адаптивных способов совладающего поведения. Нами была выявлена тенденция к использованию данного типа совладающего поведения пациентами КГ, что отражает стремление пациентов КГ к решению проблемы за счет целенаправленного анализа ситуации и возможных вариантов поведения в ней, выработки стратегии разрешения проблемы, планирования собственных действий с учетом объективных условий, прошлого опыта и имеющихся личностных ресурсов.

Для уточнения наличия связи между параметрами личностной сферы и защитно-совладающим стилем поведения мы провели структурное корреляционное исследование в каждой группе (табл. 4, 5; рис. 2, 3).

Таблица 4

**Корреляционная взаимосвязь личностных особенностей
и способов совладающего поведения у пациентов основной группы**

Показатели	Spearman (R)	p-level
Мини-мульти / Индекс жизненного стиля		
Ипохондрия / Интеллектуализация	-0,531634*	0,004319****
Депрессия / Отрицание	-0,481575***	0,010979***
Мини-мульти / Копинг-стратегии		
Ипохондрия / Принятие ответственности	0,600315*	0,000931****
Ипохондрия / Бегство-избегание	0,730973*	0,000015****
Депрессия / Самоконтроль	0,392745***	0,042718***
Психастения / Бегство-избегание	0,397800***	0,039888***

Примечание. p-level (уровень статистической значимости) – величина, используемая при тестировании статистических гипотез: ** – различия обнаружены на уровне статистической тенденции ($0,05 < p \leq 0,1$); *** – различия обнаружены на достоверном уровне статистической значимости ($0,01 < p \leq 0,05$); **** – различия обнаружены на высоком уровне статистической значимости ($p \leq 0,01$). R: * – высокая (от 0,70 до 0,89); ** – средняя (от 0,50 до 0,69); *** – умеренная (от 0,30 до 0,49); **** – слабая (от 0,20 до 0,29); ***** – очень слабая (меньше 0,19).

У пациентов ОГ выявлена на высоком уровне статистической значимости отрицательная средняя корреляция между показателями личностного профиля «ипохондрия» и «интеллектуализация», свидетельствующая о достаточно редком использовании такого механизма психологической защиты, как «интеллектуализация», что выражается в недооценке больными рациональных фактов и прибегании к иррациональным установкам при решении сложных жизненных ситуаций и для объяснения собственного болезненного состояния (см. табл. 3, на рис. 2). Кроме того, на достоверном уровне статистической значимости обнаружена отрицательная средняя корреляционная связь между шкалой личностного профиля «депрессия» и механизмом психологической защиты «отрицание». Лица с выраженными «депрессивными» чертами в личностном профиле реже использовали механизм психологической защиты «отрицание» и остро воспринимали любую жизненную неудачу.

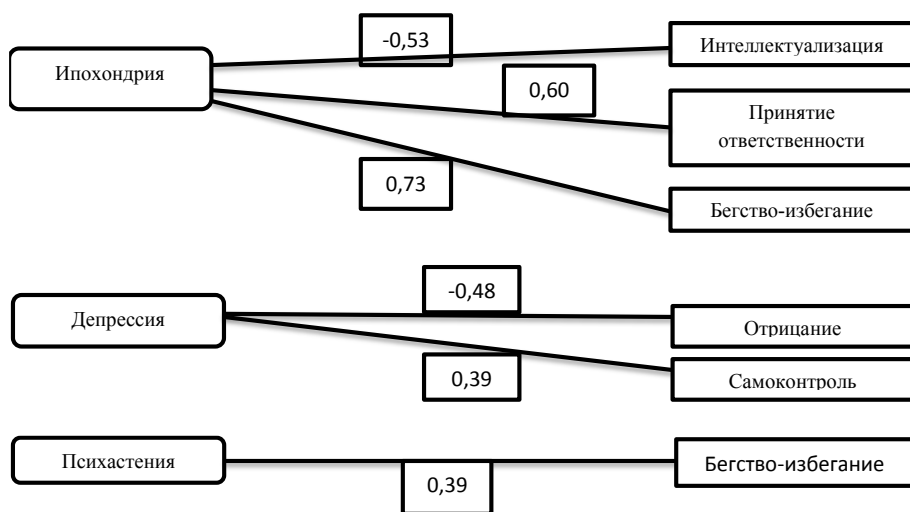

Рис. 2. Корреляционные плеяды у пациентов основной группы

На высоком уровне статистической значимости обнаружены корреляционные связи между шкалой «ипохондрия» и копинг-стратегиями «принятие ответственности» (положительная средняя) и «бегство-избегание» (положительная высокая). Так, пациенты ОГ, обнаруживающие в личностном профиле повышение значений по шкале личностного профиля «ипохондрия», в своем поведении часто прибегали к такому копинг-механизму, как «принятие ответственности». Как правило, такие лица были недовольны собой, имели низкую самооценку, чрезмерно критиковали себя. Копинг-стратегия «бегство-избегание» положительно умеренно коррелировала не только с показателем личностного профиля «ипохондрия», но и с личностной шкалой «психастения», что выражалось в погружении больных в мир фантазий при решении проблем. Депрессивные личностные особенности пациентов ОГ имели на достоверном уровне статистической значимости положительную умеренную корреляционную связь с такой копинг-стратегией, как «самоконтроль». Пациенты основной группы стремились контролировать большинство жизненных ситуаций, удерживать себя от «непристойных» поступков, сохранять самообладание в ситуации обострения болезни, стремились контролировать приступы панических атак.

Таблица 5

Корреляционная взаимосвязь личностных особенностей и способов совладающего поведения у пациентов контрольной группы

Показатели	Spearman (R)	p-level
Мини-мульти / Индекс жизненного стиля		
Ипохондрия / Отрицание	-0,419051***	0,033102***
Мини-мульти / Копинг-стратегии		
Ипохондрия / Поиск социальной поддержки	0,438881***	0,024897***
Психастения / Самоконтроль	-0,391295***	0,048074***

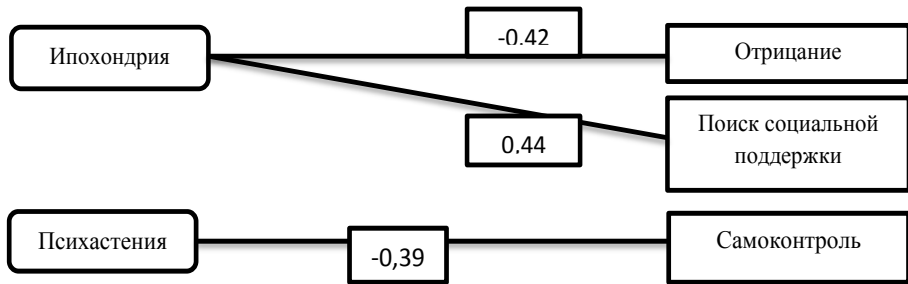

Рис. 3. Корреляционные плеяды у пациентов контрольной группы

Для пациентов КГ на достоверном уровне статистической значимости характерна отрицательная умеренная корреляция между показателем личностной сферы «ипохондрия» и механизмом психологической защиты «отрицание». В то же время ипохондрические личностные особенности пациентов положительно коррелируют с таким способом совладающего поведения, как «поиск социальной поддержки». На основании этого можно сделать вывод, что пациенты КГ с ипохондрическими чертами в профиле личности часто прибегают к разрешению проблемы с помощью использования внешних ресурсов, путем поиска поддержки у близкого социального окружения и в большей степени ориентированы на социум. Умеренная отрицательная корреляция у больных КГ обнаружена между показателем «психастения» и копинг-стратегией «самоконтроль». Так, пациенты КГ с психастеническими чертами в личностном профиле характеризовались застенчивостью, ответственностью, повышенной тревожностью, для них также характерны сниженный контроль поведения и трудности при сохранении самообладания.

Обсуждение результатов исследования

Таким образом, личностный профиль больных, страдающих коморбидным рекуррентным аффективным и паническим расстройством, характеризуется дисгармоничными проявлениями и значительными пиковыми подъемами по шкалам «ипохондрия», «депрессия» и «психастения». Согласно проведенному анализу у пациентов с сочетанным вариантом рекуррентного аффективного и панического расстройств обнаружены следующие личностные черты: инертный стиль мышления, неуверенность в себе, высокая чувствительность, впечатлительность, зависимость от мнения окружающих людей, мнительность, осторожность, осмотрительность, высокая нравственная требовательность к себе и окружающим, совестливость, комфортность и исполнительность, замкнутость, скрытость и обособленность. Перечисленные черты способствуют формированию у таких больных определенных способов совладающего поведения. Для снижения дискомфорта, обусловленного фрустрирующей ситуацией, больные прибегали к использованию копинг-механизмов «бегство-избегание» и «принятие ответственности». С целью разрешения внутренних переживаний больные с сочетанным вариантом рекуррентного аффективного и панического расстройств используют де-

структивные механизмы психологической защиты личности по типу «отрицание», «подавление», «регрессия» и «компенсация».

Кроме того, у пациентов, страдающих коморбидными рекуррентным аффективным и паническим расстройствами, обнаруживающих в структуре личностного профиля ипохондрические личностные характеристики, достаточно редко проявляется механизм психологической защиты «интеллектуализация», а диагностируются такие копинг-механизмы, как «бегство-избегание» и «принятие ответственности». Психастенические черты личности в личностном профиле больных коморбидным рекуррентным аффективным и паническим расстройством также способствуют формированию такого способа совладающего поведения, как «бегство-избегание». Меланхолические особенности в профиле личности пациентов с сочетанным вариантом рекуррентного аффективного и панического расстройств в меньшей степени способствуют использованию копинг-механизма «отрицание».

Заключение

В ходе проведенного исследования нами выявлены основные психокоррекционные мишени, в числе которых оказались компоненты защитно-совладающего поведения пациентов, обнаруживающих проявления рекуррентного аффективного и панического расстройств. Полученные результаты могут быть учтены при разработке психотерапевтической программы, преследующей цель гармонизации личностного профиля больных. В ходе психотерапевтической коррекции целесообразно использование методов когнитивно-бихевиорального направления, релаксационных техник и дыхательных упражнений.

Литература

1. Cross-national comparisons of the prevalence and correlates of mental disorders. WHO International Consortium in Psychiatric Epidemiology // *Bull World Health Organ*. 2000. № 4 (78). P. 413–426.
2. Regier D.A., Rae D.S., Narrow W.E. et al. Prevalence of anxiety disorders and their comorbidity with mood and addictive disorders// *Br. J. Psychiatry*. 1998. Vol. 173, № 34. P. 24–28.
3. Еричев А.Н., Моргунова А.М. Современные стрессовые ситуации и возникновение чувства тревоги. Как научиться бороться // *Практическое руководство*. СПб. : Изд. дом СПб МАПО, 2009. 30 с.
4. Roy-Byrne P.P., Craske G., Stein M. Panic disorder // *The Lancet*. 2006. Vol. 368, № 9540. P. 1023–1032.
5. Цыганков Б.Д., Джангильдин Ю.Т., Преснякова А.В. Клинико-психологические характеристики затяжных депрессий невротического уровня // *Психическое здоровье*. 2008. № 11. С. 27–29.
6. Вельтищев Д.Ю., Ковалевская О.Б., Серавина О.Ф. Факторы риска и профилактика рекуррентности депрессии // *Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова*. 2017. № 117 (6). С. 120–125.
7. Rush A.J., Zimmerman M., Wisniewski S.R. et al. Comorbid psychiatric disorders in depressed outpatients: demographic and clinical features // *J. Affect. Disord*. 2005. Vol. 87, № 1. P. 43–55.

8. Alpert J.E. Improving depression outcome: New concepts, strategies and technologies // *Journal of Psychopharmacology*. 2006. Vol. 20, 3 suppl. P. 3–4.
9. Katon W.W., Katon J., Russo J. Major depression: the importance of clinical characteristics and treatment response to prognosis // *Depress. Anxiety*. 2010. Vol. 27. P. 19–22.
10. Казаковцев Б.А., Сидорюк О.В., Зражевская И.А., Овсянников С.А. Региональные различия в показателях первичной заболеваемости аффективными расстройствами // *Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. Спецвыпуски*. 2019. № 119 (1). С. 10–16.
11. Андрущенко Т.Е., Живаева Ю.В., Калиновская К.С. Представление о будущем у лиц с паническими и тревожно-фобическими расстройствами // *Психологическое здоровье человека: жизненный ресурс и жизненный потенциал : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Красноярск : Красн. гос. мед. ун-т, 2015. С. 182–188.*
12. Вертоградова О.П., Довженко Т.В., Степанов В.Н., Синицын В.Н. Депрессия как фактор соматизации и социальной дезадаптации // *Социальная и судебная психиатрия: история и современность. М. : МНИИ судебной и социальной психиатрии им. В.П. Сербского, 1996. С. 104–106.*
13. Пастух И.А., Голозубова К.Н. Качество жизни больных коморбидными паническими и депрессивными расстройствами в процессе терапии // *Медицинская психология в России*. 2019. № 1. С. 6.
14. Погосова И.А., Голозубова К.Н. Динамика психологических проявлений коморбидных панических и аффективных расстройств в процессе фармакологических и психотерапевтических мероприятий // *Практическая медицина*. 2017. Т. 2, № 1 (102). С. 40–44.
15. Марута Н.А. Проблема коморбидности в современной психиатрии. Теоретический, клинический, терапевтический и организационные аспекты // *Здоров'я України*. 2013. № 12. С. 38–39.
16. Мосолов С.Н. Тревожные и депрессивные расстройства: коморбидность и терапия // *М. : Артinfo Паблишинг, 2007. 63 с.*
17. Митихина И.А., Митихин В.Г., Ястребов В.С., Лимкин О.В. Психическое здоровье населения Российской Федерации в период 1992–2010 гг. // *Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова*. 2013. № 9. С. 4–13.
18. Горбунова А.А., Колюцкая Е.В. Паническое расстройство и аффективная патология (аспекты коморбидности) // *Психиатрия*. 2014. № 3 (63). С. 33–33а.
19. Крепелин Э. Введение в психиатрическую клинику : пер. с нем. М. : Медицина, 2004. 493 с.
20. Schneider K. Die psychopathischen Personallichkeiten. 9. Aufl. Deuticke, Wien. 1950. 156 S.
21. Kronmuller K., Backenstrass M. Typus melancholicus personality type and the five-factor model of personality // *Psychopathology*. 2002. Vol. 35, № 2. P. 327–334.
22. Пастух И.А. Психологические механизмы защиты у больных с различными вариантами коморбидности панического расстройства // *Университетская наука: взгляд в будущее : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч. конф., посвящ. 83-летию Курского государственного медицинского университета : в 2 т. / под ред. В.А. Лазаренко. 2018. Т. 1. С. 65–69.*
23. Кoryтова Г.С., Еремина Ю.А. Защитно-совладающее поведение: ретроспективная реконструкция понятия // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2015. № 3 (156). С. 42–48.
24. Муравьева О.В., Разуваева Т.Н. Взаимосвязь компонентов структуры личности и копинг-механизмов у больных депрессией // *Научные ведомости БелГУ*. 2014. № 6 (177), вып. 21. С. 275–283.
25. Исаева Е.Р., Зуйкова Н.В. Защитно-совладающий стиль поведения больных депрессивными расстройствами // *Сибирский психологический журнал*. 2002. № 16-17. С. 84–88.

26. Аль-Джолбек Х., Ладик Б.Б., Пашков А.А. Личностно-психологические особенности больных с генерализованным тревожным расстройством и паническими атаками и их динамика в процессе лечения бемитилом // Вестник ВГМУ. 2003. № 2. С. 87–95.
27. Секунда Ю.И., Шпрах В.В. Особенности структуры панических атак в зависимости от типа личности пациентов // Сибирский медицинский журнал (Иркутск). 2006. № 7. С. 65–66.
28. Менделевич В.Д., Атаманов А.А. Анксиопатия и деморализация как специфические механизмы психологической защиты в рамках генерализованного тревожного и панического расстройств и их психопрофилактика // Практическая медицина. 2012. № 2. С. 109–113.
29. Савенко Ю.С. Что такое феноменологическое описание // Независимый психиатрический журнал. 2008. № 4. С. 19–26.
30. Погосов А.В., Погосова И.А., Богушевская Ю.В. Психосоматические расстройства : учеб. пособие. Курск : ГОУ ВПО КГМУ Росздрава, 2008. 210 с.

*Поступила в редакцию 19.02.2020 г.; повторно 14.09.2020 г.;
повторно 03.01.2021 г.; принята 29.04.2021 г.*

Пастух Инна Альбертовна – кандидат медицинских наук, доцент кафедры психиатрии и психосоматики Курского государственного медицинского университета Минздрава России.

E-mail: inchikp@yandex.ru

Феоктистова Елена Викторовна – ассистент кафедры психиатрии и психосоматики Курского государственного медицинского университета Минздрава России.

E-mail: lenarep@yandex.ru

Протопопова Мария Александровна – студент факультета клинической психологии Курского государственного медицинского университета Минздрава России.

E-mail: masha-proto@yandex.ru

Сирош Дарья Сергеевна – студент факультета клинической психологии Курского государственного медицинского университета Минздрава России.

E-mail: dasha_rimska@mail.ru

For citation: Pastukh, I.A., Feoktistova, E.V., Protopopova, M.A., Sirosh, D.S. Psychological Features of Patients with Comorbid Recurrent Affective and Panic Disorder. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology*. 2021; 80: 128–145. doi: 10.17223/17267080/80/7. In Russian. English Summary

Psychological Features of Patients with Comorbid Recurrent Affective and Panic Disorder

I.A. Pastukh^a, E.V. Feoktistova^a, M.A. Protopopova^a, D.S. Sirosh^a

^a *Kursk State Medical University, 3, K. Marksa Str., Kursk, 305041, Russian Federation*

Abstract

The paper presents data from the examination of 54 patients with combined mental pathology. The main group (MG) included 27 patients with comorbid recurrent affective and panic disorders. Patients (27 people) in the control group (CG) were diagnosed with independent affective disorder. The clinical and psychological parameters of the patients' personal sphere in the main and control groups were studied and analyzed. The trait profile of patients with MG is represented by disharmonious manifestations and significant peak rise in the

scales: “hypochondria”, “depression” and “psychasthenia”. According to the analysis conducted, the following personality characteristics were marked in patients with a combined variant of recurrent affective and panic disorders: inert thinking style, insecurity, high sensitivity, impressionability, dependence on the surrounding people’s opinion, suspiciousness, caution, discretion, high moral exactingness towards oneself and others, conscientiousness, comfort and diligence, unsociability, secrecy and isolation.

Besides, the relationship between personal characteristics and choice of protective and coping behavior in patients MG and CG was determined as part of the study. To reduce the discomfort caused by a stressful situation, the patients with MG used the following coping mechanisms: “escape-avoidance” and “acceptance of commitment”. In order to resolve inner experiences patients with a combined variant of recurrent affective and panic disorders use destructive mechanisms of personality psychological defense by the type “denial”, “suppression”, “regression” and “compensation”.

As part of the study conducted, the main psychocorrective targets were identified, including the components of defensive-coping patients’ behavior that showed manifestations of recurrent affective and panic disorders. The results obtained can be taken into account when developing a psychotherapeutic program aimed at harmonizing the personal profile of patients. In the course of psychotherapeutic correction, it is advisable to use methods of the cognitive-behavioral direction, relaxation techniques and breathing exercises.

The obtained results can be taken into account when developing a psychotherapeutic program aimed at harmonization of the patients’ personal profile. In the course of psychotherapeutic correction, the use of cognitive-behavioral methods, relaxation techniques and breathing exercises is advisable.

Keywords: recurrent affective disorder; comorbidity; panic disorder; personality; protective coping behavior.

References

1. WHO International Consortium in Psychiatric Epidemiology. (2000) Cross-national comparisons of the prevalence and correlates of mental disorders. *Bull World Health Organ*. 4(78). pp. 413–426.
2. Regier, D.A., Rae, D.S., Narrow, W.E. et al. (1998) Prevalence of anxiety disorders and their comorbidity with mood and addictive disorders. *British Journal of Psychiatry*. 173(34). pp. 24–28. DOI: 10.1192/S0007125000293483
3. Erichev, A.N. & Morgunova, A.M. (2009) *Sovremennye stressovye situatsii i vozniknovenie chuvstva trevogi. Kak nauchit'sya borot'sya. Prakticheskoe rukovodstvo* [Modern stressful situations and the emergence of feelings of anxiety. How to learn to fight. A Practical Guide]. St. Petersburg: SPb MAPO.
4. Roy-Byrne, P.P., Craske, G. & Stein, M. (2006) Panic disorder. *The Lancet*. 368 (9540). pp. 1023–1032.
5. Tsygankov, B.D., Dzhangildin, Yu.T. & Presnyakova, A.V. (2008) Clinical-psychopathological features of neurotic depression. *Psikhicheskoe zdorov'e*. 11. pp. 27–29.
6. Veltishchev, D.Yu., Kovalevskaya, O.B. & Seravina, O.F. (2017) Faktory riska i profilaktika rekurrentnosti depressii [Risk factors and prevention of recurrence of depression]. *Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S.S. Korsakova – S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry*. 117(6). pp. 120–125.
7. Rush, A.J., Zimmerman, M., Wisniewski, S.R. et al. (2005) Comorbid psychiatric disorders in depressed outpatients: demographic and clinical features. *Journal of Affective Disorders*. 87(1). pp. 43–55. DOI: 10.1016/j.jad.2005.03.005
8. Alpert, J.E. (2006) Improving depression outcome: New concepts, strategies and technologies. *Journal of Psychopharmacology*. 20(3). pp. 3–4. DOI: 10.1177/1359786806064304

9. Katon, W.W., Katon, J. & Russo, J. (2010) Major depression: the importance of clinical characteristics and treatment response to prognosis. *Depress. Anxiety*. 27. pp. 19–22. DOI: 10.1002/da.20613
10. Kazakovtsev, B.A., Sidoryuk, O.V., Zrazhevskaya, I.A. & Ovsyannikov, S.A. (2019) Regional'nye razlichiya v pokazatelyakh pervichnoy zabolevaemosti affektivnymi rasstroystvami [Regional differences in the rates of primary morbidity of affective disorders]. *Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S.S. Korsakova – S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry*. 119(1). pp. 10–16.
11. Andryushchenko, T.E., Zhivaeva, Yu.V. & Kalinovskaya, K.S. (2015) Predstavlenie o budushchem u lits s panicheskimi i trevozhno-fobicheskimi rasstroystvami [The concept of the future in persons with panic and anxiety-phobic disorders]. *Psikhologicheskoe zdorov'e cheloveka: zhiznenny resurs i zhiznenny potentsial* [Psychological human health: life resource and life potential]. Proc. of the Second International Conference. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Medical University. pp. 182–188.
12. Vertogradova, O.P., Dovzhenko, T.V., Stepanov, V.N. & Sinitsyn, V.N. (1996) Depressiya kak faktor somatizatsii i sotsial'noy dezadaptatsii [Depression as a factor of somatization and social maladjustment]. In: Dmitrieva, T.B. (ed.) *Sotsial'naya i sudebnaya psikiatriya: istoriya i sovremennost'* [Social and forensic psychiatry: history and modernity]. Moscow: Moscow Research Institute of Forensic and Social Psychiatry. pp. 104–106.
13. Pastukh, I.A. & Golozubova, K.N. (2019) Quality of life of patients with comorbid panic and depressive disorders during therapy. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii*. 1. pp. 6. (In Russian).
14. Pogosova, I.A. & Golozubova, K.N. (2017) Dynamics of psychological manifestations of comorbid panic and affective disorders during pharmacological and psychotherapeutic treatment. *Prakticheskaya meditsina – Practical Medicine*. 2(1). (102). pp. 40–44. (In Russian).
15. Maruta, N.A. (2013) Problema komorbidnosti v sovremennoy psikiatrii. Teoreticheskii, klinicheskii, terapevicheskii i organizatsionnye aspekty [The problem of comorbidity in modern psychiatry. Theoretical, clinical, therapeutic and organizational aspects]. *Zdorov'ya Ukraini*. 12. pp. 38–39.
16. Mosolov, S.N. (2007) *Trevozhnye i depressivnye rasstroystva: komorbidnost' i terapiya* [Anxiety and depressive disorders: comorbidity and therapy]. Moscow: Artinfo.
17. Mitikhina, I.A., Mitikhin, V.G., Yastrebov, V.S. & Limnkin, O.V. (2013) Psikhicheskoe zdorov'e naseleniya Rossiyskoy Federatsii v period 1992–2010 gg. [Mental health of the population in the Russian Federation in 1992–2010]. *Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S.S. Korsakova – S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry*. 9. pp. 4–13.
18. Gorbunova, A.A. & Kolyutskaya, E.V. (2014) Panicheskoe rasstroystvo i affektivnaya patologiya (aspekty komorbidnosti) [Panic disorder and affective pathology (aspects of comorbidity)]. *Psikiatriya*. 3(63). pp. 33–33a.
19. Kraepelin, E. (2004) *Vvedenie v psikiatricheskuyu kliniku* [Introduction to a psychiatric clinic]. Translated from German. Moscow: Meditsina.
20. Schneider, K. (1950) *Die psychopathischen Personlichkeiten*. 9. Aufl. Deuticke, Wien.
21. Kronmuller, K. & Backenstrass, M. (2002) Typus melancholicus personality type and the five-factor model of personality. *Psychopathology*. 35(2). pp. 327–334.
22. Pastukh, I.A. (2018) Psikhologicheskie mekhanizmy zashchity u bol'nykh s razlichnymi varian-tami komorbidnosti panicheskogo rasstroystva [Psychological mechanisms of defense in patients with various types of comorbidity of panic disorder]. In: Lazarenko, V.A. (ed.) *Universitetskaya nauka: vzglyad v budushchee* [University science: a view into the future]. Kursk: Kursk State Medical University. 1. pp. 65–69.
23. Korytova, G.S. & Eremina, Yu.A. (2015) Defensive-coping behaviour: retrospective reconstruction of concept. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 3(156). pp. 42–48. (In Russian).

24. Muravieva, O.V. & Razuvaeva, T.N. (2014) Vzaimosvyaz' komponentov struktury lichnosti i koping-mekhanizmov u bol'nykh depressiei [The interrelation of the components of the personality structure and coping mechanisms in patients with depression]. *Nauchnye vedomosti BelGU – Belgorod State University Scientific Bulletin*. 6(21). pp. 275–283.
25. Isaeva, E.R. & Zuykova, N.V. (2002) Zashchitno-sovsladayushchiy stil' povedeniya bol'nykh depressivnymi rasstroystvami [Protective coping style of behavior of patients with depressive disorders]. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 16-17. pp. 84–88.
26. Al-Dzholbek, Kh., Ladik, B.B. & Pashkov, A.A. (2003) Lichnostno-psikhologicheskie osobennosti bol'nykh s generalizovannym trevozhnym rasstroystvom i panicheskimi atakami i ikh dinamika v protsesse lecheniya bemitolom [Personal and psychological characteristics of patients with generalized anxiety disorder and panic attacks and their dynamics during treatment with bemitol]. *Vestnik VGMU – Vestnik of Vitebsk State Medical University*. 2. pp. 87–95.
27. Sekunda, Yu.I. & Shprakh, V.V. (2006) Osobennosti struktury panicheskikh atak v zavisimosti ot tipa lichnosti patsientov [The structure of panic attacks depending on the personality type of patients]. *Sibirskiy meditsinskiy zhurnal (Irkutsk)*. 7. pp. 65–66.
28. Mendelevich, V.D. & Atamanov, A.A. (2012) Anksiopatiya i demoralizatsiya kak spetsificheskie mekhanizmy psikhologicheskoy zashchity v ramkakh generalizovannogo trevozhnogo i panicheskogo rasstroystv i ikh psikhoprofilaktika [Anxiopathy and demoralization as specific mechanisms of psychological defense in the framework of generalized anxiety and panic disorders and their psychoprophylaxis]. *Prakticheskaya meditsina – Practical Medicine*. 2. pp. 109–113.
29. Savenko, Yu.S. (2008) Specification of Phenomenologic Description. *Nezavisimyy psikhiatricheskii zhurnal – Independent Psychiatric Magazine*. 4. pp. 19–26. (In Russian).
30. Pogosov, A.V., Pogosova, I.A. & Bogushevskaya, Yu.V. (2008) *Psikhosomaticheskie rasstroystva* [Psychosomatic Disorders]. Kursk: KSMU Roszdraz.

Received 19.02.2020; Revised 14.09.2020;
Revised 03.01.2021; Accepted 29.04.2021

Inna A. Pastukh – Associate Professor of the Department of Psychiatry and Psychosomatics, Kursk State Medical University. Cand. Sc. (Med.).

E-mail: inchikp@yandex.ru

Elena V. Feoktistova – assistant of the Department of Psychiatry and Psychosomatics, Kursk State Medical University.

E-mail: lenarep@yandex.ru

Maria Al. Protopopova – student of the Faculty of Clinical Psychology, Kursk State Medical University.

E-mail: masha-proto@yandex.ru

Daria S. Sirosh – student of the Faculty of Clinical Psychology, Kursk State Medical University.

E-mail: dasha_rimska@mail.ru

УДК 159.9

СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ И ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС ПРИ ГЕЛОТОФОБИИ В КОНТЕКСТЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ СТУДЕНТОВ

Е.О. Зяткова^а, И.Я. Стоянова^{а, б}, К.Г. Языков^{а, с}

^а Томский государственный университет, 634050, Россия, Томск, пр. Ленина, 36

^б Научно-исследовательский институт психического здоровья ТНИМЦ, 634014, Россия, Томск, ул. Алеутская, 4

^с Сибирский государственный медицинский университет Минздрава России, 634050, Томск, Московский тракт, 2

Анализируется гелотофобия у студентов первого, второго и третьего курсов во взаимосвязи с психологическими характеристиками жизнестойкости, психического напряжения и некоторыми чертами характера. Опросник GELOPH-15 позволяет установить степень выраженности страха насмешки (низкий (легкий), средний (умеренный) и высокий (выраженный) балл гелотофобии) в студенческой популяции. Установлено, что жизнестойкость способствует снижению стрессовых проявлений и уменьшает влияние негативных факторов, вызывающих страх в социально значимых ситуациях.

Ключевые слова: гелотофобия; смех; юмор; жизнестойкость; контроль; принятие риска; вовлеченность; стресс.

Введение

Системное исследование гелотофобии связано с не вполне устоявшейся традицией понимания сущности обозначенного явления как отношения к юмору или частного случая проявления социофобии. И в том и в другом случае важной составляющей феномена является рефлексия юмора. Исследователи отмечают, что юмор как способ самовыражения не только выступает в роли социального сплочения, но и, напротив, может быть средством исключения из группы. Он также является средством усиления или уменьшения статусных различий между людьми, выражения согласия и общительности, облегчения сотрудничества, укрепления солидарности и единства и, наоборот, несогласия и агрессии или подрыва власти и статуса. Самопрезентация юмора содержит четыре основных компонента: социальный, отражающий ситуацию и встречающийся при вербальном общении; когнитивно-перцептивный, связанный с обработкой информации и оцениванием ее как несерьезную, игривую или шутливую; эмоциональный, связанный с восприятием юмора в качестве приятного или радостного переживания; вокально-поведенческий, вызывающий смех и улыбку [1].

Исследователи гуманистического направления в психологии предполагают, что юмор является признаком здоровья и психологического благополучия и включает в себя следующие психологические функции:

- 1) способствует когнитивным и социальным выгодам, связанным с положительными эмоциями;
- 2) используется для установления социальной коммуникации и влияния;
- 3) снижает эмоциональное перенапряжение и помогает совладать со стрессом [2, 3].

В противовес этим представлениям о здоровье в случаях психических заболеваний страдает способность генерировать и воспринимать юмор. Так, например, нарушение узнавания и восприятия юмора свойственно больным шизофренией, а снижение способности получать удовольствие от юмора и самой способности смеяться характерны для пациентов с тревожными и депрессивными расстройствами.

Следует отметить, что психологические аспекты восприятия юмора являются актуальными в связи с изучением гелотофобии (патологический страх быть объектом насмешки). Впервые данный феномен выделил и описал на клиническом материале немецкий психотерапевт М. Титц [2], который обратил внимание на то, что страх насмешки для некоторых его пациентов является одной из основных характеристик, оказывающих негативное воздействие на их социальную жизнь. Он рассматривал гелотофобию как тревогу, связанную со стыдом и входящую в симптомокомплекс социофобии. Страх насмешки является следствием повторяющихся травмирующих переживаний, которые относятся к насмешкам или унижениям в детстве и юности. Первые признаки гелотофобии формируются в детском возрасте, причем главную роль играет взаимодействие с родителями: давление на ребенка со стороны родителей с целью устранить несоответствия поведения с принятыми нормами в семье, страх насмешки как следствие гиперопеки или формирование чувства вины и стыда в качестве меры воспитания. Гелотофобия в подростковом и юношеском возрасте имеет другой характер, так как этот возраст отличается личностной нестабильностью, алогичностью настроения и поведения [4–6].

На IV Международном гелотологическом конгрессе «Социальная природа смеха», прошедшем в Санкт-Петербургском государственном университете 25–27 мая 2017 г., Трейси Платт в своем докладе «Экстремальная гелотофобия: аффективные и физические реакции смеха» отметила, что гелотофобия связана с восприятием смеха как антисоциального явления, т.е. в ситуациях общения гелотофобы оценивают смех окружающих как один из способов критики. Они считают, что каждый их шаг высмеивается. Она подчеркивала, что гелотофобия является реакцией не только на смех, но и на шутку. Гелотофобы расценивают смех независимо от его намерения и направления как насмешку, ориентированную против них. Они считают себя смешными в глазах других и проявляют параноидальную чувствительность к смеху [7, 8].

Сосредоточенность на самопрезентации и озабоченность ею обуславливают самонаблюдение и строгий самоконтроль. Гелотофобы внимательно относятся к своему внешнему виду и поведению, дабы не дать лишних поводов для нежелательных суждений. Гелотофобия описывается как отсутствие спонтанности, живости, радости, привязанности, отмечаются эмоциональное онемение и бесчувственность, создавая впечатление холодности и равнодушия в межличностном взаимодействии [9].

Различного рода ситуации оценивания способствуют возникновению страха и тревоги, для которых присуща фиксированная избирательная концентрация внимания на образе себя в глазах окружающих. Тревога перед различными опасностями проявляется чувствами беспомощности и неуверенности. Она проявляется опасением в ситуациях, когда под угрозой оказывается ценность, актуальная для существования личности по ощущению самого человека – нормальная тревога. На уровне сознания с ней можно работать, ее можно прорабатывать. И если объективная ситуация изменяется, то тревога уйдет сама. Наоборот, если попытаться вытеснить тревогу, устранить ее, то в этом случае она преобразовывается из нормальной тревоги в невротическую. Невротическая тревога возникает в результате неспособности принять нормальную тревогу и является свидетельством того, что человеку не удалось соответствующим образом совладать с предыдущим кризисом. Стремление к полному избеганию тревоги ведет к избеганию жизни вообще, потере ее смысла [10–12].

Дисфункциональные убеждения о себе как неловком исходят из роли «Я – объект оценивания». Концентрация внимания формирует отрицательное подкрепление, дает ошибочное подтверждение мыслей о восприятии и оценке окружающих. Тревога сопровождается физиологическими процессами (тремор, учащенное сердцебиение, головокружение и т.д.), и данные проявления могут возникнуть как при осознаваемой, так и при неосознанной тревоге. Эти проявления могут не остаться незамеченными другими и также будут восприниматься в негативном ключе [12, 13].

Ближайшей перспективой можно обозначить стратегию системных исследований гелотофобии. Во-первых, это исследование гелотофобии с позиций системных представлений о психологическом здоровье, во-вторых – с позиций представлений об индивидуальных характерологических чертах личности.

Искаженное трактование ситуаций, связанных с юмором, способствует ослаблению социального взаимодействия, так как индивид постоянно ожидает презрения и неприятия со стороны окружающих. Страх насмешки вызывает у него трудности в дифференциации дружеского и враждебного смеха, поэтому адекватное чувство юмора выступает признаком высокого уровня психологического здоровья [4, 14], основу которого составляет развитие личностной индивидуальности, что является одним из значимых состояний личности и относится к ее духовному развитию. Становление психологического здоровья происходит на каждом этапе онтогенеза за счет обучения, развития и воспитания, и фундаментом этого становления явля-

ются социальные институты (семья, детский сад, школа, вуз и т.д.), т.е. общество в целом. Психологическое здоровье на стадии обучения должно организовать становление учащегося как субъекта развития и саморазвития. Психологическое здоровье, в понимании И.В. Дубровиной, обозначается как психологическое свойство развитой личности, которое связано с нравственным развитием человека [15–17]. С точки зрения автора, данное понятие определяется такими критериями, как позитивная Я-концепция, способность планировать свою деятельность, уровень эмоционально-волевой и познавательной сфер личности, адекватный возрасту, способность к саморегуляции психических состояний, рефлексии и эмпатии, сформированность навыков общения, самокритичность и самостоятельность [18].

В представлениях исследователей гуманистического направления психологическое здоровье рассматривается через стремление к самоактуализации (А. Маслоу), как образ психологически зрелой (Г. Олпорт) и полноценно функционирующей личности (К. Роджерс). Ему свойственны удовлетворение экзистенциальных потребностей (В. Франкл), овладение смыслом собственной жизни (Ш. Бюллер), а также удовлетворение возрастных потребностей на каждом этапе личностного развития (Л.С. Выготский). Психологическое здоровье трактуется как показатель психосоциальный, связанный с восприятием и оценкой своего социального благополучия, удовлетворенностью жизнью и потребностями, а также реализацией жизненных планов. Этот феномен формируется на протяжении жизни, начиная с детского возраста, и главная задача человека – его сохранение. Нормой для психологического здоровья является наличие личностных характеристик, которые позволяют адаптироваться к социуму, но кроме этого – способствовать его развитию. В противоположность данным проявлениям возникают сложности развития жизнедеятельности [19, 20].

В образовательной среде учебный процесс связан с высокой стрессорной нагрузкой, а дополнительное воздействие стресс-факторов усиливает эту нагрузку. Стресс характеризуется напряжением, которое выступает следствием негативного воздействия на психические функции человека. В процессе обучения при стрессовых воздействиях возникают изменения эмоциональной, когнитивной, поведенческой и мотивационной сфер деятельности. Происходят изменения и на физиологическом уровне – учащается сердцебиение, появляются тревога, страх, раздражительность, повышается утомляемость, что, в свою очередь, способствует снижению стрессоустойчивости. Стрессоустойчивость выражает способность человека успешно реализовывать свою деятельность в сложных жизненных условиях [21, 22].

Одним из ресурсов, способствующих стрессоустойчивости, является жизнестойкость, которая характеризуется как система убеждений о себе, о мире, об отношениях с миром и препятствует возникновению внутреннего напряжения [23, 24]. Понятие жизнестойкости в теоретическом плане входит в систему понятий экзистенциальной теории личности, выступая

операционализацией экзистенционального мужества. Жизнестойкость рассматривается как совокупность взаимосвязанных компонентов вовлеченности, контроля и принятия риска, которая обеспечивает экзистенциальное мужество и мотивацию для того, чтобы превратить стрессовые обстоятельства из потенциальных угроз в рост возможностей. Для преодоления стрессовых обстоятельств, данные компоненты рассматриваются:

- как вовлеченность, а не избегание или отрицание трудных жизненных ситуаций (здесь помогает компонент «вовлеченность»);

- как решаемые проблемы, а не затруднения в преодолении препятствий (здесь помогает компонент «контроль»);

- как непосредственное давление на развитие, а не катастрофические неудачи (здесь помогает компонент «принятие риска») [25].

В представлениях С. Мадди, жизнестойкость человека при сохранении внутреннего баланса способствует преодолению стрессовой ситуации, не ограничивая успешность деятельности. Жизнестойкость включает три компонента – вовлеченность, контроль и принятие риска. Выраженность этих компонентов имеет значение для сохранения здоровья, работоспособности и активности в стрессовых ситуациях [25, 26].

Вовлеченность – это «убежденность в том, что участие в происходящем дает максимальный шанс найти нечто стоящее и интересное для личности», способность человека получать удовольствие от собственной деятельности.

Контроль – «убежденность в том, что борьба способствует воздействию на результат происходящего, несмотря на то что это влияние не абсолютно и не гарантирует успех». Индивид чувствует, что самостоятельно выбирает деятельность.

Принятие риска – «убежденность в том, что, независимо от того, какой опыт был получен – позитивный или негативный, он так или иначе способствует развитию человека за счет знаний, извлекаемых из этого опыта. Человек для приобретения опыта готов идти на риск, несмотря на отсутствие гарантий успеха. Высокая жизнестойкость в сочетании с этими характеристиками блокирует проявление внутреннего напряжения в стрессогенных условиях» [23].

В период обучения студенты могут настолько переживать свои академические успехи, бояться разочаровать близких или себя, что начинают испытывать страх и избегать неудачи, связанные с обучением, и, как следствие, возникает тревога. Затруднение в восприятии положительных характеристик смеха в ситуациях, когда делаются юмористические комментарии другими студентами или преподавателем, могут интерпретироваться как пугающие и вызывать чувство стыда; такие студенты кажутся слишком тихими и стараются по возможности избегать участия даже в минимальных обсуждениях темы [27].

В молодежной среде страх насмешки в различных ситуациях вызывает психическое напряжение, тревогу, оказывает негативное влияние не только на жизнедеятельность индивида, но и на его профессионализацию, а также

на реализацию жизненных планов. Фактически поступление и обучение в вузе приводит к полной смене привычного уклада жизни, происходят вхождение в новую, непривычную окружающую обстановку, становление нового социального статуса, – все это способствует адаптации к новым условиям жизнедеятельности [28]. Поэтому в образовательной среде психологическое сопровождение учащихся является необходимым условием развития личности, жизнедеятельности, а также становления профессионального самосознания. Психологическое сопровождение включает в себя комплекс операций, таких как психодиагностическая работа, психологическое просвещение, психокоррекционная работа.

В психотерапевтической и консультативной практике отмечается несколько подходов к применению юмора. Различные теоретические школы – психоаналитическая, бихевиоризм, гуманистическая, когнитивная, рационально-эмотивная и др. – обращают внимание на психотерапевтический эффект юмора. В одних концепциях акцент делается на формирование точки зрения на проблему через юмор, что ведет к развитию стратегии совладания, опосредованной юмором. В других отмечается использование основанных на юморе определенных методов для формирования здорового образа жизни [29]. Следовательно, юмор выступает в роли совладания с ситуациями, вызывающими затруднения.

Исследование гелотофобии в образовательной среде представляет особую важность, поскольку процесс обучения, предпрофессионализация как фактор жизнеосуществления являются психологически трудными событиями жизнедеятельности.

Цель исследования – изучение проявления страха насмешки и его влияния на компоненты психологического здоровья у студентов как фактора предрасположенности к психическому нарушению здоровья.

Предметом настоящего исследования обозначена гелотофобия в представлении концепций психологического здоровья и характерологических черт личности. Были поставлены три задачи: во-первых, определить различия проявления гелотофобии в зависимости от длительности обучения и пола; во-вторых, установить связи между переменными характерологических особенностей личности и уровнем гелотофобии; в-третьих, определить связи между компонентами психологического здоровья (жизнестойкость, стрессоустойчивость) и уровнем гелотофобии.

В рамках решения первой задачи учитывались длительность обучения и пол студентов согласно гипотетической модели о различии изменчивости уровня гелотофобии с увеличением продолжительности обучения и принадлежности к полу. В рамках решения второй задачи тестировалась гипотеза о связи высокого уровня гелотофобии с астеническими и эпилептоидными характерологическими чертами личности. В рамках решения третьей задачи строилась гипотетическая модель о том, что уровни стрессогенности прямым образом, а жизнестойкости обратным образом коррелируют с уровнем выраженности гелотофобии у студентов первых трех курсов обучения.

Материалы и методы исследования

Выборка исследования составила 211 студентов (126 юношей, 85 девушек) разных вузов г. Томска, очной формы обучения, с первого по третий курс (1-й курс – 123 студента, 2-й курс – 52, 3-й курс – 36 студентов), в возрасте от 17 до 22 лет ($M = 18,97$, $SD = 1,41$). Исследование проводилось на базе Томского государственного университета, Томского политехнического университета, Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. Использовались тестовые материалы на бумажных носителях. Студентам предоставлялась информация о процедуре исследования, его цели, а также инструкции к каждой методике в письменной и устной форме.

Программа психодиагностики включала следующие методики:

1. Опросник «Инвентаризация симптомов стресса» (Иванченко и соавт., 1994) – предназначен для исследования стрессовых признаков и степени их проявления (Куприянов и соавт., 2012).

2. Шкала гелотофобии «GELOPH-15» В. Руха и Р.Т. Проьера (Русскоязычный вариант Стефаненко, 2011) – оценивает страх казаться объектом насмешки.

3. Характерологический опросник (Мещерякова, 1993) – предназначен для определения доминирующих черт характера и акцентуаций.

4. Тест жизнестойкости С. Мадди (русскоязычный вариант – Леонтьев, 2006) – предназначен для диагностики жизнестойкости как системы убеждений личности о себе, мире, отношениях с ним.

Для обработки и анализа данных использовались статистические методы: частотный анализ, корреляционный анализ (ранговый γ -критерий Спирмена), U -критерий Манна–Уитни, t -критерий Стьюдента, H -критерий Крускала–Уоллиса). Статистический анализ данных проводился в программе Statistica 10.

Результаты исследования

В ходе выполнения эмпирического исследования ($N = 211$) из общего балла по методике «шкала гелотофобии GELOPH-15» были выделены такие рубрики шкалы, как низкая (легкая от 0 до 20 баллов), средняя (умеренная от 21 до 40 баллов) и высокая степени гелотофобии (выраженная от 41 балла и выше). Проведен частотный анализ ответов студентов по вышеописанной методике. Полученные данные показывают, что в студенческой популяции наибольшая частота ответов приходится на умеренное проявление гелотофобии (71%) (легкая – 16%, выраженная – 10%, 3% не дали ответа (рис. 1)).

С помощью корреляционного анализа R-Спирмена была выявлена значимая связь между шкалой гелотофобии GELOPH-15 и опросником на инвентаризацию симптомов стресса ($r = 0,491$ при $p < 0,05$). Полученные данные свидетельствуют о том, что на фоне учебной нагрузки гелотофоби-

ческая симптоматика сопровождается психическим напряжением или переживаниями в социально значимых для студента ситуациях.

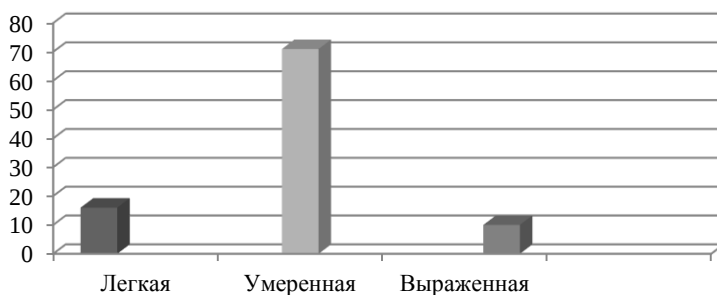

Рис. 1. Частота ответов на вопрос о проявлениях страха насмешки у студентов по шкале GELOPH-15

С целью анализа выраженности проявления гелотофобии среди студентов разных курсов проведено сравнение результатов выполнения задания между студентами первых трех курсов. С помощью H-критерия Крускала–Уоллиса при сравнении результатов заполнения опросника «шкала гелотофобии GELOPH-15» было установлено, что страх насмешки в трех группах студентов разных курсов обучения статистически значимо не различается ($\chi^2 = 3,05$; $p < 0,05$). Результаты проведенного исследования показывают, что студенты разных курсов имеют одинаковый уровень проявления гелотофобии, что, в свою очередь, указывает на отсутствие связи между длительностью обучения и гелотофобией.

Для определения статистически достоверных различий выполнен сравнительный анализ результатов между группами девушек и юношей на наличие страха насмешки, которые были получены при выполнении методики «шкала гелотофобии GELOPH-15», с использованием U-критерия Манна–Уитни. Полученные данные показали статистически значимые различия ($U = 4436,5$, $p = 0,03$) между девушками и юношами в выраженности гелотофобии (рис. 2). Представленные показатели свидетельствуют о том, что проявление гелотофобической симптоматики более характерно для девушек.

Для выявления закономерностей распределения величины гелотофобии (GELOPH-15), стресса (опросник «Инвентаризация симптомов стресса»), доминирующих черт характера и акцентуаций (Характерологический опросник), а также жизнестойкости в группах девушек и юношей проанализированы показатели асимметрии и эксцесса (табл. 1). У девушек эти показатели (по опроснику GELOPH-15) находятся в пределах допустимой нормы (по модулю меньше стандартной ошибки), что доказывает нормальность распределения. При инвентаризации симптомов стресса показатели асимметрии свидетельствуют о нормальном распределении, значения эксцесса демонстрируют небольшое искажение, что свидетельствует о незначительных нарушениях закона нормальности. Показатели асимметрии

и эксцесса по шкалам «циклоидность», «сензитивность» и «неустойчивость» (Характерологический опросник) находятся в пределах допустимой нормы. Показатели асимметрии шкал лабильности, астеничности и психоастеничности свидетельствуют о нормальном распределении, значения эксцесса демонстрируют отклонение от нормы (по модулю больше стандартной ошибки). Показатели асимметрии и эксцесса шкал «общий балл жизнестойкости» и «контроль» (по Опроснику жизнестойкости) находятся в пределах допустимой нормы.

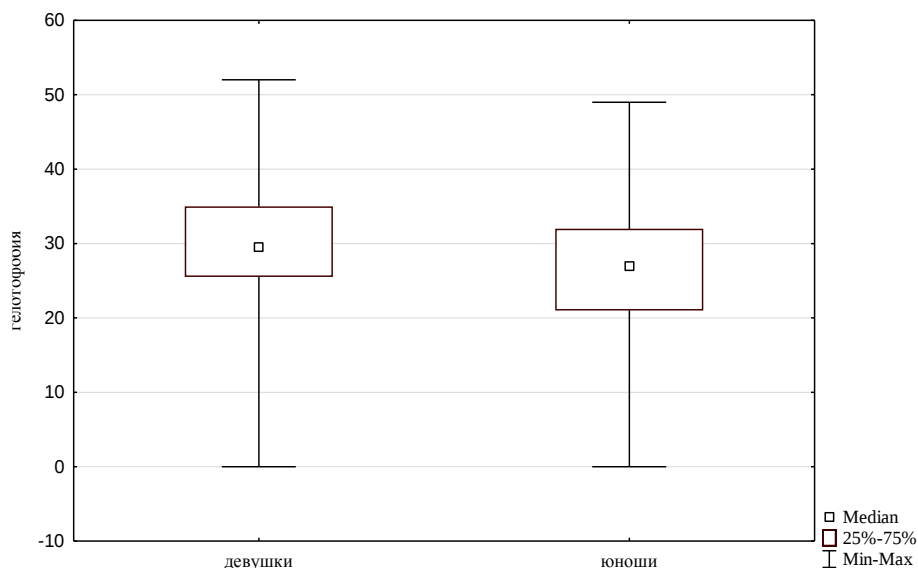

Рис. 2. Значения показателей шкалы GELOPH-15

Таблица 1

Описательная статистика

	N	M	SD	AS	Std. Err. AS	EX	Std. Err. EX
<i>Шкала гелотофобии «GELOPH-15»</i>							
Средний балл (умеренный уровень) гелотофобии							
Девушки	63	30,4	4,85	0,001	0,302	-0,252	0,595
Юноши	87	28,4	4,95	0,399	0,258	-0,556	0,511
Инвентаризация симптомов стресса							
Девушки	84	46,5	8,35	-0,441	0,262	0,512	0,519
Юноши	124	41,3	8,21	0,473	0,217	0,106	0,431
<i>Характерологический опросник</i>							
Циклоидность							
Девушки	85	9,5	3,03	-0,397	0,261	0,304	0,516
Юноши	126	8,2	2,9	0,014	0,216	-0,481	0,428
Лабильность							
Девушки	85	10,4	2,78	-1,047	0,261	1,830	0,516
Юноши	126	8,8	2,85	-0,000	0,215	-0,493	0,428

Окончание табл. 1

	N	M	SD	AS	Std. Err. AS	EX	Std. Err. EX
Сензитивность							
Девушки	85	9,6	3,09	-0,319	0,261	0,029	0,516
Юноши	126	8,5	3,08	0,129	0,215	-0,591	0,428
Астеничность							
Девушки	85	10,7	3,07	-0,842	0,261	1,040	0,516
Юноши	126	8,7	2,74	0,008	0,215	-0,443	0,428
Психоастеничность							
Девушки	85	10,4	2,45	-1,304	0,261	3,617	0,516
Юноши	126	9,7	2,22	0,539	0,215	-0,385	0,428
Неустойчивость							
Девушки	85	7,8	2,75	0,214	0,261	0,805	0,516
Юноши	126	8,6	2,25	0,347	0,215	0,252	0,428
Тест жизнестойкости							
Общий балл жизнестойкости							
Девушки	85	72,6	20,28	0,175	0,261	-0,331	0,516
Юноши	126	79,3	19,72	-0,208	0,215	0,493	0,428
Контроль							
Девушки	85	25,5	7,84	0,285	0,261	0,095	0,516
Юноши	126	29,7	8,41	-0,277	0,215	0,405	0,428

Примечание. N – количество респондентов; M – среднее; SD – среднее квадратическое отклонение; AS – асимметрия, Std. Err. AS – стандартная ошибка асимметрии; EX – эксцесс, Std. Err. EX – стандартная ошибка эксцесса.

В группе юношей показатели асимметрии и эксцесса гелотофобии (по опроснику GELOPH-15) находятся в пределах допустимой нормы. Показатели асимметрии демонстрируют отклонение от нормы (по модулю больше стандартной ошибки), значения эксцесса свидетельствуют о нормальном распределении (по модулю меньше стандартной ошибки) по опроснику инвентаризация симптомов стресса. Показатели асимметрии и эксцесса по шкалам «циклоидность», «лабильность», «сензитивность» и «астеничность» (Характерологический опросник) находятся в пределах допустимой нормы. Показатели асимметрии шкал «психоастеничность» и «неустойчивость» демонстрируют отклонение от нормы (по модулю больше стандартной ошибки), значения эксцесса находятся в пределах допустимой нормы. Показатели асимметрии и эксцесса шкал «общий балл жизнестойкости» и «контроль» (по Опроснику жизнестойкости) находятся в пределах допустимой нормы.

Сравнение средних значений с использованием t-критерия Стьюдента в женской и мужской выборках позволило выделить достоверные различия по ряду показателей (табл. 2). Так, в женской выборке выше значения показателей шкал «средняя степень гелотофобии», «стресс», «циклоидность», «лабильность», «сензитивность», «астеничность» и «психоастеничность». В мужской выборке оказались выше значения показателей шкал «неустойчивость», «общий балл жизнестойкости» и «контроль». Таким образом, для девушек более характерно, что в социально значимых ситуациях они с трудом переносят негативные ситуации. Юноши, напро-

тив, при наличии внутреннего баланса способны переносить стрессовые ситуации.

Таблица 2

**Значение показателей шкал различия по t-критерию
в женской и мужской выборках**

Методики	Шкалы	Девушки (N = 85)		Юноши (N = 126)		t	df	p
		M	SD	M	SD			
Шкала гелотофобии «GELOPH-15»	Средний балл (умеренный уровень) гелотофобии	30,4	4,85	28,4	4,95	2,4	148	0,02
Инвентаризация симптомов стресса	Стресс	46,5	8,35	41,3	8,21	3,8	209	0,00
Характерологи- ческий опрос- ник	Циклоидность	9,5	3,03	8,2	2,9	2,9	209	0,00
	Лабильность	10,4	2,78	8,8	2,85	3,8	209	0,00
	Сензитивность	9,6	3,09	8,5	3,08	2,5	209	0,01
	Астеничность	10,7	3,07	8,7	2,74	4,8	209	0,00
	Психоастенич- ность	10,4	2,45	9,7	2,22	2,1	209	0,03
	Неустойчивость	7,8	2,75	8,6	2,25	-2,3	209	0,02
Тест жизне- стойкости	Общий балл жизнестойкости	72,6	20,28	79,3	19,72	-2,4	209	0,02
	Контроль	25,5	7,84	29,7	8,41	-3,7	209	0,00

Примечание. N – количество респондентов; M – среднее, SD – среднее квадратическое отклонение; df – число степеней свободы; p – уровень статистической значимости различий.

Следующим шагом исследования стало проведение корреляционного анализа с помощью рангового критерия Спирмена между шкалами характерологического опросника с показателем «общий балл» по шкале гелотофобии, а также средней и низкой степенью (баллом) гелотофобии.

Полученные результаты указывают, что некоторые шкалы характерологического опросника, такие как «циклоидность» ($r = 0,292$, $r = 0,279$ при $p < 0,05$), «сензитивность» ($r = 0,359$, $r = 0,238$ при $p < 0,05$), «астеничность» ($r = 0,344$, $r = 0,326$ при $p < 0,05$), «психоастеничность» ($r = 0,307$, $r = 0,194$ при $p < 0,05$) значимо взаимосвязаны с общим и средним баллом гелотофобии. В свою очередь, шкалы характерологического опросника «лабильность» ($r = 0,169$, при $p < 0,05$), «эпилептоидность», «эпитимность» ($r = 0,224$, при $p < 0,05$), «шизоидность» ($r = 0,154$, при $p < 0,05$) коррелируют только с общим баллом гелотофобии.

Для уровня низкой степени проявления гелотофобии обнаружена значимая корреляция только со шкалой характерологического опросника «неустойчивость» ($r = 0,432$, при $p < 0,05$). Следовательно, индивидуально-психологические особенности характера с ярко выраженными отдельными чертами в итоге способствуют уязвимости к различного рода ситуациям вкпе с проявлением гелотофобической симптоматики. Наряду с этим

необходимо отметить, что не было обнаружено корреляции между уровнем, характеризующимся высокими баллами гелотофобии, и шкалами характерологического опросника.

Для оценки взаимосвязи между уровнем гелотофобии и показателем жизнестойкости как психологическим ресурсом совладания со сложными ситуациями использовался корреляционный анализ с помощью рангового критерия Спирмена. С применением данного статистического метода была обнаружена значимая отрицательная взаимосвязь между общим баллом гелотофобии, а также умеренной и выраженной степенью проявления гелотофобии с жизнестойкостью и ее компонентами. Результат показал, что не только жизнестойкость значимо отрицательно коррелирует с общим, средним и высоким баллом гелотофобии ($r = -0,551$, $r = -0,499$, $r = -0,477$ при $p < 0,05$), но и ее компоненты – вовлеченность ($r = -0,516$, $r = -0,447$, $r = -0,534$ при $p < 0,05$) и контроль ($r = -0,449$, $r = -0,382$, $r = -0,499$ при $p < 0,05$). Компонент жизнестойкости «принятие риска» значимо отрицательно коррелирует только с общим и средним баллом гелотофобии ($r = -0,551$, $r = -0,399$ при $p < 0,05$). Помимо этого, результаты анализа показали отсутствие взаимосвязи между низким баллом гелотофобии и жизнестойкостью с ее компонентами. Исходя из этого можно заключить, что на фоне высокой жизнестойкости гелотофобическая симптоматика не проявляется за счет умения индивида использовать в свою пользу доступные ресурсы – внутренний баланс, поддержку семьи, друзей и т.д.

Обсуждение результатов исследования

На первом этапе статистической обработки данных был проведен частотный анализ ответов по опроснику «Шкала гелотофобии GELOPH-15» по всей выборке независимо от пола. Полученные данные показывают преобладание средней степени выраженности страха насмешки у студентов в образовательной среде. Тем не менее при помощи критерия Н-Крускала–Уоллиса обнаружено, что гелотофобия у студентов трех курсов не различается. Предположительно, это зависит от не слишком большой разницы в возрасте. Чтобы получить точные результаты, необходимо проведение дальнейших исследований. Однако сравнительный анализ разграничения выборки (девушки и юноши) с помощью U-критерия Манна–Уитни показал, что проявлению страха насмешки наиболее подвержены девушки. Вероятно, данное явление связано с тем, что девушки в этом возрасте наиболее восприимчивы к окружающей обстановке.

Сравнительный анализ различий (с помощью t-критерия Стьюдента) позволил установить, что в женской выборке более выражены показатели по шкале «стресс», которые указывают на наличие психического напряжения и низких ресурсов совладания с ним. В социально значимых ситуациях имеют место преувеличение, острая реакция на предстоящие события, в результате чего формируется повышенная сензитивность к различным психогенным факторам. Также для женской выборки в большей степени

свойственны возникновение страха насмешки, неустойчивость настроения, высокая астеничность и неуверенность в собственных силах и действиях. Юноши, напротив, склонны к приспособлению к окружающей обстановке, у них в сложных ситуациях не возникает чувства беспомощности, а при наличии внутреннего баланса они способны переносить стрессовые ситуации.

В настоящем исследовании проводился корреляционный анализ взаимосвязи гелотофобии и наличия стресса с применением г-Спирмена на основе выявленных с помощью Опросника инвентаризации симптомов стресса. Результаты показали, что стрессовые состояния возникают из страха быть объектом смеха и сопровождаются эмоциональными переживаниями. Студенческие годы являются значимым фактором становления не только индивидуальности, но предпрофессиональных особенностей будущего специалиста в своей области, поэтому в студенческой популяции академическая нагрузка зачастую сопровождается стрессовыми проявлениями и может стать предиктором возникновения гелотофобии в социально значимых ситуациях.

Корреляция г-Спирмена между шкалами Характерологического опросника показала значимую взаимосвязь с общим, средним и низким баллом гелотофобии. Данный метод позволил установить, что повышенная восприимчивость, неустойчивость настроения в социально значимых ситуациях, утомляемость и раздражительность от происходящих событий, неуверенность в собственных действиях и замкнутость, стремление избегать психотравмирующих ситуаций в силу ошибочной дифференциации смеха или улыбки сопровождаются гелотофобической симптоматикой. Однако следует отметить, что при неустойчивом типе акцентуации характера, который характеризуется высокими коммуникативными навыками, наличием мотивации, направленной на получение удовольствия, новых ощущений, присуща легкая степень страха насмешек.

С помощью корреляционного анализа на выборке студентов трех курсов выявлена значимая отрицательная взаимосвязь между общими, средними и высокими характеристиками гелотофобии. При этом не выявлено взаимосвязи между низким уровнем гелотофобии и жизнестойкостью с ее компонентами. Установлено, что при высокой жизнестойкости в совокупности с компонентами вовлеченности, контроля и принятия риска у молодых людей формируется барьер, который препятствует возникновению внутреннего напряжения, выстраиваются стратегии поведения, способствующие работоспособности, активной деятельности, что, в свою очередь, не допускает гелотофобической симптоматики в стрессогенных условиях.

Таким образом, в образовательной среде в процессе учебной деятельности, которая нередко сопровождается стрессами, способствующими гелотофобии в силу высокой сензитивности, астеничности и искаженной трактовки смеха и юмора, формируется тенденция к избеганию взаимодействия с окружающими. Необходимо отметить, что психологическая помощь, направленная на преодоление гелотофобии, является внешним ресурсом, способствующим сохранению психологического здоровья студентов.

Заключение

В результате проведенного исследования получена новая психологическая информация о том, что студенты трех курсов одинаково испытывают страх насмешки. При этом гелотофобия чаще проявляется у девушек, нежели у юношей. Установлено, что между гелотофобией и психологическими компонентами, характеризующими психологическое здоровье, а именно жизнестойкостью, инвентаризацией симптомов стресса и характерологическими чертами молодых людей, имеется взаимосвязь. Страх быть объектом насмешки у студентов сопровождается эмоциональным перенапряжением, что влечет за собой неуверенность в собственных действиях, стремление избегать контактов с окружающими, повышенную чувствительность к шуткам и смеху. Высокий уровень жизнестойкости с присущими ей компонентами (вовлеченность, контроль и принятие риска) способствует совладанию со стрессогенными факторами и гелотофобической симптоматикой в социально значимых ситуациях.

Полученные на выборке студентов результаты позволяют рассматривать гелотофобию как предрасположенность к нарушениям адаптации, психологического и психического здоровья. Предрасположенность рассматривается через концепцию диспозиционной регуляции социального поведения личности (В.А. Ядов), которая определяет диспозицию личности как «фиксированные в ее социальном опыте предрасположенности воспринимать и оценивать условия деятельности, а также действовать в этих условиях определенным образом» [30]. Дальнейшая работа в этом направлении позволит разработать программу психологического сопровождения студентов.

Литература

1. Martin R.A. The Psychology of Humor: an Integrative Approach. Elsevier Academic Press, 2007. 472 p.
2. Иванова Е.М., Ениколопов С.Н. Психопатология и чувство юмора // Современная терапия психических расстройств. 2009. № 1. С. 19–24.
3. Мартин Р. Психология юмора : пер. с англ. / под ред. Л.В. Куликова. СПб. : Питер, 2009. 480 с.
4. Иванова П.О., Иванова Е.М. Апробация русскоязычной версии опросника сценариев дружелюбного подшучивания и агрессивного высмеивания (ОСПВ) Т. Платт // Клиническая и специальная психология. 2019. Т. 8, № 2. С. 140–158.
5. Иванова Е.М., Макогон, И.К., Стефаненко, Е.А., Ениколопов, С.Н., Пройер, Р.Т., Рух В. Русскоязычная адаптация опросника гелотофобии, гелотофилии и катагелластизма РНОРНИКАТ // Вопросы психологии. 2016. № 2. С. 162–172.
6. Platt T., Ruch W., Proyer R.T. A lifetime of fear of being laughed at An aged perspective // Zeitschrift für Gerontologie und Geriatrie. 2010. № 43. S. 36–41. DOI: 10.1007/s00391-009-0083-z.
7. Просыпкина В.О., Троицкий С.А. Круглый стол «Социальные исследования юмора и смеха: основные направления, перспективы, терминология и методология» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. 20, № 3. С. 205–210.
8. Brauer K., Proye, R.T. Is it me or the circumstances? Examining the relationships between individual differences in causal attributions and dispositions toward ridicule and being

- laughed at // *Personality and Individual Differences*. 2020. Vol. 165. P. 110–135. DOI: 10.1016/j.paid.2020.110135.
9. Radomska A., Tomczak J. Gelotophobia, self-presentation styles, and psychological gender // *Psychological Test and Assessment Modeling*. 2010. Vol. 52 (2). P. 191–201.
 10. Леонтьев Д.А. Экзистенциальная тревога и как с ней бороться // *Московский психотерапевтический журнал*. 2003. № 2. С. 107–119.
 11. Мэй Р. Смысл тревоги. М. : Класс, 2001. 379 с.
 12. Сагалакова О.А., Стоянова И.Я. Когнитивно-перцептивная избирательность и регуляция социальной тревоги в ситуациях оценивания // *Известия Алтайского государственного университета*. 2015. Т. 1, № 3. С. 75–80. DOI: 10.14258/izvasu(2015)3.1-13.
 13. Стефаненко Е.А. Психологические особенности гелотофобии (страха насмешки) при шизофрении и аффективных расстройствах : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.04. М., 2014. 156 с.
 14. Torres-Marín J., Carretero-Dios H., Acosta A., Lupiáñez J. Eye contact and fear of being laughed at in a gaze discrimination task // *Frontiers in Psychology*. 2017. Vol. 8. P. 14. Article 1954. DOI: 10.3389/fpsyg.2017.01954.
 15. Артюхова Т.Ю., Петрова Т.И. Контекст рассмотрения психологического здоровья как основание понимания его содержания // *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева*. 2017. С. 109–116. DOI: 10.25146/1995-0861-2017-42-4-26.
 16. Дубровина И.В. Психическое и психологическое здоровье в контексте психологической культуры личности // *Вестник практической психологии образования*. 2009. № 3 (20). С. 17–21.
 17. Дубровина И.В. Психологическое здоровье личности в контексте возрастного развития // *Развитие личности*. 2015. № 2. С. 67–95.
 18. Скуднова Т.Д. Психологическое здоровье человека: междисциплинарный подход // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2018. № 3. С. 217–222. DOI: 10.22394/2079-1690-2018-1-3-217-222.
 19. Абдулаева П.З., Османова А.А. Психология здоровья – как новое научное понятие, которое необходимо для полноценного функционирования человека в социуме, что определяет неразделимость телесного и психического // *Медицинские науки: научное обозрение*. 2017. № 1. С. 5–11.
 20. Шувалов А.В. Психологическое здоровье человека // *Вестник ПСТГУ. IV: Педагогика. Психология*. 2009. Вып. 4 (15). С. 87–101.
 21. Курясов И.А. Стресс и стрессоустойчивость студентов // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Экология и безопасность жизнедеятельности*. 2013. № 5. С. 64–67.
 22. Мельников В.И. Стресс студентов и методы его коррекции // *Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: гуманитарные исследования*. 2018. № 1 (3). С. 86–92.
 23. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М. : Смысл, 2006. 63 с.
 24. Maddi S.R., Harvey R.H., Khoshaba D.M. The Personality Construct of Hardiness, IV: Expressed in Positive Cognitions and Emotions Concerning Oneself and Developmentally Relevant Activities // *Journal of Humanistic Psychology*. 2009. Vol. 49. № 3. P. 292–305. DOI: 10.1177/0022167809331860.
 25. Maddi S.R. Hardiness: An operationalization of existential courage // *Journal of Humanistic Psychology*. 2004. Vol. 44, № 3. P. 279–298. DOI: 10.1177/0022167804266101.
 26. Подколзина Л.Г. Взаимосвязь жизнестойкости и показателей социально-психологической адаптации студентов // *Научный альманах*. 2016. № 4-4 (18). С. 222–225.
 27. Bledsoe T.S., Baskin J.J. Recognizing Student Fear: The Elephant in the Classroom // *College teaching*. 2014. P. 32–41. DOI: 10.1080/87567555.2013.831022.
 28. Сворцов В.Н., Маклаков А.Г. Теоретические и методологические основы организации психологического сопровождения образовательного процесса в вузе // *Вестник*

- Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. № 3 (5). С. 7–16.
29. Мусийчук М.В. Юмор в психотерапии и консультировании: проблемы и решения в современных парадигмах // Медицинская психология в России: электронный научный журнал. 2017. Т. 9, № 3 (44). URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: 18.01.2021).
30. Ядов В.А., Магун В.С., Борзикова П.В., Водзинская В.В., Каюрова В.Н., Саганенко Г.И., Узунова В.Н., Семенов А.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / под. ред. В.А. Ядова. Л. : Наука, 1979. 264 с.

*Поступила в редакцию 19.02.2021 г.; повторно 15.03.2021 г.;
повторно 19.04.2021 г.; принята 25.04.2021 г.*

Зяткова Екатерина Олеговна – аспирант кафедры психотерапии и психологического консультирования Томского государственного университета.

E-mail: zyatkova-katya@mail.ru

Стоянова Ирина Яковлевна – доктор психологических наук, профессор кафедры психотерапии и психологического консультирования Томского государственного университета, ведущий научный сотрудник НИИ психического здоровья ТНИМЦ.

E-mail: ithka1948@mail.ru

Языков Константин Геннадьевич – доктор медицинских наук, профессор кафедры фундаментальной психологии и поведенческой медицины Сибирского государственного медицинского университета; профессор кафедры генетической и клинической психологии Томского государственного университета.

E-mail: yazk@mail.ru

For citation: Zyatкова, E.O., Stoyanova, I.Y., Yazykov, K.G. Stress Management and Resilience as a Psychological Resource in Case of Gelotophobia in the Context of Students' Psychological Health. *Sibirskiy Psikhologicheskij Zhurnal – Siberian journal of psychology*. 2021; 80: 146–164. doi: 10.17223/17267080/80/8. In Russian. English Summary

Stress Management and Resilience as a Psychological Resource in Case of Gelotophobia in the Context of Students' Psychological Health

E.O. Zyatкова^a, I.Y. Stoyanova^{a, b}, K.G. Yazykov^{a, c}

^a Tomsk State University, 36, Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation

^b Mental Health Research Institute of Tomsk NRMC, 4, Aleutskaya Str., Tomsk, 634014, Russian Federation

^c Siberian State Medical University, 2, Moskovsky Tr., Tomsk, 634050, Russian Federation

Abstract

In the article the manifestation of gelotophobia (fear of being laughed at) in the 1st, 2nd and 3rd-year students aged 17–22 years is described. The aim of the present study was to investigate the manifestation of the fear of being laughed at and its influence on the components of students' psychological health as a factor of predisposition to mental health disorders. According to this aim, three tasks were set. The first task was to identify the differences in gelotophobia depending on the duration of education and gender. The second task was to establish a link between personality traits and the level of gelotophobia. The third task was to observe the relationship between components of psychological health (resilience, stress management) and the level of gelotophobia. To identify the level of fear of being laughed at in a sample of students, we set the scales of the "GELOPH-15" questionnaire and specified them as low, moderate and high gelotophobia scores. Then, using the frequency analysis of students' answers to this questionnaire, we found out that most responses indicated a moderate

level of gelotophobia (71%), only 16% of answers indicate a low level, and 10% of answers present a high level of fear of being laughed at. Also 3% of students did not answer this questionnaire. The results of this study demonstrated that gelotophobia is more typical for female than for male students. The data also showed that the manifestation of gelotophobia didn't correlate to the duration of education. A comparative analysis using the Student's t-test in the female and male subgroups identified that young women in socially significant cases could hardly tolerate negative situations. Young men, on the other hand, were able to cope with stressful situations if they had internal balance. Using the Spearman rank test, a correlation analysis was performed between the scales of the characterological questionnaire and the level of gelotophobia. A relationship with the total score of gelotophobia, as well as with the average and low score of gelotophobia was found. No correlation with a high score of gelotophobia was found. The analysis of the results obtained showed that resilience and its components (involvement, control and risk acceptance) helps to reduce stress and the influence of negative factors that cause fear in socially significant situations. The results correspond to the above stated aims and tasks. Further work in this direction will make it possible to develop a program of psychological support for students.

Keywords: gelotophobia; laughter; humor; resilience; control; risk-taking; involvement; stress.

References

1. Martin, R.A. (2007) *The Psychology of Humor: an Integrative Approach*. Elsevier Academic Press.
2. Ivanova, E.M. & Enikolopov, S.N. (2009) Psikhopatologiya i chuvstvo yumora [Psychopathology and a sense of humor]. *Sovremennaya terapiya psikhicheskikh rasstroystv – The Journal of Current Therapy of Mental Disorders*. 1. pp. 19–24.
3. Martin, R. (2009) *Psikhologiya yumora* [Psychology of Humor]. Translated from English by L.V. Kulikov. St. Petersburg: Piter.
4. Ivanova, P.O. & Ivanova, E.M. (2019) Russian Approbation of the Ridicule Teasing Scenario Questionnaire (RTQ) of T. Platt. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya – Clinical Psychology and Special Education*. 8(2). pp. 140–158. (In Russian). DOI: 10.17759/cpse.2019080208
5. Ivanova, E.M., Makogon, I.K., Stefanenko, E.A., Enikolopov, S.N., Proyer, R.T. & Rukh, V. (2016) Russkoyazychnaya adaptatsiya oprosnika gelotofobii, gelotofilii i katagelastitsizma PHOPHIKAT [Russian-language adaptation of the PHOPHIKAT questionnaire of gelotophobia, helotophobia and catagelasticism]. *Voprosy psikhologii*. 2. pp. 162–172.
6. Platt, T., Ruch, W. & Proyer, R.T. (2010) A lifetime of fear of being laughed at an aged perspective. *Zeitschrift für Gerontologie und Geriatrie*. 43. pp. 36–41. DOI: 10.1007/s00391-009-0083-z
7. Prosypkina, V.O. & Troitskiy, S.A. (2017) Round table “Social studies of humor and laughter: main directions, perspectives, terminology and methodology”. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – Journal of Sociology and Social Anthropology*. 20(3). pp. 205–210. (In Russian).
8. Brauer, K. & Proyer, R.T. (2020) Is it me or the circumstances? Examining the relationships between individual differences in causal attributions and dispositions toward ridicule and being laughed at. *Personality and Individual Differences*. 165. pp. 110–135. DOI: 10.1016/j.paid.2020.110135
9. Radomska, A. & Tomczak, J. (2010) Gelotophobia, self-presentation styles, and psychological gender. *Psychological Test and Assessment Modeling*. 52(2). pp. 191–201.
10. Leontiev, D.A. (2003) Ekzistentsial'naya trevoga i kak s ney borot'sya [Existential anxiety and how to deal with it]. *Moskovskiy psikhoterapevticheskiy zhurnal*. 2. pp. 107–119.

11. May, R. (2001) *Smysl trevogi* [The Meaning of Anxiety]. Translated from English by M.I. Zavalov, A.Yu. Siburina. Moscow: Klass.
12. Sagalakova, O.A. & Stoyanova, I.Ya. (2015) Kognitivno-pertseptivnaya izbiratel'nost' i regulyatsiya sotsial'noy trevogi v situatsiyakh otsenivaniya [Cognitive-perceptual selectivity and regulation of social anxiety in assessment situations]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University*. 1(3). pp. 75–80. DOI: 10.14258/izvasu(2015)3.1-13.
13. Stefanenko, E.A. (2014) *Psikhologicheskie osobennosti gelotofobii (strakha nasmeshki) pri shizofrenii i affektivnykh rasstroystvakh* [Psychological features of gelotophobia (fear of ridicule) in schizophrenia and affective disorders]. Psychology Cand. Diss. Moscow.
14. Torres-Marin, J., Carretero-Dios, H., Acosta, A. & Lupiáñez, J. (2017) Eye contact and fear of being laughed at in a gaze discrimination task. *Frontiers in Psychology*. 8. p. 14. Article 1954. DOI: 10.3389/fpsyg.2017.01954
15. Artyukhova, T.Yu. & Petrova, T.I. (2017) Kontekst rassmotreniya psikhologicheskogo zdorov'ya kak osnovanie ponimaniya ego sodержaniya [The context of considering psychological health as the basis for understanding its content]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva – The Bulletin of KSPU Named after V.P. Astafiev*. pp. 109–116. DOI: 10.25146/1995-0861-2017-42-4-26.
16. Dubrovina, I.V. (2009) Psikhicheskoe i psikhologicheskoe zdorov'e v kontekste psikhologicheskoy kul'tury lichnosti [Mental and psychological health in the context of the psychological culture of the individual]. *Vestnik prakticheskoy psikhologii obrazovaniya – Bulletin of Psychological Practice in Education*. 3(20). pp. 17–21.
17. Dubrovina, I.V. (2015) Psychological health of a person in the context of age development. *Razvitie lichnosti*. 2. pp. 67–95. (In Russian).
18. Skudnova, T.D. (2018) Psikhologicheskoe zdorov'e cheloveka: mezhdistsiplinarnyy podkhod [Psychological human health: an interdisciplinary approach]. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski*. 3. pp. 217–222. DOI: 10.22394/2079-1690-2018-1-3-217-222.
19. Abdulaeva, P.Z. & Osmanova, A.A. (2017) Psikhologiya zdorov'ya – kak novoe nauchnoe ponyatie, kotoroe neobkhodimo dlya polnotsennogo funktsionirovaniya cheloveka v sotsiume, chto opredelyaet nerazdelimost' telesnogo i psikhicheskogo [Health psychology as a new scientific concept that is necessary for the full functioning of a person in society, which determines the inseparability of the physical and mental]. *Meditsinskie nauki: nauchnoe obozrenie*. 1. pp. 5–11
20. Shuvalov, A.V. (2009) Psikhologicheskoe zdorov'e cheloveka [Person's psychological health]. *Vestnik PSTGU. IV: Pedagogika. Psikhologiya – St. Tikhon's University Review. Series IV: Pedagogy. Psychology*. 4(15). pp. 87–101.
21. Kuryasev, I.A. (2013) Stress and resistance to stress of students. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Ekologiya i bezopasnost' zhiznedeyatel'nosti – RUDN Journal of Ecology and Life Safety*. 5. pp. 64–67. (In Russian).
22. Melnikov, V.I. (2018) The Student Stress and Methods of Coping with It. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta putey soobshcheniya: gumanitarnye issledovaniya – The Siberian Transport University Bulletin: Humanitarian research*. 1(3). pp. 86–92. (In Russian).
23. Leontiev, D.A. & Rasskazova, E.I. (2006) *Test zhiznestoykosti* [Vitality Test]. Moscow: Smysl.
24. Maddi, S.R., Harvey, R.H. & Khoshaba, D.M. (2009) The Personality Construct of Hardiness, IV: Expressed in Positive Cognitions and Emotions Concerning Oneself and Developmentally Relevant Activities. *Journal of Humanistic Psychology*. 49(3). pp. 292–305. DOI: 10.1177/0022167809331860
25. Maddi, S.R. (2004) Hardiness: An operationalization of existential courage. *Journal of Humanistic Psychology*. 44(3). pp. 279–298. DOI: 10.1177/0022167804266101

26. Podkolzina, L.G. (2016) Vzaimosvyaz' zhiznestoykosti i pokazateley sotsial'no-psikhologicheskoy adaptatsii studentov [The relationship between vitality and indicators of socio-psychological adaptation of students]. *Nauchnyy al'manakh*. 4-4(18). pp. 222–225.
27. Bledsoe, T.S. & Baskin, J.J. (2014) Recognizing Student Fear: The Elephant in the Classroom. *College Teaching*. pp. 32–41. DOI: 10.1080/87567555.2013.831022
28. Skvortsov, V.N. & Maklakov, A.G. (2012) Theoretical and methodological foundations of psychological support of student personal development. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. 5(4). pp. 7–16. (In Russian).
29. Musiichuk, M.V. (2017) Humor in Psychotherapy and Counselling: Challenges and Solutions in Modern Paradigms. *Meditinskaya psikhologiya v Rossii*. 3(44). [Online] Available form: <http://mprj.ru> (Accessed: 18.01.2021).
30. Yadov, V.A., Magun, V.S., Borzikova, P.V., Vodzinskaya, V.V., Kayurova, V.N., Saganenko, G.I., Uzunova, V.N. & Semenov, A.A. (1979) *Samoregulyatsiya i prognozirovaniye sotsial'nogo povedeniya lichnosti* [Self-regulation and a person's social behavior forecasting]. Leningrad: Nauka.

*Received 19.02.2021; Revised 15.03.2021;
Revised 19.04.2021; Accepted 25.04.2021*

Ekaterina O. Zyatкова – postgraduate student of the Department of Psychotherapy and Psychological Counseling, Tomsk State University.

E-mail: zyatkova-katya@mail.ru

Irina Y. Stoyanova – professor of the Department of Psychotherapy and Psychological Counseling, Tomsk State University. Lead Researcher at the Mental Health Research Institute of Tomsk NRMС. D. Sc. (Psychol.), professor.

E-mail: ithka1948@mail.ru

Konstantin G. Yazykov – professor of the Department of Fundamental Psychology and Behavioral at Medicine, Siberian State Medical University. Professor of the Department of Genetic and Clinical Psychology, Tomsk State University, D. Sc. (Med.), professor.

E-mail: yazk@mail.ru

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ. АКМЕОЛОГИЯ

УДК 159.922.736.2

ПРОЯВЛЕНИЯ КРИЗИСА ОДНОГО ГОДА В СВЯЗИ С ХАРАКТЕРИСТИКАМИ СЕМЕЙНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ¹

В.Е. Василенко^а, Я.В. Наталенко^б

^а Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

^б Академия развития и досуга «Дочки-сыночки», 187031, Санкт-Петербург, Ленинградская область, пос. Тельмана, 7, к. 1

Изучаются взаимосвязи проявлений кризиса одного года у детей с характеристиками семейного взаимодействия. Выборка: 31 триада «мать–отец–ребенок» и 12 диад «мать–ребенок», возраст детей – от 10 месяцев до 2 лет, средний возраст – 1,5 года. Выявлено, что для благополучного протекания кризиса ребенку необходимы чувствительность матери, зрелость ее поведенческих проявлений при взаимодействии и воспитательных установок в сочетании с некоторой долей «условной любви» со стороны отцов.

Ключевые слова: кризис одного года; конструктивные новообразования; негативистские проявления; семейное взаимодействие; детско-родительское эмоциональное взаимодействие, постнатальная привязанность, воспитательные установки, удовлетворенность браком.

Исследование возрастных кризисов детства имеет как теоретическое значение для понимания общих закономерностей развития ребенка, так и практическое, связанное с помощью семье в этот период. Возрастной кризис характеризуется повышенной уязвимостью психики ребенка, изменением его поведения. Параллельно перестраиваются отношения ребенка со значимыми взрослыми.

Для понимания общей картины происходящих в кризисные периоды изменений прежде всего важно ответить на вопрос о нормативности возрастного кризиса. Исторически в отечественной психологии обозначались два разных подхода к природе кризиса. Так, П.П. Блонский и Л.С. Выготский постулировали нормативность этого этапа развития, разделяющего стабильные (литические) периоды [1]. Иногда отмечают, что на норматив-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-06-00392-ОГН.

ность кризисов указывал и Э. Эриксон [2], но его понятие кризисов, или конфликтов развития, имеет свою специфику. Противоположной точки зрения придерживались А.Н. Леонтьев, А.В. Запорожец, Н.А. Менчинская: они полагали, что при определенно выстроенном воспитании ребенка проявлений возрастного кризиса можно избежать. Так, А.Н. Леонтьев отмечал, что неизбежны качественные сдвиги в развитии, а «кризисов вовсе может не быть, если психическое развитие ребенка складывается не стихийно, а является разумно управляемым процессом» [3. С. 509].

Кроме этих крайних позиций можно выделить и промежуточные. Так, Л.И. Божович объясняет проявления кризиса фрустрацией ребенка из-за подавления его новых потребностей, подчеркивая как внешние, так и внутренние факторы этой депривации [4]. Близкие идеи встречаются у Д.Б. Эльконина, рассматривающего, с одной стороны, причиной кризиса отношение взрослых, мешающее реализации ребенком своих новых возможностей, а с другой стороны, включающего кризисы в свою периодизацию развития [5].

Продуктивной идеей, позволяющей синтезировать разные подходы, стало разделение «объективного» и «субъективного» кризисов Т.В. Гуськовой и М.Г. Елагиной. «Объективный» кризис – это конструктивные личностные новообразования (качественный сдвиг, перелом, по А.Н. Леонтьеву), он нормативен. «Субъективный» кризис – сопутствующие поведенческие реакции (симптомы), и его может и не быть [6].

Тем не менее картина нормативности кризисных проявлений, по данным более поздних эмпирических исследований, выглядит более сложной. Так, К.Н. Поливанова на примере кризиса семи лет выявила психологический смысл всех категорий симптомов, включая негативистские. Она трактует кризис как психологическое пространство, в котором совершается акт развития, при этом подчеркивая единство его конструктивной и деструктивной составляющих [7]. На наш взгляд, в настоящее время наиболее интегративная модель нормативности / ненормативности разных категорий проявлений возрастного кризиса предложена Ю.Ю. Кузнецовой (Улановой) на примере кризиса трех лет. Эмпирически подтверждены нормативность конструктивной составляющей кризиса, ненормативность невротических реакций, показано промежуточное положение негативистских симптомов. Так, была выявлена взаимосвязь характеристик семейного взаимодействия с невротическими реакциями и негативистскими проявлениями («субъективный» кризис), при этом она наиболее выражена в ситуации затянувшегося кризиса [8].

Кризис одного года относится к «малым» кризисам, он разделяет младенчество и раннее детство как периоды одной эпохи развития [5]. По сравнению с более ярким кризисом трех лет он носит пассивный характер, является в основном реакцией на запреты со стороны взрослых [7]. Следует отметить некоторую условность границ этого кризиса: он может начаться еще до года и растянуться на несколько месяцев. Это один из наименее детально изученных кризисов детства, но актуальность его изучения свя-

зана с тем, что прохождение ребенком этого раннего кризисного этапа формирует паттерны поведения и ребенка, и родителей.

Психологическое содержание кризиса одного года впервые было раскрыто Л.С. Выготским [1]. К конструктивным новообразованиям относятся становление ходьбы и появление первых многозначных слов. Ходьба расширяет физическое пространство, диапазон доступных для ребенка объектов. Автономная детская речь – ключевое новообразование в связи с ее ролью для социальных отношений. Также это переходный этап, мост к развитию речи как символической функции сознания, что соответствует критерию кризисного новообразования – смене стабильным новообразованием. В качестве негативистских проявлений кризиса Л.С. Выготский рассматривает гипобулические реакции – яркие эмоциональные акты недоверия, протеста, связанные с тем, что ребенок наталкивается на запреты.

Иную модель этого кризиса предложила Л.И. Божович, опираясь на наблюдения Н.А. Менчинской и В.С. Мухиной [4]. Главным новообразованием кризиса одного года является появление «мотивирующих представлений» – у ребенка возникают образы каких-то привлекательных предметов и мест, и они стимулируют ребенка стремиться к ним. Это кардинально новая ситуация, так как до этого ребенок был поглощен полем непосредственно воспринимаемых объектов. С развитием представлений кроме внешней мотивации запускается и внутренняя. Л.И. Божович описывает это изменение как становление субъектности ребенка. Также она высказывает мысль, что именно депривация потребностей и желаний, обусловленных мотивирующими представлениями, фрустрирует ребенка и приводит к гипобулическим реакциям.

К.Н. Поливанова трактует содержание кризиса одного года в соответствии со своей концепцией перехода от объективации способностей / новообразований к их субъективации в кризисные периоды [7]. В предшествующий стабильный младенческий период идет развитие аффективно-потребностной сферы. Социальная ситуация развития обусловлена полной зависимостью ребенка от взрослого и удовлетворением потребностей ребенка. С развитием ползания и ходьбы диапазон привлекающих ребенка объектов расширяется, и он начинает сталкиваться с системой запретов. Именно запрет, с точки зрения К.Н. Поливановой, является ключевым моментом, приводящим к сдвигу в психическом развитии. У ребенка появляется стремление к предмету потребности, и неудовлетворение желания позволяет ребенку его прочувствовать. Таким образом, из объекта ребенок становится субъектом желаний, появляется «Я-желающий». К.Н. Поливанова также делает два важных дополнения к идеям Л.С. Выготского. Первое касается ходьбы – она отмечает, что в период кризиса у детей часто возникает особое отношение к ней. В ситуации, когда манящий предмет легко достать, если проползти, ребенок тем не менее может привлекать внимание взрослых, чтобы с их помощью именно пройти к этому объекту. Затем такое отношение к ходьбе исчезает. Именно это временно привлекательное отношение к новому способу передвижения можно рассматривать

как летучее кризисное новообразование, а не саму ходьбу как постоянное приобретение. Второй момент связан с речью. Во-первых, К.Н. Поливанова не согласна с Л.С. Выготским в том, что непонимание взрослыми первых слов ребенка провоцирует гипобулические реакции; она полагает, что для протеста важнее запреты. Во-вторых, она подчеркивает, что функция первых слов – указание на привлекательные объекты и тем самым означивание удерживаемого аффекта, продление времени его жизни.

Таким образом, при благополучном протекании кризиса одного года появляются следующие новообразования в психике ребенка: дифференциация предметной и социальной среды, разрушение «пра-мы», появление такой формы Я, как «Я-желающий» [5, 7].

Менее детализирована картина негативистских проявлений кризиса одного года. Действительно, тут сложно выявить отдельные четко дифференцированные поведенческие реакции (симптомы), как в другие кризисные периоды детства. Л.С. Выготский говорил о гипобулических реакциях, Л.И. Божович – о капризах как реакциях на запреты. Одна из попыток систематизации – выделение условно трех компонентов в негативистских проявлениях кризиса:

- 1) повышенная эмоциональность, гипобулические реакции – акцент на эмоциональной стороне проявлений кризиса;
- 2) капризы, реакции на запреты – акцент на поведении и действиях ребенка в отношении конкретных ситуаций фрустрации потребностей;
- 3) возбудимость и агрессия – акцент на поведении и действиях ребенка без указания на конкретные ситуации фрустрации потребностей [9].

Другим малоизученным вопросом является взаимосвязь проявлений кризиса одного года с семейным взаимодействием. В большинстве исследований роль семейных факторов для психического развития детей рассматривается в стабильные периоды. Так, показано, что развитие активной речи, сенсорное развитие и навыки детей от одного года до двух лет положительно коррелируют с вниманием к ребенку, эмоциональной и вербальной чувствительностью матерей. Показатели понимания речи и сформированности предметных действий ниже при установках матерей на семейные конфликты, излишнюю строгость и стремление ускорить развитие ребенка. В то же время сенсорное развитие при таких установках, наоборот, выше [10].

В современных зарубежных исследованиях раннего возраста тема возрастных кризисов не представлена в связи с большей популярностью модели перехода. Детско-родительские отношения часто изучаются на основе теории привязанности Дж. Боулби и М. Эйнсворт, а проблемы в поведении детей и детско-родительском взаимодействии рассматриваются через призму темпераментных особенностей детей. Так, в исследовании на выборке 128 евроамериканских младенцев и их матерей показано, что безопасность привязанности младенцев чувствительна как к статичным, так и к динамическим аспектам эмоциональной стороны воспитания в течение первого года и что эта взаимосвязь модулируется темпераментными характеристиками ребенка [11]. Изучается и обратная сторона – постнатальная

привязанность матерей к ребенку, которая, как выявлено, находится в умеренной связи с пренатальной привязанностью [12, 13]. Все более актуальна трехкомпонентная модель детерминант родительского функционирования Дж. Бельского: личностные ресурсы родителей, особенности ребенка и источники стресса и поддержки [14]. На выборке 129 родителей и их 15-месячных детей из Голландии показаны взаимосвязи более благополучного / компетентного родительского функционирования с безопасным типом привязанности у детей и более высоким уровнем их когнитивного развития [15]. Российские исследования подтверждают значимость изучения привязанности. Так, на выборке 130 детей в возрасте 11–16 месяцев из семей Санкт-Петербурга с низкой степенью риска обнаружено, что 50% детей показывают сложные ненадежные типы привязанности к матери [16].

Также следует отметить, что в последнее время растет интерес к теме роли отцов в воспитании и психическом развитии детей, разрабатываются модели вовлеченности отца в воспитание [17–20].

Что касается кризисных периодов детства, то изначально в теории подчеркивалась важность создания родителями условий для проявления ребенком своих новых возможностей [5]. Противоречия между ребенком и его окружением выступают механизмом кризиса наряду с внутренними противоречиями [6]. К.Н. Поливанова представила модель пассивного кризиса у родителей (кризиса системы воспитания). Важен переход от этапа усиления привычных воспитательных воздействий к этапу поиска новых способов взаимодействия с детьми [7].

В последние годы наряду с теоретическими разработками в этой области появились и эмпирические исследования. Так, при изучении кризисов трех и шести-семи лет обнаружены тесные взаимосвязи кризисной симптоматики, прежде всего проявлений «субъективного кризиса», с характеристиками детско-родительского взаимодействия [21–23]. Показано, что зрелость стилевых характеристик воспитания и благополучие в эмоциональном взаимодействии являются важными ресурсами для благополучного протекания кризисов детства, так как они снижают выраженность невротических и негативистских кризисных проявлений. Анализ причин упрямства и негативизма у детей, проведенный А.А. Шавыриной, также выявил, что во многом они являются следствием непродуманных действий взрослых без учета новых потребностей детей [24].

Сравнение протекания кризисов одного года и трех лет в связи с эмоциональной стороной детско-родительского взаимодействия показало, что конструктивный компонент кризиса сильнее связан с особенностями эмоционального взаимодействия в кризисе одного года по сравнению с кризисом трех лет. Негативистские симптомы, наоборот, более тесно связаны с характеристиками взаимодействия в период кризиса трех лет, особенно это касается критической фазы [8]. Таким образом, в более яркий кризис трех лет особенности взаимодействия матерей с детьми более связаны с «субъективным» кризисом, «объективный кризис» нормативен и не зависит от характеристик эмоционального взаимодействия в семье. В то же

время в менее ярко выраженный кризис одного года эмоциональная сторона отношений родителей с детьми взаимосвязана с «объективным кризисом». Это подтверждает значимость семейного взаимодействия для психического развития ребенка в этот период и благополучного протекания кризиса.

Следует также отметить, что первые эмпирические данные о взаимосвязи проявлений кризиса одного года и эмоционального детско-родительского взаимодействия показали различия в отношении матерей и отцов [9]. Так, было выявлено, что для конструктивных новообразований кризиса имеют значение чувствительность матери и ее умение воздействовать на состояние ребенка и в то же время проявления «условной любви» со стороны отцов (менее выраженные эмпатия и эмоциональное принятие).

Таким образом, актуальным является эмпирическое исследование взаимосвязи проявлений кризиса одного года и характеристик семейного взаимодействия с учетом разных сторон этого взаимодействия: мать–ребенок, отец–ребенок, а также линии отношений между родителями. Эти данные позволят уточнить теоретические разработки в области кризиса одного года. С практической точки зрения следует отметить, что кризисный период, переживаемый ребенком, создает некоторую напряженность для всей семейной системы.

В последнее время растет интерес к проблеме семейной устойчивости и преодоления семьей различных жизненных трудностей [25], но тема возрастных кризисов как кризисов системы воспитания и всей семейной системы в целом часто остается за рамками рассмотрения. Особенно значимо это в современных условиях, когда нормативные модели родительства изменяются, идет переход к более гибким и демократичным отношениям внутри семей, выражена гиперопека детей [22, 26]. Представленное исследование направлено на то, чтобы увидеть взаимосвязи кризисных проявлений с особенностями семейного воспитания и тем самым помочь родителям выстроить отношения с детьми, способствующие задачам развития в кризисный период. Это представляется нам особенно важным в свете того, что уже в раннем детстве формируются паттерны детско-родительских отношений, которые обладают достаточной устойчивостью и переходят в следующие возрастные периоды.

Цель исследования – выявление взаимосвязей проявлений кризиса одного года у детей и характеристик семейного взаимодействия. При этом под характеристиками семейного взаимодействия мы подразумеваем как детско-родительское взаимодействие (диады мать–ребенок и отец–ребенок), так и отношения в супружеских парах (через показатели удовлетворенности браком).

Гипотезы исследования:

1. Конструктивные новообразования кризиса одного года положительно взаимосвязаны с благополучием в эмоциональной стороне взаимодействия матерей с детьми и в то же время – с менее высокими показателями позитивного эмоционального фона взаимодействия со стороны отцов, а также со зрелостью воспитательных установок матерей.

2. Для меньшей выраженности негативистских реакций у ребенка важны сформированность блока поведенческих проявлений эмоционального взаимодействия у родителей (умение воздействовать на состояние ребенка, оказание эмоциональной поддержки), зрелость воспитательных установок матерей и удовлетворенность родителей браком.

Данные гипотезы были сформулированы частично на основе предыдущих пилотажных исследований, показавших разный характер взаимосвязей кризисных проявлений с показателями эмоциональной стороны взаимодействия с детьми отцов и матерей. Что касается удовлетворенности родителей браком, мы предположили, что эта характеристика может влиять на эмоциональный фон родителей, который, в свою очередь, отражается на эмоциональном состоянии детей.

Задачи исследования:

1. Изучить конструктивные новообразования и негативистские проявления кризиса одного года у детей.

2. Исследовать характеристики семейного взаимодействия: эмоциональную сторону взаимодействия матерей и отцов с детьми, параметры постнатальной привязанности матерей к детям, воспитательные установки матерей и удовлетворенность родителей браком.

3. Выявить взаимосвязи кризисных проявлений с характеристиками семейного взаимодействия.

Организация и методы исследования

Дизайн исследования. Из организационных методов мы применяли метод поперечных срезов – исследовалось две микровозрастных группы детей (дети от 10 мес. до 1 года 6 мес. и дети от 1 года 7 мес. до 2 лет).

Выборка исследования. Исследование проводилось в 2016–2018 гг. на базе Детского развивающего центра «Дочки-сыночки» Колпинского района г. Санкт-Петербурга.

В исследовании приняли участие 117 человек из 43 семей: 31 триада «мать–отец–ребенок» и 12 диад «мать–ребенок», т.е. 43 ребенка (20 мальчиков и 23 девочки), 43 матери и 31 отец. Возраст детей – от 10 мес. до 2 лет, средний возраст – 1,5 года.

С целью выявления критической и посткритической фаз кризиса дети были разбиты на 2 группы: от 10 мес. до 1 года 6 мес. (29 детей) и от 1 года 7 мес. до 2 лет (14 детей).

Такое разбиение связано с тем, что в теории психологии возрастных кризисов постулируется вариативность, размытость границ кризиса. В связи с этим, учитывая некоторый сдвиг в развитии речи у современных детей (уровень ее развития у многих детей около года невысокий), мы сдвинули границу для искомой критической фазы до полутора лет. Другим критерием для такой границы стал учет того, что по инструкции опросника родители отмечают новое в поведении ребенка в последние два месяца, т.е. присутствует ретроспективность ответов. Детей, которым на момент ис-

следования было ровно 1 год 6 мес. (9 детей), мы посчитали более корректным отнести к первой группе, так как, по нашим наблюдениям за детьми, кризисные явления у них еще не стихают, и посткритическую фазу нужно искать за границей полутора лет.

Выборку составили 28 единственных детей и 15 детей, имеющих сиблингов.

Большинство родителей (около 70%) имеют высшее образование.

Методы исследования:

1. Опросник проявлений кризиса одного года В.Е. Василенко, разработанный на основе схемы наблюдения К.Н. Поливановой [27].

2. Опросник детско-родительского эмоционального взаимодействия (ОДРЭВ) Е.И. Захаровой [28].

3. Шкала постнатальной материнской привязанности Дж. Кондона [29].

4. Опросник изучения родительских установок (PARY) Е. Шеффер и Р. Белл в адаптации Т.В. Нещерет [28].

5. Тест на удовлетворенность браком Ю.Е. Алешиной, Л.Я. Гозмана и Е.М. Дубовской [Там же].

Матери заполняли весь блок методик (но не по всем из них есть данные по всей выборке матерей, что будет указано в таблицах), отцы – опросник детско-родительского эмоционального взаимодействия (ОДРЭВ) Е.И. Захаровой и тест на удовлетворенность браком Ю.Е. Алешиной, Л.Я. Гозмана и Е.М. Дубовской.

Математическая обработка данных осуществлялась с помощью программы IBM SPSS Statistics 21: описательная статистика, дисперсионный анализ по факторам возрастной группы, пола и наличия сиблингов, корреляционный анализ по Спирмену.

Результаты исследования

Изучение кризисных проявлений по опроснику В.Е. Василенко показало, что в обеих возрастных группах (дети от 10 мес. до 1 года 6 мес. и от 1 года 7 мес. до 2 лет) можно говорить о выраженности кризиса за счет его конструктивной составляющей – отмечается яркая выраженность конструктивных психических новообразований (табл. 1). В обеих группах родители прежде всего отмечают появление конструктивных новообразований в сфере речи. На втором месте по выраженности у детей до полутора лет находится появление мотивирующих представлений, а у детей после полутора лет – новообразования в сфере моторики. Таким образом, мы видим, что у детей появляются первые многозначные слова, вторичные образы привлекающих предметов и мест, к которым они стремятся, ходьба на короткое время становится более привлекательной, чем ползание.

Негативистские проявления кризиса представлены в меньшей степени. В первой возрастной группе они выражены на уровне ниже среднего, во второй – на среднем уровне, но это различие не является статистически значимым. Родители отмечают у детей повышенную эмоциональность

и появление гипобулических реакций. После полутора лет становятся выраженными капризы, реакции на запреты, возбудимость и агрессия.

Дисперсионный анализ не выявил значимых различий в показателях кризисных проявлений у детей двух возрастных групп, т.е. угасания кризиса после полутора лет и посткризисную фазу выявить не удалось.

Значимых различий в связи с полом ребенка и наличием сиблингов не выявлено.

Таблица 1.

**Показатели проявлений кризиса одного года у детей двух возрастных групп
(по опроснику В.Е. Василенко)**

Мах по шкалам = 6, мах по общим показателям = 100%	Выборка в целом (n = 43)		Первая возрастная группа (от 10 мес. до 1 года 6 мес.) (n = 29)		Вторая возрастная группа (от 1 года 7 мес. до 2 лет) (n = 14)		Значимость различий	
	Ср. знач.	Станд. откл.	Ср. знач.	Станд. откл.	Ср. знач.	Станд. откл.	F-кр.	Знач.
Развитие моторики, рост интереса к взаимодействию с предметами, особое отношение к ходьбе	4,24	1,27	4,19	1,14	4,36	1,55	—	—
Предречевое развитие, появление автономной детской речи	5,13	1,17	4,95	1,27	5,50	0,85	—	—
Появление мотивирующих представлений	4,29	1,33	4,29	1,28	4,29	1,49	—	—
Капризы, реакции на запреты	2,99	1,47	2,81	1,30	3,36	1,78	—	—
Повышенная эмоциональность, гипобулические реакции	3,76	1,73	3,64	1,82	4,00	1,57	—	—
Возбудимость, агрессия	2,63	1,69	2,38	1,72	3,14	1,56	—	—
Конструктивные новообразования	75,79	14,14	74,91	13,46	77,61	15,82	—	—
Негативистские проявления	51,57	24,18	48,98	24,15	56,93	24,23	—	—
Общий показатель кризиса	63,89	15,66	61,96	14,88	67,91	17,01	—	—

Далее рассмотрим характеристики семейного взаимодействия, начиная с эмоционального компонента.

Изучение эмоционального взаимодействия родителей с детьми выявило, что показатели по всем трем блокам – чувствительности, эмоционального принятия и поведенческих проявлений – как у матерей, так и у отцов близки к среднему уровню и не достигают критических значений (при сопоставлении с нормативными данными, полученными автором методики на выборке дошкольников).

Как видно из табл. 2, и у матерей, и у отцов наибольшие значения получены по трем одинаковым параметрам, но в разной последовательности. Так, у матерей наиболее выражено стремление к телесному контакту, на втором месте – позитивные чувства во взаимодействии с ребенком, далее следует безусловное принятие. У отцов наиболее выражены позитивные чувства во взаимодействии с ребенком, на втором месте – безусловное принятие, на третьем – стремление к телесному контакту. Наиболее низкие средние показатели как у матерей, так и у отцов отмечаются по шкале «ориентация на состояние ребенка при взаимодействии».

Таблица 2

Показатели характеристик эмоционального взаимодействия матерей и отцов с детьми (по опроснику детско-родительского эмоционального взаимодействия Е.И. Захаровой)

Показатели по шкалам (max = 5)	Показатели матерей (n = 31)		Показатели отцов (n = 31)		Значимость различий	
	Ср. знач.	Станд. откл.	Ср. знач.	Станд. откл.	F-кр.	Знач.
Способность воспринимать состояние ребенка	4,02	0,58	3,65	0,67	5,50	0,022
Понимание причин состояния	3,39	0,50	3,36	0,63	–	–
Эмпатия	3,49	0,69	3,28	0,56	–	–
Позитивные чувства при взаимодействии с ребенком	4,34	0,46	4,28	0,52	–	–
Безусловное принятие	4,29	0,49	4,20	0,51	–	–
Принятие себя в качестве родителя	3,90	0,69	3,84	0,74	–	–
Преобладающий эмоциональный фон взаимодействия	3,74	0,59	3,92	0,70	–	–
Стремление к телесному контакту	4,39	0,49	4,06	0,60	5,54	0,022
Оказание эмоциональной поддержки	3,97	0,42	3,66	0,67	4,72	0,034
Ориентация на состояние ребенка при взаимодействии	2,95	0,46	2,80	0,71	–	–
Умение воздействовать на состояние ребенка	3,45	0,56	3,55	0,66	–	–
Блок чувствительности (max = 15)	10,89	1,26	10,28	1,11	4,12	0,047
Блок эмоционального принятия (max = 20)	16,27	1,74	16,23	1,77	–	–
Блок поведенческих проявлений (max = 20)	14,75	1,21	14,06	1,79	3,18	0,080

Частотный анализ выявил, что наибольшие проблемы в эмоциональном взаимодействии связаны со сниженными показателями способности воспринимать состояние ребенка (у 29% матерей и 48% отцов). Понимание причин состояния ребенка вызывает трудности у 26% матерей и 39% отцов. Проблемы с умением воздействовать на состояние ребенка отмечают-

ся у 29% матерей и 26% отцов. Трудности с ориентацией на состояние ребенка при взаимодействии характерны для 10% матерей и 23% отцов. Сниженная эмпатия отмечается у 16% матерей и всего у 3% отцов. Трудности с принятием своей родительской роли характерны для 13% матерей и 6% отцов. Эмоциональный фон при взаимодействии с ребенком снижен у 10% матерей и 6% отцов. Стремление к телесному контакту снижено у 3% матерей и 19% отцов. Наиболее благоприятная картина отмечается по шкалам «безусловное принятие» (нет сниженных показателей), «позитивные чувства при взаимодействии с ребенком» (показатели снижены только у 6% отцов) и «оказание эмоциональной поддержки» (показатели снижены у 10% отцов).

Выявлен ряд различий между показателями матерей и отцов. У матерей выше общий показатель по блоку чувствительности ($p < 0,05$) и на уровне статистической тенденции – общий показатель по блоку поведенческих проявлений ($p < 0,1$). Из отдельных параметров у матерей выше способность воспринимать состояние ребенка, стремление к телесному контакту и оказание эмоциональной поддержки ($p < 0,05$).

Перейдем к рассмотрению параметров постнатальной привязанности матерей к ребенку, которые также показывают прежде всего эмоциональную сторону отношений.

Данные табл. 3 свидетельствуют о высокой привязанности матерей к детям, о том, что они получают удовольствие от взаимодействия; негативные чувства выражены в незначительной степени. Эти результаты в целом согласуются с описанными выше данными изучения эмоциональной стороны взаимодействия матерей с детьми по опроснику Е.И. Захаровой.

Таблица 3

**Показатели привязанности матери к ребенку
(по шкале постнатальной материнской привязанности Дж. Кондона)**

Показатели по шкалам	Показатели матерей (n = 22)	
	Ср. знач.	Станд. откл.
Качество привязанности (max = 45)	37,05	4,04
Отсутствие враждебности (max = 25)	18,96	2,91
Удовольствие от взаимодействия (max = 25)	20,05	3,72
Общий показатель привязанности матери к ребенку (max = 95)	76,05	8,64

Рассмотрим воспитательные установки матерей, отражающие в большей степени когнитивный компонент взаимодействия.

Проведенное исследование выявило, что у матерей нашей выборки преобладают воспитательные установки, направленные на установление оптимального эмоционального контакта с ребенком (табл. 4). Так, наиболее выраженными установками являются установки на уравнилельные отношения между родителями и ребенком и вербализацию. Установки на партнерские отношения и развитие активности ребенка также сильно выражены.

В то же время следует отметить, что третье место по выраженности занимает установка на семейные конфликты, показывающая отношение к семейной роли.

Излишняя концентрация на ребенке также характерна для воспитательных установок матерей, прежде всего отмечается опасение обидеть ребенка, далее – чрезвычайное вмешательство в мир ребенка и подавление агрессивности.

Из показателей, относящихся к излишней эмоциональной дистанции с ребенком, более других выражена излишняя строгость.

Таблица 4

**Показатели воспитательных установок матерей
(по опроснику PARY E. Шеффер и Р. Белл в адаптации Т.В. Нещерет)**

Показатели по шкалам (max = 20)	Показатели матерей (n = 22)	
	Ср. знач.	Станд. откл.
Вербализация	15,95	2,59
Чрезмерная забота	11,00	2,51
Зависимость матери от семьи	9,64	3,03
Подавление воли ребенка	11,45	2,22
Ощущение самопожертвования в роли матери	10,64	2,59
Опасение обидеть ребенка	14,55	2,63
Семейные конфликты	15,05	2,46
Раздражительность, вспыльчивость	11,05	3,42
Излишняя строгость	12,41	3,02
Исключение внесемейных влияний	11,23	1,72
Сверхавторитет родителей	13,09	2,16
Подавление агрессивности	12,45	3,04
Неудовлетворенность ролью хозяйки дома	11,36	2,57
Партнерские отношения	13,68	2,12
Развитие активности ребенка	13,32	2,30
Уклонение от контакта с ребенком	9,23	1,80
Безучастность мужа	10,64	2,28
Подавление сексуальности	10,18	2,13
Доминирование матери	10,36	2,46
Чрезвычайное вмешательство в мир ребенка	12,55	2,02
Уравнительные отношения между родителями и ребенком	17,05	2,75
Стремление ускорить развитие ребенка	9,73	2,49
Зависимость и несамостоятельность матери	13,05	3,34
Оптимальный эмоциональный контакт с ребенком	15,01	1,53
Излишняя эмоциональная дистанция с ребенком	10,80	1,95
Излишняя концентрация на ребенке	11,61	1,23

Наименее выраженными установками из всех блоков являются уклонение от контакта с ребенком, зависимость матери от семьи (ограниченность ее интересов рамками семьи) и стремление ускорить развитие ребенка.

Таким образом, в целом можно охарактеризовать матерей нашей выборки как женщин, обладающих довольно зрелыми воспитательными установками и стремящихся установить с детьми оптимальный эмоциональный контакт.

Перейдем к результатам изучения взаимодействия супругов, которые мы косвенно рассматриваем через удовлетворенность родителей браком.

Таблица 5

**Показатели удовлетворенности браком
(по тесту Ю.Е. Алешинной, Л.Я. Гозмана, Е.М. Дубовской)**

Показатели по шкалам (max = 48)	Показатели матерей (n = 43)		Показатели отцов (n = 31)		Значимость различий	
	Ср. знач.	Станд. откл.	Ср. знач.	Станд. откл.	F-кр.	Знач.
Удовлетворенность браком	34,65	8,46	35,23	7,03	—	—

Выявлен высокий уровень удовлетворенности браком как у женщин, так и у мужчин, различия между ними незначимы.

Рассмотрим результаты корреляционного анализа. Отметим, что по его данным мы можем говорить о взаимосвязях, не указывая причины и следствия. Тем не менее с учетом того, что кризисные проявления у детей только формируются и они менее устойчивы по сравнению с характеристиками семейного взаимодействия, описание результатов и их интерпретации мы в основном будем проводить с ракурса выраженности кризисных проявлений при тех или иных показателях взаимодействия.

Выявлены взаимосвязи кризисных проявлений и показателей эмоционального взаимодействия матерей с детьми. Так, негативистские проявления кризиса в целом менее выражены при более развитом умении матерей воздействовать на состояние ребенка ($p < 0,05$).

Из отдельных конструктивных кризисных новообразований наибольшее количество взаимосвязей с показателями эмоционального взаимодействия матерей с детьми имеет автономная детская речь. Она более развита при более высоких показателях способности воспринимать состояние ребенка ($p < 0,01$), понимания причин состояния, оказания эмоциональной поддержки и умения воздействовать на состояние ребенка ($p < 0,05$). Мотивирующие представления лучше сформированы при большей ориентации матерей на состояние ребенка при взаимодействии ($p < 0,05$). У новообразований в сфере моторики корреляций не выявлено.

Что касается отдельных негативистских проявлений, то наибольшее количество взаимосвязей выявлено по параметру «капризы, реакции на запреты». Эти реакции отрицательно коррелируют с умением матери воздействовать на состояние ребенка ($p < 0,01$), с позитивными чувствами матери при взаимодействии с ребенком и с преобладающим позитивным эмоциональным фоном взаимодействия ($p < 0,05$). Повышенная эмоциональность и гипобулические реакции отрицательно коррелируют с позитивными чув-

ствами матери при взаимодействии с ребенком и с оказанием эмоциональной поддержки ребенку ($p < 0,05$). Возбудимость менее выражена при умении матери воздействовать на состояние ребенка ($p < 0,05$).

Таким образом, для конструктивного компонента кризиса более значимыми оказались показатели блоков чувствительности матери и ее поведенческих проявлений при взаимодействии. Негативистские проявления взаимосвязаны прежде всего с показателями поведенческих проявлений, а также эмоционального принятия.

Количество взаимосвязей кризисных проявлений с показателями эмоционального взаимодействия отцов с детьми меньше, чем у матерей, и они касаются только конструктивного компонента. Интересно, что на выборке отцов выявлен противоположный характер связей с конструктивными новообразованиями кризиса (отрицательные корреляции). Также различие в том, что с показателями матерей из конструктивных проявлений была более всего взаимосвязана автономная детская речь, в то время как с показателями отцов – мотивирующие представления. Еще одно различие: на выборке отцов выявлены взаимосвязи новообразований в сфере моторики, чего на выборке матерей обнаружено не было.

Итак, на выборке отцов выявлено, что конструктивные новообразования кризиса (общий показатель) лучше сформированы при меньшей выраженности позитивных чувств при взаимодействии ($p < 0,05$).

Более всего взаимосвязей из конкретных проявлений имеют мотивирующие представления – они более развиты при более низком показателе по блоку эмоционального принятия у отцов и при более низких показателях по параметрам «позитивные чувства при взаимодействии отца с ребенком», «принятие родительской роли», «преобладающий эмоциональный фон взаимодействия» ($p < 0,01$). Новообразования в сфере моторики (рост интереса к взаимодействию с предметами, особое отношение к ходьбе) отрицательно коррелируют со способностью отца воспринимать состояние ребенка ($p < 0,05$).

Интересно, что с показателями постнатальной привязанности взаимосвязей не выявлено.

Корреляционный анализ выявил взаимосвязи кризисных проявлений с показателями воспитательных установок матерей (за исключением мотивирующих представлений). Общий показатель кризиса выше при установках как на излишнюю строгость, так и на партнерские отношения и ниже при установках на чрезмерную заботу и подавление агрессивности ($p < 0,05$). Общий показатель конструктивных проявлений ниже при установке на зависимость женщины от семьи (ограниченность интересов женщины рамками семьи, заботами исключительно о семье). Общий показатель негативистских проявлений выше при установке на излишнюю строгость ($p < 0,05$) и ниже при установке на подавление агрессивности ($p < 0,01$).

Что касается отдельных кризисных проявлений, то новообразования в сфере моторики (рост интереса к взаимодействию с предметами, особое отношение к ходьбе) имеют наибольшее количество взаимосвязей с воспи-

тательными установками. Они более выражены при установках на партнерские отношения с детьми ($p < 0,01$) и менее выражены при установках на зависимость и ограниченность интересов матери рамками семьи ($p < 0,01$), подавление воли ребенка, уклонение от контакта с ребенком и чрезвычайное вмешательство в мир ребенка ($p < 0,05$). Автономная детская речь отрицательно коррелирует с установкой на чрезвычайное вмешательство в мир ребенка ($p < 0,05$). Капризы и реакции на запреты, а также повышенная эмоциональность и гипобулические реакции более выражены при общем показателе «излишняя эмоциональная дистанция с ребенком» и менее выражены при установке на подавление агрессивности ($p < 0,05$). Кроме того, капризы и реакции на запреты более выражены при установке на излишнюю строгость ($p < 0,01$), а повышенная эмоциональность, гипобулические реакции менее выражены при установках на чрезмерную заботу ($p < 0,05$). Возбудимость и агрессия более выражены при установке на партнерские отношения ($p < 0,05$) и менее выражены при установках на подавление агрессивности и доминирование матери ($p < 0,01$) и чрезмерную заботу ($p < 0,05$).

Кризисные проявления у детей оказались взаимосвязаны с показателями удовлетворенности браком у их матерей. Так, выявлено, что чем выше удовлетворенность браком у женщины, тем меньше проблем она отмечает в плане повышенной эмоциональности ребенка, тем менее выражены у него в поведении гипобулические реакции и тем ниже общий показатель кризиса ($p < 0,05$). Корреляций между удовлетворенностью браком отцов и кризисными проявлениями у ребенка не обнаружено.

Обсуждение результатов

Результаты проведенного исследования поднимают ряд вопросов. Основной из них связан с методологией изучения кризисных периодов. По нашим данным выявить посткритическую фазу, т.е. угасание кризиса после полутора лет, не удалось. По-видимому, для ее выявления необходимы более представительная выборка и лонгитюдное исследование. Трудности при выявлении посткритической фазы обнаружены и при исследовании кризиса трех лет [23], что подтверждает идею Л.С. Выготского о размытости границ кризиса. Также интересно было бы расширить выборку, опуская возрастную границу, чтобы увидеть переход от предкритической фазы к критической. В упомянутом выше исследовании кризиса трех лет этот переход удалось уловить даже с помощью метода поперечных срезов.

Тем не менее, если подходить к понятию «возрастной кризис» как к нормативному явлению, как к периоду перестройки на стыке стабильных периодов, то можно не делать акцент на противоречиях этого подхода с моделью перехода. На наш взгляд, это, скорее, дополняющие друг друга ракурсы рассмотрения происходящих с ребенком в процессе развития изменений. Так, данные нашего исследования позволяют говорить о благополучном протекании кризиса одного года у детей – отмечается появление

конструктивных новообразований, прежде всего в области предречевого и речевого развития. Также отмечается появление мотивирующих представлений, т.е. всплывающих в памяти ребенка образов привлекательных предметов и мест, к которым он начинает стремиться, и новообразований в сфере моторики, связанных с ростом интереса к окружающим предметам и особым отношением к новому способу передвижения – ходьбе, которая становится привлекательнее ползания. Таким образом, современные эмпирические данные подтверждают теоретические положения Л.С. Выготского, Л.И. Божович и К.Н. Поливановой относительно конструктивных новообразований кризиса. Негативистские проявления выражены менее ярко – у детей до полутора лет можно говорить о признаках повышенной эмоциональности, появлении гипобулических реакций. У детей после полутора лет становятся более явными капризы, реакции на запреты, возрастают возбудимость и агрессия. Это свидетельствует об условности границ возрастного кризиса, а также подтверждает правомерность разделения «объективного» и «субъективного» его компонентов.

Не обнаружено половой специфики проявлений кризиса одного года и особенностей протекания кризиса у детей в связи с наличием сиблингов. Эти данные отличаются от результатов исследования аналогичных факторов при протекании кризиса трех лет у детей. Так, было выявлено, что кризис, особенно его конструктивный компонент, более выражен у девочек, и была показана большая уязвимость детей, имеющих сиблингов [30].

Что касается результатов изучения эмоциональной стороны взаимодействия родителей с детьми, то в целом можно говорить о благоприятной картине отношений с детьми как у матерей, так и у отцов. У матерей наиболее выражены стремление к телесному контакту, позитивные чувства во взаимодействии с ребенком и безусловное принятие. Эти данные согласуются с результатами изучения эмоционального взаимодействия в период кризиса трех лет: у матерей преобладают стремление к телесному контакту, способность воспринимать состояние ребенка и безусловное принятие [23]. Интересно, что у отцов нашей выборки триада наиболее выраженных параметров оказалась такой же, как у матерей, только в другой последовательности: доминируют позитивные чувства во взаимодействии, а стремление к телесному контакту находится на третьем месте. К наиболее типичным проблемам при взаимодействии можно отнести трудности при восприятии состояния ребенка (встречаются почти у трети матерей и половины отцов), при понимании причин состояния ребенка (у четверти матерей и 40% отцов), неумение воздействовать на состояние ребенка (около трети матерей и четверть отцов). Эти данные также согласуются с результатами исследования в период кризиса трех лет, где наиболее выраженными проблемами были неумение воздействовать на состояние ребенка и непонимание причин его состояния [23]. Выявленные различия в показателях матерей и отцов – более высокая чувствительность матерей и большая выраженность и зрелость у них поведенческих проявлений при взаимодействии – закономерны и отражают традиционную гендерную, основанную

в том числе на биологических факторах большую включенность матери во взаимодействие с детьми раннего возраста.

Благополучие в эмоциональном взаимодействии матерей с детьми также подтверждается данными о высокой привязанности матерей к детям, получении ими удовольствия от взаимодействия и низком показателе негативной настроенности по отношению к ребенку. Следует отметить, что большинство детей нашей выборки по своему возрасту находятся еще в стадии интенсивной привязанности к матери.

Изучение воспитательных установок матерей показывает направленность на установление оптимального эмоционального контакта с ребенком, наиболее выражены установки на уравнивательные отношения между родителями и ребенком (сотрудничество) и вербализацию, т.е. побуждение словесных проявлений. Эти установки являются доминирующими, по данным других исследований, и в стабильный период 4–6 лет и в период кризиса 6–7 лет [22]. Также выявлено сходство и в наименее выраженных установках – уклонении от контакта с ребенком и стремлении ускорить его развитие. В целом можно говорить о зрелости воспитательных установок матерей. Неоднозначным, на первый взгляд, является лишь факт, что третье место по выраженности занимает установка на семейные конфликты. Но показатель ее выраженности отражает понимание невозможности уйти от конфликтов в целом, преодоление идеализации и, соответственно, также достаточную зрелость когнитивного компонента отношений. Из менее позитивных тенденций следует отметить выраженность некоторых установок, связанных с излишней концентрацией на ребенке. Это укладывается в выявленные в другие возрастные периоды тенденции современных матерей к гиперопеке детей [22].

Удовлетворенность браком и у женщин, и у мужчин нашей выборки находится на достаточно высоком уровне.

Как показали результаты исследования, проявления кризиса одного года у детей взаимосвязаны прежде всего с показателями детско-родительского взаимодействия. При этом имеют значение как показатели эмоциональной стороны взаимодействия с обоими родителями, так и воспитательные установки матерей, отражающие в большей степени когнитивный компонент детско-родительских отношений.

При интерпретации полученных взаимосвязей следует учитывать, что было бы корректнее говорить не о кризисных проявлениях самих по себе, а о восприятии матерями кризисных проявлений у детей, но для краткости мы не будем каждый раз акцентировать на этом внимание.

Что касается эмоционального взаимодействия, то наши данные на большей выборке уточнили результаты пилотажного исследования [9].

Во-первых, более тесные взаимосвязи кризисных проявлений обнаружены с характеристиками эмоционального взаимодействия матерей по сравнению с отцами.

Во-вторых, взаимосвязи, выявленные у отцов, касаются только конструктивного компонента кризиса.

В-третьих, взаимосвязи конструктивных новообразований кризиса с параметрами эмоционального взаимодействия носят противоположный характер у матерей и отцов. Так, для формирования конструктивных кризисных новообразований (особенно для речевого развития, в меньшей степени – для появления мотивирующих представлений) ребенку необходимы чувствительность матери и зрелость ее поведенческих проявлений. В то же время со стороны отцов для формирования конструктивных новообразований, прежде всего мотивирующих представлений, желательна другая модель поведения, связанная с менее интенсивной выраженностью позитивных чувств при взаимодействии и эмоционального принятия. На наш взгляд, выявленные различия близки к понятиям безусловной и условной любви, описанным Э. Фроммом. Так, конструктивные новообразования кризиса связаны с проявлениями, напоминающими безусловную любовь к ребенку у матери и условную любовь у отца. Возможно, именно сочетание того и другого помогает благополучному разрешению кризиса, так как, с одной стороны, включает полное принятие и эмоциональную поддержку ребенка, а с другой – учит его реагировать на первые запреты и учитывать границы в ситуациях взаимодействия. При этом следует отметить, что гендерный аспект в данном случае выступает наиболее традиционным вариантом, что не исключает и других возможных моделей взаимодействия в семье с учетом личностных особенностей родителей.

Можно также отметить, что из конструктивных новообразований с показателями эмоционального взаимодействия матерей более всего взаимосвязана автономная детская речь, в то время как с показателями отцов – мотивирующие представления. Новообразования в сфере моторики коррелируют лишь с характеристиками эмоционального взаимодействия с отцами.

Негативистские симптомы у детей взаимосвязаны только с характеристиками эмоционального взаимодействия матерей, прежде всего с блоком поведенческих проявлений эмоционального взаимодействия. Так, умение матери воздействовать на состояние ребенка, оказание ему эмоциональной поддержки приводят к снижению у него негативистских реакций. Также выявлены отрицательные взаимосвязи негативистских проявлений и показателей блока эмоционального принятия. При этом следует отметить, что наиболее тесные взаимосвязи с характеристиками эмоционального взаимодействия имеют капризы, реакции на запреты.

Можно предположить, что для благополучного протекания кризиса одного года подходит традиционная модель семейного взаимодействия. Задачей матери прежде всего является формирование у ребенка базового доверия к миру через эмоциональное принятие, а задачей отца – выстраивание некоторых границ в общении с ребенком через систему запретов. Как видно по нашим данным, некоторая строгость со стороны отца (связанная с меньшей выраженностью позитивных чувств при взаимодействии и эмоционального принятия) стимулирует у ребенка развитие новообразований в сфере моторики и в когнитивной сфере (появление мотивирующих представлений). Это согласуется и с тем, что четкая система запретов по-

могает ребенку пройти переход «объективация–субъективация», т.е. из объекта новых способностей стать их субъектом [7].

Перейдем к рассмотрению результатов, касающихся воспитательных установок матерей. Кризис, по оценкам матерей, в целом более выражен при установке на излишнюю строгость, но также и при установке на партнерские отношения. С одной стороны, это может подтверждать нормативность возрастного кризиса. С другой стороны, можно предположить, что установка на партнерские отношения не совсем адекватна возрасту детей и задачам их развития в периоды младенчества и раннего детства. Таким образом, обе установки не являются оптимальными и могут провоцировать негативистские проявления. Для установки на излишнюю строгость это подтверждается выявленной взаимосвязью с общим показателем негативистских проявлений. В данном случае можно вспомнить идею К.Н. Поливановой о важности родителям в период кризиса перейти с этапа усиления прежних воспитательных воздействий (этот этап как раз связан с усилением строгости) к этапу поиска новых воспитательных воздействий [Там же]. Также выявлено, что кризис менее выражен при установках на чрезмерную заботу и подавление агрессивности, при этом и общий показатель негативистских проявлений ниже при установке на подавление агрессивности. Что касается чрезмерной заботы, можно предположить, что она связана и со снижением конструктивной составляющей. Так, общий показатель конструктивных проявлений ниже при установке на зависимость женщины от семьи (ограниченность интересов женщины рамками семьи, заботами исключительно о семье).

Что касается отдельных кризисных новообразований (конструктивный компонент), то выявлена негативная роль установок, связанных с излишней концентрацией на ребенке, авторитарностью матери, в новообразованиях в сфере моторики и речи, особенно ярко это выражено в сфере моторики, отношения с предметным миром.

Негативистские проявления более выражены при установках, связанных с излишней эмоциональной дистанцией с ребенком. Капризы и реакции на запреты провоцируются строгостью и, по-видимому, вызывают желание родителей ее усилить, что отражает описанную К.Н. Поливановой схему прохождения родителями в период кризиса этапа «усиления прежних воспитательных воздействий». В то же время установка на партнерские отношения не снижает возбудимость и агрессию, а наоборот, провоцирует (в отличие от авторитарных установок в сочетании с заботой). Эти данные поднимают дискуссионные вопросы о воспитании в раннем детстве. Необходим поиск воспитательных стратегий, учитывающих возраст ребенка и помогающих ему почувствовать себя рядом с уверенным взрослым, помогающим ему выстроить границы своего поведения. В то же время важно создание безопасной среды, позволяющей ребенку выражать разные эмоции, в том числе и негативные. На наш взгляд, метафорически наиболее благоприятный семейный контекст можно было бы обозначить как «добрая, но твердая власть» – сочетание близости и выстраивания пер-

вых границ, помогающих ребенку постепенно выходить из слияния, симбиоза с матерью.

Интересно также то, что если удовлетворенность браком отцов не оказалась взаимосвязанной с психическим развитием и поведением ребенка в период кризиса, то удовлетворенность браком матерей имеет некоторые взаимосвязи с кризисными проявлениями детей. Чем более удовлетворена женщина браком, тем менее эмоционально в ее восприятии протекает кризис у ребенка – реже встречаются яркие вспышки протеста (гипобулические реакции) и ниже общая выраженность кризиса. Несмотря на то, что кризис в целом мы рассматриваем вслед за К.Н. Поливановой как акт развития, в данном случае снижение общего показателя связано, скорее, с негативистским компонентом, и в целом это можно рассматривать как позитивную тенденцию. Также можно предположить, что при высокой удовлетворенности браком женщины меньше фиксируются на негативистских проявлениях ребенка в силу своего более ресурсного состояния. В то же время при более низкой удовлетворенности браком женщины могут транслировать ребенку свое состояние, провоцируя у него определенные негативистские модели поведения. Эти данные нуждаются в уточнении на более широкой выборке, включающей менее удовлетворенных браком родителей.

Заключение

Проведенное исследование позволило нам сформулировать несколько выводов.

1. Кризис одного года протекает у детей в конструктивном русле – появляются автономная детская речь, мотивирующие представления и новообразования в сфере моторики, связанные с ростом интереса к окружающим предметам и особым отношением к ходьбе. У детей до полутора лет отмечаются признаки негативистских проявлений – повышенная эмоциональность и первые гипобулические реакции. После полутора лет более ярко выражены капризы, реакции на запреты, возбудимость и агрессия. При этом значимых различий между кризисными проявлениями детей до полутора лет и после полутора лет не выявлено, что не позволяет определить по нашим данным поскритическую фазу. В проявлениях кризиса одного года не выявлено значимых различий в связи с полом детей и наличием у них сиблингов.

2. В целом можно говорить о благополучии в эмоциональном взаимодействии с детьми как матерей, так и отцов – преобладают позитивные чувства во взаимодействии, безусловное принятие, выражено стремление к телесному контакту с ребенком. При этом отмечаются некоторые проблемные зоны: трудности при восприятии состояния ребенка (у 29% матерей и 48% отцов), при понимании причин состояния ребенка (у 26% матерей и 39% отцов), неумение воздействовать на состояние ребенка (у 29% матерей и 26% отцов), трудности с ориентацией на состояние ребенка при

взаимодействии (у 10% матерей и 23% отцов). Показатели постнатальной привязанности матерей к детям соответствуют высокому уровню.

3. Воспитательные установки матерей направлены прежде всего на установление оптимального эмоционального контакта с ребенком, что свидетельствует об их зрелости. Наиболее выражены установки на уравниательные отношения между родителями и ребенком, вербализацию, отмечается понимание неизбежности семейных конфликтов, наименее выражены установки на уклонение от контакта с ребенком, стремление ускорить его развитие и зависимость матери от семьи.

4. Удовлетворенность браком и у женщин, и у мужчин нашей выборки соответствует высокому уровню.

5. Корреляционный анализ выявил более тесные взаимосвязи кризисных проявлений у детей с характеристиками эмоционального взаимодействия с ними у матерей по сравнению с отцами. Для формирования конструктивных кризисных новообразований (особенно для речевого развития, в меньшей степени – для появления мотивирующих представлений) ребенку необходимы чувствительность матери и зрелость ее поведенческих проявлений при эмоциональном взаимодействии в сочетании с некоторой долей «условной любви» со стороны отцов (это проявляется в менее интенсивной выраженности позитивных чувств при взаимодействии и эмоционального принятия со стороны отцов). Для снижения негативистских проявлений кризиса (прежде всего капризов и реакций на запреты) важны умение матери воздействовать на состояние ребенка, оказывать ему поддержку, а также ее общее эмоциональное принятие ребенка.

6. Взаимосвязи кризисных проявлений с воспитательными установками матерей показывают, что кризис в целом более выражен как при установке на излишнюю строгость, так и при установке на партнерские отношения. Кризис менее выражен при установках на чрезмерную заботу и подавление агрессивности, при этом и общий показатель негативистских проявлений ниже при установке на подавление агрессивности. Установки, связанные с излишней концентрацией на ребенке, замедляют формирование у него новообразований в сфере моторики и речи. В то же время излишняя эмоциональная дистанция с ребенком и строгость, так же как и установка на партнерские отношения, могут провоцировать усиление негативистских кризисных проявлений. Все эти данные подтверждают важность перехода матерей с этапа «усиления прежних воспитательных воздействий» на этап «поиска новых воспитательных воздействий».

7. Выявлены взаимосвязи кризисных проявлений у детей с показателем удовлетворенности матери браком: чем выше удовлетворенность женщины супружеством, тем ниже, по оценке матери, общая выраженность кризиса у ребенка (прежде всего за счет снижения у него гипобулических реакций). Взаимосвязей с удовлетворенностью браком отцов не выявлено.

Таким образом, исследование подтвердило выдвинутые гипотезы и показало более тесные взаимосвязи кризисных проявлений у детей с характеристиками взаимодействия со стороны матерей по сравнению с отцами.

На наш взгляд, интересно и значимо в практическом плане то, что наши данные говорят о важности сохранения традиционной модели семьи для благополучного протекания и разрешения кризиса одного года у ребенка. Мать дает ребенку эмоциональную поддержку, чувство защищенности, а отец выстраивает некоторые границы, он более строг и последователен в запретах. Сейчас в психологии используется понятие «новые отцы» – речь о современных мужчинах, которые намного более активно включены в воспитание и эмоциональное взаимодействие с детьми по сравнению с мужчинами предыдущих поколений. В связи с этим важно понимание того, что эта позитивная в целом тенденция должна все-таки не исключать некоторого распределения ролей в семье, чтобы отвечать задачам развития ребенка в кризисный период.

Ограничения нашего исследования связаны главным образом с недостаточной представительной выборкой для деления на три микровозрастные группы (чтобы было возможно изучить предкритическую, критическую и посткритическую фазы) и использованием метода поперечных срезов. В будущем мы планируем расширение выборки и проведение лонгитюдного исследования с целью обнаружения трех фаз кризиса.

Увеличение выборки необходимо и для более детального изучения влияния факторов возраста, пола и наличия сиблингов не только на кризисные проявления, но и на характеристики семейного взаимодействия. В нашем исследовании получены некоторые предварительные данные о влиянии этих факторов, но мы не стали их приводить, так как количество детей в группах сравнения недостаточно для того, чтобы говорить о каких-то закономерностях.

Также было бы интересно более активно задействовать отцов в исследовании – изучить и их воспитательные установки и привязанность к детям. Возможно, это позволит уточнить наши выводы о различиях во взаимодействиях матерей и отцов с детьми и о моделях семейного воспитания, конструктивных для задач развития ребенка в период кризиса одного года.

Еще одна задача – проанализировать взаимосвязи кризисных проявлений с характеристиками семейного взаимодействия отдельно на выборках мальчиков и девочек. Также при расширении выборки исследования можно поставить задачу выявления предикторов выраженности кризиса в целом и его двух компонентов (конструктивного и негативистского) в области семейного взаимодействия с учетом пола ребенка.

Следует отметить, что кризисные проявления у ребенка могут быть обусловлены его индивидуальными особенностями (общим темпом психического развития, личностными чертами), что также представляет поле для дальнейших исследований кризиса одного года.

Литература

1. Выготский Л.С. Собрание сочинений : в 6 т. / под ред. Д.Б. Эльконина. М. : Педагогика, 1984. Т. 4: Детская психология. 432 с.
2. Эриксон Э. Детство и общество. СПб. : Летний сад, 2000. 416 с.

3. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1972. 576 с.
4. Божович Л.И. Этапы формирования личности в онтогенезе // Вопросы психологии. 1978. № 4. С. 23–35.
5. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. М. : Педагогика, 1989. 560 с.
6. Гуськова Т.В., Елагина М.Г. Личностные новообразования у детей в период кризиса трех лет // Вопросы психологии. 1987. № 5. С. 78–86.
7. Поливанова К.Н. Психология возрастных кризисов. М. : Академия, 2000. 184 с.
8. Василенко В.Е., Кузнецова (Уланова) Ю.Ю., Наталенко Я.В. Протекание кризисов раннего детства в связи с детско-родительским взаимодействием // Проблемы современного педагогического образования. Сер. Педагогика и психология : сб. науч. тр. Ялта : РИО ГПА, 2018. Вып. 58, ч. 3. С. 308–313.
9. Василенко В.Е., Наталенко Я.В. Проявления кризиса одного года и детско-родительское эмоциональное взаимодействие // Проблемы современного педагогического образования. Сер. Педагогика и психология : сб. ст. Ялта : РИО ГПА, 2016. Вып. 53, ч. 9. С. 268–277.
10. Савенышева С.С., Чижова В.Ф. Материнское отношение как фактор психического развития ребенка раннего возраста // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2013. Вып. 3. С. 32–41.
11. Kim B.R., Chow S.M., Bray B., Teti D.M. Trajectories of mothers' emotional availability: relations with infant temperament in predicting attachment security // Attachment & Human Development. 2017. Vol. 19, № 1. P. 38–57. DOI: 10.1080/14616734.2016.1252780.
12. Siddiqui A., Hagglof B. Does maternal prenatal attachment predict postnatal mother-infant interaction? // Early Human Development. 2000. Vol. 59, № 1. P. 13–25. DOI: 10.1016/S0378-3782(00)00076-1.
13. Damato E.G. Prenatal attachment and other correlates of postnatal maternal attachment to twins // Advances in Neonatal Care. 2004. Vol. 4, № 5. P. 274–291. DOI: 10.1016/j.adnc.2004.07.005.
14. Belsky J. The Determinants of Parenting: A Process Model // Child Development. 1984. Vol. 55, № 1. P. 83–96.
15. Van Bakel H.J., Riksen-Walraven J.M. Parenting and development of one-year-olds: links with parental, contextual, and child characteristics // Child Development. 2002. Vol. 73, № 1. P. 256–273. DOI: 10.1111/1467-8624.00404.
16. Pleshkova N.L., Muhamedrahimov R.J. Quality of attachment in St Petersburg (Russian Federation): a sample of family-reared infants // Clinical child psychology and psychiatry. 2010. Vol. 15, № 3. P. 355–362. DOI: 10.1177/1359104510365453.
17. Roggman L.A., Boyce L.K., Cook J. Widening the lens: Viewing fathers in infants' lives // Infant development: Ecological perspectives / H.E. Fitzgerald, K.H. Karraker, T. Luster (eds.). New York : Routledge Falmer, 2001. P. 193–220.
18. Paquette D. Theorizing the father-child relationship: Mechanisms and developmental outcomes // Human Development. 2004. Vol. 47. P. 193–219. DOI: 10.1159/000078723.
19. Cabrera N., Fitzgerald H.E., Bradley R.H., Roggman L. Modeling the dynamics of paternal influences on children over the lifespan // Applied Developmental Science. 2007. Vol. 11, № 4. P. 185–189. DOI: 10.1080/10888690701762027.
20. Калина О.Г., Холмогорова А.Б. Роль отца в психическом развитии ребенка. М. : Форум, 2011. 112 с.
21. Василенко В.Е., Зубкова М.В. Проявления кризиса семи лет в связи с особенностями семьи // International Journal of Developmental and Educational Psychology. 2013. Vol. 1, № 1. P. 19–30.
22. Головей Л.А., Савенышева С.С., Василенко В.Е. Детско-родительские отношения в стабильные и кризисные периоды детства // Психологический журнал. 2015. Т. 36, № 2. С. 32–43.
23. Уланова Ю.Ю., Василенко В.Е. Проявления кризиса трех лет в связи с особенностями детско-родительского взаимодействия // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7, № 4. С. 68–82. DOI: 10.17759/sps.2016070405.

24. Шавырина А.А. Психологическая сущность упрямства и негативизма у детей // Психологическая наука и образование. 2008. № 5. С. 37–46.
25. Куфтяк Е.В. Семейная устойчивость как психологический феномен // Сибирский психологический журнал. 2010. № 38 С. 38–44.
26. Поливанова К.Н. Современное родительство как предмет исследования // Психологическая наука и образование. 2015. Т. 7, № 3. С. 1–11. DOI: 10.17759/psyedu.2015070301.
27. Василенко В.Е., Наталенко Я.В. Опросник проявлений кризиса одного года: психометрические характеристики // Мир науки. Педагогика и психология : интернет-журнал. 2019. № 1, т. 7. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/08PSMN119.pdf>
28. Лидерс А.Г. Психологическое обследование семьи. М. : Академия, 2008. 432 с.
29. Condon J.T. The assessment of antenatal emotional attachment: Development of a questionnaire instrument // British Journal of Medical Psychology. 1993. № 66. P. 167–183. DOI: 10.1111/j.2044-8341.1993.tb01739.x.
30. Уланова Ю.Ю., Василенко В.Е. Протекание кризиса трех лет в связи с факторами возраста, пола, структуры семьи и социализации ребенка // Вестник Пермского университета. Сер. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 3 (27). С. 75–85. DOI: 10.17072/2078-7898/2016-3-75-85.

*Поступила в редакцию 28.11.2018 г.; повторно 27.12.2018 г.;
повторно 02.02.2021 г.; принята 29.04.2021 г.*

Василенко Виктория Евгеньевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития и дифференциальной психологии Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: v.vasilenko@spbu.ru

Наталенко Яна Владимировна – психолог Академии развития и досуга «Дочки-сыночки», Санкт-Петербург, Ленинградская область.

E-mail: ynatalenko@mail.ru

For citation: Vasilenko, V.E., Natalenko, Y.V. Crisis of the First Year and Its Manifestations Due to Family Interaction. *Sibirskiy Psikhologicheskij Zhurnal – Siberian journal of psychology*. 2021; 80: 165–191. doi: 10.17223/17267080/80/9. In Russian. English Summary

Crisis of the First Year and Its Manifestations Due to Family Interaction¹

V.E. Vasilenko^a, Y.V. Natalenko^b

^a Saint-Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034 Russian Federation

^b Academy of Development and Leisure "Daughters-sons", 7, k. 1, Village. Telmana, St. Petersburg, Leningrad region, 187031, Russian Federation

Abstract

The study involved 117 people from 43 families of Saint-Petersburg. Among them there were 31 triads “mother – father -child” and 12 dyads “mother - child”, i.e. 43 children (20 boys and 23 girls), 43 mothers and 31 fathers. The age of children differed from 10 months to 2 years. The sample was divided into 2 age groups: from 10 months to 1 year 6 months; and from 1 year 7 months to 2 years. The methods we used were the following: “Manifestations of the crisis of the first year” questionnaire by V. Vasilenko, “Child and parent emotional interaction” questionnaire by E. Zakharova, Maternal postnatal attachment

¹ The reported study was funded by RFBR, project number 16-06-00392-ОГН.

scale by J. Condon, Parental Attitude Research Instrument (PARI) by E.S. Schaefer & R.Q. Bell, Test of marriage satisfaction by Y.E. Aleshina, L.Y. Gozman, E.M. Dubovskaya.

The study revealed that constructive formations of the crisis prevail over negativistic manifestations; the main formation is autonomous child speech. The postcritical phase has not been identified. The data in general show the well-being in the child and parent emotional interaction, the high maternal attachment to children, and prevalence of attitudes towards optimal emotional contact with the child and the high level of marriage satisfaction. At the same time we revealed reduced indicators of ability to perceive the child's state (29% mothers and 48% fathers), understand what causes the child's state (26% mothers and 39% fathers), influence to the child's state (29% mothers and 26% fathers). Constructive formations of the crisis are positively correlated with the sensitivity of the mother, the maturity of her behavioral manifestations in interaction and negatively correlated with positive feelings in interaction and emotional acceptance from fathers, as well as with the maternal attitudes to excessive concentration on the child. Negativistic manifestations of the crisis are less pronounced in the case of mother's ability to influence to the child's state, to support him, the child's emotional acceptance and mother's marriage satisfaction, and more pronounced in the case of maternal attitudes to the excessive emotional distance with the child, severity and, at the same time, to partnership with the child.

Thus, the mother's sensitivity, maturity of her behavioral manifestations in interaction and parental attitudes combined with some "conditional love" from fathers can be regarded as resources for the successful flowing of the crisis of the first year. Parents need to move from strengthening their previous parenting methods to searching for new forms of interaction.

Keywords: crisis of the first year; constructive formations; negativistic manifestations; family interaction; parent and child emotional interaction; maternal postnatal attachment; parental attitudes; marriage satisfaction.

References

1. Vygotsky, L.S. (1984) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 4. Moscow: Pedagogika.
2. Erickson, E. (2000) *Detstvo i obshchestvo* [Childhood and Society]. Translated from English. St. Petersburg: Letniy sad.
3. Leontiev, A.N. (1972) *Problemy razvitiya psikhiki* [Problems of the Psychic Development]. Moscow: Moscow State University.
4. Bozhovich, L.I. (1978) Etapy formirovaniya lichnosti v ontogeneze [Stages of personality formation in ontogenesis]. *Voprosy psikhologii*. 4. pp. 23–35.
5. Elkonin, D.B. (1989) *Izbrannyye psikhologicheskie trudy* [Selected Works on Psychology]. Moscow: Pedagogika.
6. Guskova, T.V. & Elagina, M.G. (1987) Lichnostnye novoobrazovaniya u detey v period krizisa trekh let [Personal neoplasms in children during the crisis of three years]. *Voprosy psikhologii*. 5. pp. 78–86.
7. Polivanova, K.N. (2000) *Psikhologiya vrazrastnykh krizisov* [The psychology of age-related crises]. Moscow: Akademiya.
8. Vasilenko, V.E., Kuznetsova (Ulanova), Yu.Yu. & Natalenko, Ya.V. (2018) Protekanie krizisov rannego detstva v svyazi s detsko-roditel'skim vzaimodeystviem [The course of crises of early childhood in connection with child-parent interaction]. In: Gluzman, A.V. et al. (eds) *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. Ser. Pedagogika i psikhologiya* [Problems of Modern Pedagogical Education. Ser. Pedagogy and Psychology]. Issue 58. Yalta: RIO GPA. pp. 308–313.
9. Vasilenko, V.E. & Natalenko, Ya.V. (2016) Proyavleniya krizisa odnogo goda i detsko-roditel'skoe emotsional'noe vzaimodeystvie [Manifestations of the one-year crisis and child-parental emotional interaction]. In: Gluzman, A.V. et al. (eds) *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. Ser. Pedagogika i psikhologiya* [Problems of

- Modern Pedagogical Education. Ser. Pedagogy and Psychology]. Issue 53. Yalta: RIO GPA. pp. 268–277.
10. Savenysheva, S.S. & Chizhova, V.F. (2013) Materinskoe otnoshenie kak faktor psikhicheskogo razvitiya rebenka rannego vozrasta [Maternal attitude as a factor in the mental development of a child of early age]. *Vestnik SPbGU. Ser. 12 – Vestniks of Saint Petersburg University. Series 12*. 3. pp. 32–41.
 11. Kim, B.R., Chow, S.M., Bray, B. & Teti, D.M. (2017) Trajectories of mothers' emotional availability: relations with infant temperament in predicting attachment security. *Attachment & Human Development*. 19(1). pp. 38–57. DOI: 10.1080/14616734.2016.1252780
 12. Siddiqui, A. & Hagglof, B. (2000) Does maternal prenatal attachment predict postnatal mother-infant interaction? *Early Human Development*. 59(1). pp. 13–25. DOI: 10.1016/S0378-3782(00)00076-1
 13. Damato, E.G. (2004) Prenatal attachment and other correlates of postnatal maternal attachment to twins. *Advances in Neonatal Care*. 4(5). pp. 274–291. DOI: 10.1016/j.adnc.2004.07.005
 14. Belsky, J. (1984) The Determinants of Parenting: A Process Model. *Child Development*. 55(1). pp. 83–96.
 15. Van Bakel, H.J. & Riksen-Walraven, J.M. (2002) Parenting and development of one-year-olds: links with parental, contextual, and child characteristics. *Child Development*. 73(1). pp. 256–273. DOI: 10.1111/1467-8624.00404
 16. Pleshkova, N.L. & Muhamedrahimov, R.J. (2010) Quality of attachment in St Petersburg (Russian Federation): a sample of family-reared infants. *Clinical Child Psychology and Psychiatry*. 15(3). pp. 355–362. DOI: 10.1177/1359104510365453
 17. Roggman, L.A., Boyce, L.K. & Cook, J. (2001) Widening the lens: Viewing fathers in infants' lives. In: Fitzgerald, H.E., Karraker, K.H. & Luster, T. (eds) *Infant Development: Ecological Perspectives*. New York: Routledge Falmer. pp. 193–220.
 18. Paquette, D. (2004) Theorizing the father–child relationship: Mechanisms and developmental outcomes. *Human Development*. 47. pp. 193–219. DOI: 10.1159/000078723
 19. Cabrera, N., Fitzgerald, H.E., Bradley, R.H. & Roggman, L. (2007) Modeling the dynamics of paternal influences on children over the lifespan. *Applied Developmental Science*. 11(4). pp. 185–189. DOI: 10.1080/10888690701762027
 20. Kalina, O.G. & Kholmogorova, A.B. (2011) *Rol' ottsa v psikhicheskom razviti rebenka* [The role of the father in child's mental development]. Moscow: Forum.
 21. Vasilenko, V.E. & Zubkova, M.V. (2013) Manifestations of the “seven year old child's crisis” and family characteristics. *International Journal of Developmental and Educational Psychology*. 1(1). pp. 19–30. (In Russian).
 22. Golovey, L.A., Savenysheva, S.S. & Vasilenko, V.E. (2015) Parent-child relationships in stable and critical periods of childhood. *Psikhologicheskii zhurnal*. 36(2). pp. 32–43. (In Russian).
 23. Ulanova, Yu.Yu. & Vasilenko, V.E. (2016) Manifestations of the “3 year old child's crisis” in relation to characteristics of the parent-child interaction. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo – Social Psychology and Society*. 7(4). pp. 68–82. (In Russian). DOI: 10.17759/sps.2016070405
 24. Shavryina, A.A. (2008) Psikhologicheskaya sushchnost' upryamstva i negativizma u detey [The psychology of stubbornness and negativism in children]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie – Psychological Science and Education*. 5. pp. 37–46.
 25. Kuftyak, E.V. (2010) Family resilience as a psychological phenomenon. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 38 pp. 38–44. (In Russian).
 26. Polivanova, K.N. (2015) Parenting and parenthood as research domains. *Psikhologopedagogicheskie issledovaniya – Psychological-Educational Studies*. 7(3). pp. 1–11. (In Russian). DOI: 10.17759/psyedu.2015070301
 27. Vasilenko, V.E. & Natalenko, Ya.V. (2019)). “Manifestations of the one year old child's crisis” questionnaire: psychometric characteristics. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya*

- *World of Science. Pedagogy and psychology*. 1(7). (In Russian). [Online] Available form: <https://mir-nauki.com/PDF/08PSMN119.pdf>
28. Liders, A.G. (2008) *Psikhologicheskoe obsledovanie sem'i* [Psychological Examination of the Family]. Moscow: Akademiya.
29. Condon, J.T. (1993) The assessment of antenatal emotional attachment: Development of a questionnaire instrument. *British Journal of Medical Psychology*. 66. pp. 167–183. DOI: 10.1111/j.2044-8341.1993.tb01739.x.
30. Ulanova, Yu.Yu. & Vasilenko, V.E. (2016) The “the three year old child’s crisis” in relation to age, gender, family structure and socialization of the child. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya – Perm University Herald. Series “Philosophy. Psychology. Sociology”*. 3(27). pp. 75–85. (In Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2016-3-75-85

Received 28.11.2018; Revised 27.12.2018;
Revised 02.02.2021; Accepted 29.04.2021

Victoria E. Vasilenko – Associate Professor of the Department of Developmental Psychology and Differential Psychology, St. Petersburg State University. Cand. Sc. (Psychol.).

E-mail: v.vasilenko@spbu.ru

Yana V. Natalenko – psychologist of the Academy of Development and Leisure “Daughters–Sons”, St. Petersburg, Leningrad region.

E-mail: ynatalenko@mail.ru

УДК 364.622

МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ КУРСАНТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВУЗА МЧС РОССИИ

Н.О. Леоненко^а, Е.И. Осташева^б, Т.В. Иванова^с, А.С. Давиденко^с

^а *Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 191186, Россия, Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, 48*

^б *НКО «Ассоциация медицинских (клинических) психологов», 191123, Россия, Санкт-Петербург, ул. Захарьевская, 17/Б*

^с *Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 196105, Россия, Санкт-Петербург, Московский проспект, 149*

Обоснована и разработана модель развития жизнестойкости курсантов, интегрированная в образовательный процесс и направленная на усиление психологической готовности к решению профессиональных задач в экстремальных условиях. В основе разработки методы: обзорно-аналитический, эмпирический, вероятностный и моделирования. Интериоризация знаний и умений до уровня компетентности обеспечена опорой на когнитивный, деятельностный, рефлексивный механизмы.

Ключевые слова: жизнестойкость; стрессоустойчивость; экстремальная ситуация; стратегии совладания; саморегуляция; образовательный процесс; профессиональная подготовка; модель развития жизнестойкости; психологическая подготовка курсантов; психологическая готовность сотрудников ГПС МЧС.

Введение

Современная ситуация характеризуется глобальным расширением масштабов, сложности и частоты серьезных чрезвычайных ситуаций во всем мире. Вторжение человека в сферу природных явлений, закономерный износ промышленных объектов индустриальной эпохи, загрязнение биосферы высокотоксичными и радиоактивными отходами производства, усложнение и цифровизация технологических процессов – все это приводит к росту количества крупномасштабных аварий в промышленности, энергетике и на транспорте, к опасным природным процессам и явлениям, течение и закономерности которых не поддаются прежним подходам к прогнозированию и предотвращению. Учитывая тенденции к концентрации населения на ограниченных территориях, энтропийность протекающих в природе и техносфере процессов представляет серьезный фактор риска для миллионов людей.

Одним из наиболее распространенных и грозных следствий чрезвычайных ситуаций самого разного характера является пожар. Согласно статистике, в мире ежегодно фиксируется более 3,1 млн пожаров, в которых гибнет более 20 тыс. человек – по официальным данным и более – 70 тыс. человек – по неофициальным [1]. Устраняя последствия пожара и спасая

чужие жизни, подвергают свою жизнь опасности и сами пожарные. Как свидетельствует статистика, при тушении пожаров в год погибают в среднем 72 пожарных [2]. Риски при тушении пожаров связаны с воздействием таких опасных факторов пожара (далее – ОФП), как пламя и искры, тепловой поток, повышенная температура окружающей среды, повышенная концентрация токсичных продуктов горения и термического разложения, пониженная концентрация кислорода, снижение видимости в дыму, а также сопутствующих проявлений опасных факторов пожара [3. Ст. 9]. Степень экстремальности ситуации определяется силой, продолжительностью, новизной, непривычностью проявления экстремальных факторов [4]. Высочайшая степень риска, непредсказуемости и ответственности в решении задач, стоящих перед личным составом пожарной охраны Российской Федерации, определяет высочайшие требования к профессиональной подготовке специалистов [5].

Учитывая экстремальный характер деятельности, помимо серьезной профессиональной подготовленности, такие специалисты должны обладать высоким потенциалом психологических характеристик, обеспечивающих стрессоустойчивость, способность к быстрой оценке и адекватным действиям, от которых зависит жизнь самого пожарного и других людей. Оптимальным для развития такого потенциала является студенческий период, который характеризуется высоким уровнем развития интеллекта, мотивационной и волевой сфер личности юношей, освоением стратегий саморегуляции и активного совладания на всех уровнях функционирования – смысловом, психологическом, поведенческом (И. Кон, Э. Эриксон, В.И. Слободчиков и др.). В этот период важно предоставить психологические средства и условия для овладения эффективными стратегиями совладания и саморегуляции. В контексте деятельностного подхода такими условиями являются реальная практика, непосредственное включение в деятельность, выходящие за рамки традиционных форм обучения (лекций, семинарских занятий и т.п.).

Учебные планы по подготовке специалистов в области пожарной безопасности в вузах ГПС МЧС России предусматривают психологическую подготовку курсантов в рамках дисциплин «Педагогика и психология», «Экстремальная психология», «Психологические аспекты принятия управленческого решения в экстремальных ситуациях». Дисциплины призваны сформировать у курсантов ряд общекультурных и общепрофессиональных компетенций, лежащих в основе самопонимания, саморегуляции, самоуправления, совладания в ситуации стресса и т.п. Однако, как показывает опрос курсантов о субъективном переживании стресса при проведении практических занятий по направлению «пожаротушение», высокие оценки промежуточной и итоговой аттестации по психологическим дисциплинам не трансформируются в качество способности использовать полученные знания в реальной экстремальной ситуации. В учебных условиях, приближенных и предшествующих реальным боевым действиям по тушению пожара, курсанты испытывают колоссальный стресс, не позволяющий использовать полученные знания и оказывающий разрушительное влияние

на здоровье и часто профессиональную мотивацию [6]. На наш взгляд, разрыв между знанием и способностью его применить может быть связан с отсутствием практики, обеспечивающей интериоризацию знаний до уровня компетентности. Традиционные семинарские занятия не включают в себя деятельностных механизмов освоения стратегий саморегуляции и рефлексии полученного опыта в целях осознанной коррекции в последующей деятельности. В итоге полученные знания остаются внешней информацией, не присвоенной обучающимся в качестве собственного средства совладания в экстремальной ситуации.

Таким образом, проблема заключается в противоречии между востребованностью обоснованных средств обеспечения психологической готовности и их отсутствием на этапе профессиональной подготовки курсантов в вузах ГПС МЧС России. Целью нашего исследования являются научное обоснование и разработка модели развития жизнестойкости курсантов, интегрированной в образовательный процесс вуза ГПС МЧС России. С точки зрения содержания модель представляет собой систему практик (активные формы, теоретические занятия, рефлексивные практики, тренинг саморегуляции и трансформационного совладания, апробация освоенных компетенций в учебной ситуации, имитация экстремальной деятельности и т.п.), распределенных на всем протяжении обучения курсантов в различных организационных формах учебного и внеучебного процесса (лекции, семинарские и практические занятия, все виды практик, культурно-образовательные проекты, мероприятия в рамках психологического сопровождения профессиональных контингентов МЧС России).

Теоретическое обоснование модели

Обзор публикаций, посвященных психологическим аспектам профессиональной деятельности в особых условиях, свидетельствует о достаточной разработанности вопросов стрессоустойчивости и нервно-психической устойчивости пожарных (Т.И. Шевченко, М.Э. Махмудова, Т.В. Пфау, Ю.Ю. Стрельникова и др.). Широким спектром работ представлены исследования психологических особенностей копинг-поведения сотрудников ГПС МЧС России (Е.Н. Ашанина, В.Ю. Рыбников, А.В. Веселков, Е.А. Веселкова, А.А. Земскова, Н.А. Кравцова, С.В. Королёва и др.), профессиональной адаптации курсантов и сотрудников ГПС МЧС России (А.А. Бобрищев, С.В. Королёва, П.В. Авитисов, А.А. Земскова, О.М. Латышев, Н.А. Кравцова, Р.М. Шипилов, И.Ю. Шарабанова, О.Г. Зейнетдинова, А.К. Кокурин и др.). В научных трудах раскрыты методы выявления риска стрессовых расстройств у пожарных (М.В. Леви), прогнозирования надежности профессиональной деятельности (М.В. Вавилов, Н.Г. Кондратюк, В.И. Моросанова и др.), коррекции дезадаптивного нервно-психического состояния сотрудников ГПС МЧС России (Д.В. Кулаков и др.).

При достаточной степени разработанности отдельных психологических аспектов обеспечения деятельности пожарных отмечается дефицит иссле-

дования психологических особенностей и условий развития более общих конструктов, объединяющих отдельные качества, обеспечивающие сохранение и устойчивость совладания в условиях непредсказуемости, отсутствия образцов и инструкций, сильнейших экстремальных воздействий. Таким конструктом, на наш взгляд, является жизнестойкость (от англ. *hardiness* – стойкость, выносливость), понимаемая как системная способность личности к зрелым и сложным формам психологической и психофизической саморегуляции, позволяющей преодолевать жизненные трудности при сохранении внутренней сбалансированности, соматического здоровья и успешности деятельности [7]. В общем смысле жизнестойкость представляет собой практическую реализацию понятия экзистенциального мужества, отражающего способность личности опираться на внутренние ресурсы, повседневную смелость при столкновении со стрессами, способность не просто сохранять себя от разрушительных воздействий, но творчески преобразовывать в процессе преодоления себя и внешние обстоятельства [8–11]. Экзистенциальный контекст выводит жизнестойкость с уровня ситуативного и рефлекторного на уровень смысловой регуляции, активного совладания на основе обратной связи, что в экстремальных условиях деятельности усиливает возможности эффективного решения профессиональных задач и сохранения себя на всех уровнях функционирования.

Системный характер жизнестойкости отражен в структуре понятия, которая включает три экзистенциальных установки и пять жизнестойких навыков их практической реализации [12]. Метафорически С. Мадди представляет данную структуру в виде кисти руки, в основе которой (на ладони) – жизнестойкие установки, определяющие отношение субъекта к деятельности:

- 1) вовлеченность – представляет собой восприятие жизни как процесса интересного, эмоционально насыщенного, увлекательного;
- 2) принятие риска – отражает убежденность человека в том, что все то, что с ним случается, способствует его развитию и усилению;
- 3) контроль – убежденность в том, что борьба позволяет повлиять на результат происходящего, пусть даже это влияние не абсолютно и успех не гарантирован.

Пять пальцев метафорической руки отражают жизнестойкие навыки:

- 1) навык релаксации и эмоциональной саморегуляции;
- 2) когнитивные стратегии совладания;
- 3) коммуникативные навыки;
- 4) навыки здорового питания;
- 5) физические упражнения поддержания здоровой формы и работоспособности.

Таким образом, конструкт жизнестойкости включает в себя совладание на всех возможных уровнях – соматическом, психологическом, социальном, экзистенциальном. Последний выступает в качестве устойчивого регулятора поведения, определяющего формы и саму возможность совладания на всех остальных уровнях. Феноменологически этот уровень регуляции

можно соотнести с внутренними условиями, через которые преломляются внешние воздействия (С.Л. Рубинштейн), бытийным (А. Маслоу) или нозетическим (В. Франкл) уровнями функционирования, выводящими личность за пределы персональных потребностей и влияния силового поля (К. Левин) на уровень служения, смысла жизни, универсальных ценностей. Понимание ценностей как надситуативных образований, задающих вектор жизнедеятельности субъекта, позволяет рассматривать экзистенциальные установки как ядерные, определяющие выбор стратегий совладания, степень стрессоустойчивости, адаптации и т.д.

В ряду используемых в психологической литературе синонимичных понятий жизнестойкость сущностно отличается тем, что основана на «возникновении и развитии смысловых образований личности, дающих человеку свободу от наличной стимуляции и являющихся основой его самодетерминации» [13. С. 3]. По своей сути понятие жизнестойкости синонимично понятию совладания, но это особый тип совладания – трансформационный [12], или проактивный (Ш. Тейлор, Р. Шварцер, Э. Грингласс и др.), который определяет восприятие будущего стрессового события как вызова, требующего ответа, фокусирует усилия личности на управлении целями и накоплении ресурсов. Проактивный копинг противопоставлен реактивному, который Р. Шварцер характеризует как стратегию совладания с рисками, минимизацию ущерба и потерь [14]. Таким образом, жизнестойкость как совладание соотносится с надситуативным, целевым, смысловым уровнем регуляции, активизирующим «свойства психики на решение задачи» к характерному для человека алгоритму действий [15]. Смысловая природа жизнестойкости отражает субъектный уровень развития (К.А. Абульханова, Л.И. Анцыферова), когда личность не определяется причинами, а сама является причиной и автором событий, обладает качественно новым способом самоорганизации и саморегуляции (А.В. Брушлинский, Е.А. Сергиенко) [15].

На соматическом уровне жизнестойкость проявляется в минимизации разрушительного влияния стрессоров на организм человека за счет сохранения привычного для него уровня активации, обеспечивающего оптимальный уровень течения нейропсихологических (оживленность, внимательность, напряженность, субъективное возбуждение) и неврологических процессов (состояние возбуждения определенного мозгового центра) [16]. Если стрессоустойчивость выступает как мера устойчивости против стресса, то жизнестойкость – как способ восприятия и переработки стрессовых воздействий, обеспечивающих эту устойчивость. Буферная роль отношения к проблеме (установок) в психологическом и соматическом благополучии была установлена в исследовании Ю.Ю. Стрельниковой [17]. Ею было выделено три типа психологических и соматических последствий воздействия профессиональных стресс-факторов на сотрудников МЧС России:

- 1) конструктивно-адаптивный тип (55,4% обследованных);
- 2) неустойчиво-адаптивный тип (28,8% выборки);
- 3) пограничный тип (15,8%).

Представители группы профессионально успешных, соматически и психологически здоровых лиц (1-й тип) характеризуются стеническим типом реагирования, активностью, оптимистическим настроением, общительностью, автономностью, упорством в достижении цели, настойчивостью при противодействии влиянию среды, способностью трезво оценивать ситуацию, практичностью. Нервно-психическая напряженность у данной категории испытуемых отсутствует, тогда как физиологическая мобилизованность имеет высокий уровень выраженности. Все это, по мнению автора, позволяет «выдерживать эмоциональные нагрузки, преодолевать стрессогенные факторы профессиональной деятельности без существенных последствий для соматического (низкие показатели заболеваемости) и психического здоровья (отсутствие симптоматики ПТСР)» [17. С. 58].

Анализ представленных автором характеристик по каждому типу позволил нам выделить ряд принципиальных отличий между представителями трех групп, которые в целом можно отразить в виде векторов, восходящих от субъективности к субъектности, от импульсивности к контролю, от реактивности к саморегуляции, от истощения адаптационных ресурсов к со владанию. Содержательно верхние полюса выделенных векторов соотносятся с психологическим содержанием жизнестойкости (контроль, принятие риска, оптимистичный настрой как вовлеченность). Наше обобщение согласуется с выводом автора исследования о том, что эффективность профессиональной деятельности в экстремальных условиях обеспечивается благодаря адекватному восприятию действительности [17].

В исследовании А.А. Бобрищева, Б.М. Лопухина [18] в числе критериальных характеристик стресс-преодолевающего поведения сотрудников ГПС МЧС России были также выявлены следующие: способность сотрудника к волевой саморегуляции при возникновении разного рода проблем, наличие четко осознаваемых профессиональных целей, стремления к их реализации, стремление осуществлять контроль над внешней средой. По своему психологическому содержанию выделенные характеристики соотносятся с психологическими компонентами жизнестойкости (контроль, вектор «цели» смысловых ориентаций) и отражают способность противостоять стрессовым влияниям на уровне смысловой регуляции.

Роль жизнестойкости в минимизации негативных соматических последствий стрессовых воздействий на уровне вегетативных проявлений реакций адаптации экспериментально подтверждена в исследовании А.А. Земсковой, Н.А. Кравцовой [19]. Авторами установлены значимые связи между показателями жизнестойкости и сбалансированности симпатической и парасимпатической нервной системы (LF/HF), стабильности реакций, скоростью зрительно-моторной реакции. Полученные данные указывают на роль жизнестойкости в осуществлении субъектом саморегуляции на уровне как соматических реакций, так и конкретных действий. По данным тех же авторов, более чем у половины курсантов МЧС России в условиях имитации экстремальных условий деятельности возникают реакции с преобладанием симпатикотонии (усиление напряженности, импульсивности, раздражи-

тельности, повышенной тревожности, появлении страхов) и ваготонии (апатия, инертность, пассивность, подавленность, утрата веры в себя и перспективы на отличные результаты в деятельности), которые нормализуются по мере развития саморегуляции [19]. Подобные выводы получены в медицинских исследованиях, экспериментально установивших взаимосвязь между стилем саморегуляции восприятия информации и активностью вегетативной и центральной нервной системы, свойствами и функциями внимания, адаптационным потенциалом в целом (Д.В. Бердников, И.И. Бобынцев и др.) [20].

Результаты исследований позволяют рассматривать жизнестойкость как буфер, на смысловом уровне трансформирующий восприятие экстремальных воздействий в ситуации-задачи, требующие решения, системное качество личности, позволяющее превращать проблемные ситуации в новые возможности. Такое совладание запускает механизмы произвольной саморегуляции, обеспечивающей управление нервно-психическими состояниями, что, в свою очередь, создает основу для точности восприятия поступающей информации и адекватности ответной реакции. В контексте и экзистенциального, и деятельностного подходов механизмом саморегуляции выступает обратная связь как основа коррекции активности.

Исследование точности воспроизведения эталонов при разных видах обратной связи под руководством В.И. Моросановой позволило авторам выделить стили саморегуляции, а по сути, операционализировать произвольную саморегуляцию через четыре регуляторных процесса (планирование, моделирование, программирование действий, оценка результатов) и два регуляторно-личностных свойства (гибкость как способность перестраивать и корректировать систему саморегуляции при изменении внешних и внутренних условий деятельности и самостоятельность как развитость регуляторной автономности).

Идея способности к коррекции на основе обратной связи от изменяющихся условий методологически берет начало в концепции физиологии активности Н.А.Бернштейна и выводит жизнестойкость из категории адаптации. Если адаптация своей целью имеет сохранение равновесия, то жизнестойкость, напротив, – это выход за пределы привычного равновесия через активное преобразование ситуации, форма надситуативной активности, т.е. трансадаптация (С. Мадди, Д.А. Леонтьев и др.) [16, 21, 22]. В стабильных контролируемых условиях, когда целесообразны привычные паттерны реагирования, достаточно адаптации, но в экстремальных ситуациях, когда условия и опыт устаревают моментально, ключевой опорой становится способность изменяться и корректировать реакции на основе обратной связи. Способность корректировать собственную активность на основе обратной связи отражена в определении экзистенциального мировоззрения, присущего психологически зрелой личности, воспринимающей действительность как тотальную неопределенность, в которую определенность может быть внесена только ею самой с опорой на обратную связь [23].

Жизнестойкость как способность к таким зрелым и сложным формам саморегуляции в сравнении с адаптацией обладает несоизмеримо большим количеством степеней свободы, а значит, большим количеством вариантов выборов в ситуации неопределенности. Согласно исследованиям С.Б. Семичова, М.А. Беребина, Л.И. Вассермана [24, 25], в случае сверхсильного стресса, к которому относится любая экстремальная ситуация, психическая адаптация перестает быть эффективной, не предотвращает состояний перенапряжения, истощения адаптационных и компенсаторных механизмов личности, в результате чего возникает тотальная психическая дезадаптация [17]. В то же время жизнестойкость в ситуациях риска и неопределенности ориентирует на открытость новому опыту, освобождает от страха изменений, способствует более объективной оценке ситуации, а значит, и более адекватной реакции на нее.

Итак, сущностным отличием жизнестойкости от близких понятий (копинг, стрессоустойчивость, адаптация) являются смысловой уровень регуляции, надситуативность, трансадаптивность – все, что отражает не столько меру устойчивости, сколько меру психологической зрелости и способности к сложным формам саморегуляции личности, меру преодоления ею заданных обстоятельств и самой себя [23].

Полученные выводы позволяют операционализировать жизнестойкость в терминах жизнестойких установок, стратегий произвольной саморегуляции, смысловых ориентаций личности. В качестве соматических, нервно-физических коррелятов жизнестойкости могут быть исследованы характеристики функционального состояния ЦНС на основе простой зрительно-моторной реакции, характеристики внимания, частота пульса (ЧСС), показатели электрокардиограммы (ЭКГ) и энцефалограммы (ЭЭГ).

Экзистенциальный контекст жизнестойкости определяет и подход к ее развитию. Тренинг стрессоустойчивости и / или совладания будет способствовать расширению репертуара поведенческих реакций и нервно-психической устойчивости в контролируемых условиях, но сможет ли на них опереться курсант в экстремальной ситуации и овладеть своим поведением (Л.С. Выготский), будет зависеть от степени его психологической зрелости. Последняя предполагает психологическое развитие как процесс, самодетерминируемый личностью с опорой на собственные усилия, накопленный ресурс и жизненный опыт [26]. Взрослая личность характеризуется таким уровнем психического развития, при котором способна управлять своим поведением и деятельностью, быть в своих проявлениях активным, а не реактивным [27]. Главная задача такого развития – стать субъектом собственного развития, т.е. иметь внутреннюю точку опоры, независимую от внешнего мира и внутренних импульсов, ответственное отношение к себе, включающее заботу о себе, работу над собой, самодисциплину, саморегуляцию, самодетерминацию [23].

В соответствии с принципами деятельностного подхода решение поставленной задачи предполагает создание условий для интеграции саморегуляции на уровне как внешнего совладания, так и экзистенциального по-

иска в плоскости субъективной реальности. Такие условия могут быть обеспечены исключительно включением курсантов в реальную практику как профессиональной, так и психологической деятельности, направленной на поиск смысла, осознание ресурсов, овладение психикой и реакциями.

Рассмотрим механизмы развития жизнестойкости, которые могут быть реализованы на уровне внешней и внутренней деятельности.

Овладение средствами внешнего совладания при включении курсантов в условия реального или имитации реального воздействия экстремальных факторов происходит благодаря проблематизации. Попадая в учебную ситуацию, приближенную к реальным условиям профессиональной деятельности, курсант испытывает потребность в овладении средствами совладания с экстремальными воздействиями. Так рождается мотивация саморазвития.

В свою очередь, развитие мотивационной стороны деятельности предполагает деятельность курсантов, направленную на поиск смысла, осознание ограничений и ресурсов овладения психикой и совладания с вызовами сложности. В терминах экзистенциальной психологии это можно соотнести с концепцией присутствия Дж. Бьюджентала. Присутствие понимается автором как осознание своей субъективности, исследование своего Я, контакт с собственной внутренней жизнью, с потоком переживаний [28]. Смысл концепции в том, что чем более человек присутствует в терапевтической ситуации, тем более он включен в повседневную жизнь, тем более целостен и устойчив к вызовам реальной жизни.

Принцип единства сознания и деятельности позволяет предполагать, что включение курсантов в реальные практики совладания будет способствовать экстерииоризации жизнестойких установок в практическом плане и обуславливать соответствующие жизнестойкому совладанию практические действия, а последние, в свою очередь, будут интериоризированы на уровне сознания как жизнестойкие установки [29]. Положения физиологии активности Н.А. Бернштейна, согласно которым активность субъекта определяется программой действий и их коррекцией на основе обратной связи об их выполнении, выступают основой нашего предположения о том, что жизнестойкие установки будут способствовать лучшей чувствительности к обратной связи (вовлеченность), способности изменять действия на основе обратной связи (принятие риска) и более ответственному выполнению действий за счет формирования их программы (контроль) [30].

Наше обоснование результативности модели тренинга за счет восприятия и использования обратной связи для развития согласуется с концепцией личности С. Мадди, в которой подчеркивается важность информации и эмоционального опыта, получаемых человеком в результате взаимодействия с окружающим миром. Такой подход, при котором личность в большей мере определяется обратной связью от взаимодействия с миром, чем врожденными качествами человека, позволяет рассчитывать на результативность предлагаемой модели с точки зрения развития жизнестойкости личности курсантов на уровне установок и реализации навыков, обеспечивающих стойкое совладание и эффективность поведения в экстремальной

ситуации, преобразующее субъективное восприятие ситуации стресса в ситуацию проявления возможностей.

Развитие жизнестойкости как личностно-психического ресурса происходит в процессе персонификации и профессиогенеза [31]. Оба процесса, как было сказано выше, активно разворачиваются в юношеском возрасте в период студенчества. В исследовании С.В. Королёвой было подтверждено развитие функционального и адаптивного потенциала курсантов по мере увеличения профессионально-ориентированных дисциплин в процессе обучения [32]. Автор отмечает возрастание роли в процессе обучения таких копинг-стратегий, как «Самоконтроль», «Планирование решения проблемы» и «Положительная переоценка» [Там же]. Причем если на первом курсе самоконтроль обеспечивается стратегией дистанцирования, к третьему году обучения – поиском социальной поддержки, то к пятому курсу значимость для курсантов социальной поддержки как копинга уменьшается, что, с нашей точки зрения, может свидетельствовать о нарастающей автономности, которая, в свою очередь, является одним из критериев психологической зрелости. Вслед за автором мы интерпретируем данную комбинацию как показатель большей психологической зрелости, ориентации на «надличностное, философское осмысление проблемной ситуации, включение ее в более широкий контекст работы личности над саморазвитием» [Там же. С. 59].

В исследовании Т.В. Ивановой, Е.Л. Лукьяновой установлено, что курсанты, не имеющие опыта участия в аварийно-спасательных работах, представляют себе чрезвычайную ситуацию как более тяжелую, напряженную и большую, тогда как с приобретением опыта участия в ликвидации последствий ЧС вес оценочной позиции снижается [33]. Еще более возрастает устойчивость к воздействию стрессогенных факторов по мере включения в профессиональную деятельность. Так в исследовании Т.И. Шевченко, О.М. Астафьева, Н.В. Макаровой было показано, что у курсантов, в сравнении с успешно работающими молодыми пожарными, отмечаются значимо более высокий уровень выраженности тревоги и депрессии, более низкая степень вовлеченности в процесс и преимущественно пограничные или неустойчивые показатели нервно-психической устойчивости [34]. В исследованиях Т.И. Шевченко, Н.В. Макаровой, Т.Г. Бохан также был зафиксирован достоверно более низкий уровень показателей эмоциональной устойчивости, самооценки, локуса контроля у курсантов в сравнении с уже работающими пожарными [35].

Рост совладающего потенциала фиксируется и при сравнении показателей тревожности у спасателей с разным стажем профессиональной деятельности [36]. Если личностная тревожность, независимо от стажа, имеет средний уровень выраженности, то ситуативная снижается в соответствии со стажем. Также авторы зафиксировали, что показатели самочувствия, активности и настроения имеют более оптимальные значения у сотрудников МЧС со стажем свыше пяти лет в сравнении с коллегами, имеющими стаж до пяти лет [Там же].

Аналогичные результаты были получены в нашем собственном исследовании, целью которого стал анализ психологических характеристик жизнестойкости у курсантов и спасателей. Выборку исследования составили курсанты второго курса инженерно-технического факультета, обучающиеся по специальности «Пожарная безопасность» СПб УГПС МЧС России, средний возраст испытуемых составил $21 \pm 0,5$. Также в исследовании приняли участие действующие сотрудники пожарно-спасательных формирований МЧС России Санкт-Петербурга и Ленинградской области, средний возраст испытуемых $29 \pm 0,5$. Численность респондентов каждой группы составила 40 человек. Корреляционный анализ данных по всей выборке с использованием г-критерия Пирсона позволил зафиксировать значимые положительные взаимосвязи стажа и возраста спасателя с показателями стратегии моделирования ситуации ($0,367$ при $p \leq 0,05$) и гибкостью ($0,401$ при $p \leq 0,01$). Данные указывают на способность опытных спасателей изменять программу собственных действий в зависимости от ситуации и адекватно реагировать на резкое изменение ситуации и успешно решать поставленную задачу в условиях риска. Полученные данные согласуются с результатами исследований, приведенными выше, и говорят о возрастании устойчивости к воздействию стрессогенных факторов в ходе обучения и включения в профессиональную деятельность. То есть результаты проведенного нами исследования также иллюстрируют идею о развитии жизнестойкости в процессе персонификации и профессиогенеза.

Насыщение образовательного процесса реальными практиками развития жизнестойкости курсантов могло бы значительно снизить негативные последствия влияния стрессовых факторов профессиональной деятельности на здоровье и мотивацию будущих специалистов. Опыт столкновения с действительностью в специально созданных условиях на этапе профессионального обучения (учебная тренировка, тренинг) может значительно повысить эффективность вхождения курсантов в профессиональную деятельность, степень их удовлетворенности трудом и самореализацией, стать основой профессионального долголетия.

Исходя из особенностей и возможностей студенческого периода, с одной стороны, и условий и требований профессиональной деятельности к ресурсам личности будущих специалистов – с другой, жизнестойкость может стать ключевым ресурсом эффективного совладания и всестороннего развития юношей в период их активного профессионального, личностного и социального становления [37]. В контексте подготовки специалистов профессий, сопряженных с риском, это имеет особое значение, поскольку может:

а) обеспечить эффективное выполнение профессиональных задач за счет совладания с экстремальными условиями и, соответственно, адекватного их восприятия и принятия решений;

б) сохранить соматическое здоровье и психологическое благополучие;

в) способствовать развитию профессиональной мотивации и, соответственно, успешному самоосуществлению в профессиональной деятельности, удовлетворенности ею.

Несмотря на экспериментально и теоретически установленные факты о буферной и мобилизующей роли жизнестойкости в обеспечении эффективного совладания в экстремальных условиях деятельности, вопрос о средствах и методах ее развития на этапе профессиональной подготовки остается открытым, нуждается в обосновании и апробации. Работы, посвященные развитию жизнестойкости как интегральной способности личности сохранять психическое и соматическое здоровье, эффективность деятельности у представителей профессий, связанных с риском, – единичны.

Целесообразность и эффективность развития жизнестойкости будущих пожарных была экспериментально подтверждена в ходе апробации программы повышения жизнестойкости и психологической устойчивости курсантов МЧС России к экстремальным факторам в условиях имитации профессиональной деятельности, разработанной и апробированной А.А. Земсковой, Н.А. Кравцовой на базе Дальневосточной пожарно-спасательной академии – филиала Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России [19]. Данные проведенного исследования составляют научное обоснование эффективности целенаправленного развития жизнестойкости курсантов в образовательном процессе как средства профессионально подготовки к деятельности в экстремальных условиях. Вместе с тем в зоне ближайшего развития остается разработка структурированной системы с учетом специфики, условий и ограничений образовательного процесса, длительности и частоты занятий, совмещения форм и методов, направленных на достижения образовательных результатов. Также остается открытым вопрос о психологических механизмах, условиях их запуска в образовательном процессе и степени устойчивости достигнутых результатов. В этой связи наша исследовательская цель определяется разработкой модели развития жизнестойкости курсантов, которая включала бы в себя конкретизированное содержание, интегрированное в систему организационных форм и видов деятельности в учебном процессе.

Методы

Для реализации поставленных в исследовании задач были использованы следующие методы.

Обзорно-аналитический метод использовался с целью всестороннего анализа теоретических подходов к определению понятия жизнестойкости. Анализ психологической литературы, научных статей и диссертационных исследований, посвященных вопросам жизнестойкости, позволил сформулировать представления о психологическом содержании, возрастных особенностях и условиях развития жизнестойкости у представителей профессий, сопряженных с риском, психологическими особенностями и требованиями к личности специалистов ГПС МЧС России.

Анализ документов проводился посредством изучения учебных планов, профессиональных образовательных стандартов, федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования по специаль-

ностям «20.05.01 Пожарная безопасность», «20.04.01 Техносферная безопасность», а также квалификационных характеристик должностных лиц пожарно-спасательных гарнизонов и пожарно-спасательных подразделений.

Эмпирический метод включал в себя подбор психологических методик, направленных на исследование психологического содержания жизнестойкости курсантов и спасателей.

Метод моделирования применялся при разработке структуры и содержания комплексной модели развития жизнестойкости курсантов ГПС МЧС России, интегрированной в учебный план на всем протяжении обучения, с внесением изменений в содержание рабочих программ дисциплин профессионального и гуманитарного циклов, в том числе в программу практики.

Содержательно в качестве концептуальной основы модели развития жизнестойкости курсантов нами принимается модель тренинга, разработанная авторами концепции жизнестойкости [38]. Ориентиром в планировании структуры и наполнении содержания тренинга для конкретной целевой аудитории – курсантов ГПС МЧС России – была избрана модель тренинга, разработанного в рамках кросскультурного исследования жизнестойкости студентов [39]. Также в разработке тренинга учитываются результаты апробации программы повышения жизнестойкости и психологической устойчивости курсантов МЧС России к экстремальным факторам в условиях имитации профессиональной деятельности [19]. Основной целью работы является адаптация разработанных моделей с учетом специфики обучения и деятельности в области пожарной безопасности, а также выявленных в ходе теоретического анализа и исследований мишеней психологического воздействия с учетом их динамики, роли реальной практики соприкосновения с экзистенциальной тематикой в психологической зрелости, которая рассматривается нами как основа, предиктор, предпосылка развития жизнестойких профессионально-значимых качеств специалистов экстремального профиля.

Вероятностный метод – на основе теоретических выводов и эмпирических данных, полученных в собственном исследовании и представленных в публикациях, мы считаем возможным предполагать эффективность модели развития жизнестойкости за счет ее комплексной структуры и направленности на интериоризацию знаний и умений до уровня компетентности.

Психодиагностический инструментарий для эмпирического исследования жизнестойкости курсантов содержательно соответствует психологическому содержанию жизнестойкости и операционализирован в характеристиках произвольной саморегуляции, смысловых ориентаций, показателя жизнестойкости и трех ее экзистенциальных установок:

1. Тест жизнестойкости С. Мадди, адаптированный Д.А. Леонтьевым и Е.И. Рассказовой [22]. Тест состоит из 45 утверждений и включает в себя три взаимосвязанных между собой шкалы, отражающих содержание компонентов жизнестойкости (вовлеченность, контроль, принятие риска).

2. Тест смысловых ориентаций (Д.А. Леонтьев) [Там же]. Тест создан на основе теории стремления к смыслу и логотерапии В. Франкла

и включает 20 пар утверждений и 5 субшкал (цели в жизни, процесс жизни, результативность жизни, локус контроля – Я и локус контроля – жизнь) и общий показатель осмысленности жизни. Также методика применяется для анализа смысловой регуляции в психологической структуре жизнестойкости.

3. Опросник стиля саморегуляции поведения (В.И. Моросанова) [40]. Опросник состоит из 46 утверждений, входящих в состав шести шкал, выделяемых в соответствии с основными регуляторными процессами и свойствами человека (планирование, моделирование, программирование, оценка результатов, гибкость, ответственность). Опросник позволяет оценить развитие индивидуальной саморегуляции и ее индивидуальный профиль.

Методики исследования психофизиологических коррелят жизнестойкости:

1. Проба Мюнстерберга, корректурные таблицы (кольца Ландольта). Данные пробы использовались для оценки произвольного внимания, его избирательности и концентрации, а также темпа психомоторной деятельности, работоспособности и устойчивости к деятельности, требующей сосредоточения внимания.

2. Оценка ПЗМР с помощью устройства психофизиологического тестирования УПФТ–1/30 – «Психофизиолог». Данная методика позволяет охарактеризовать общий уровень работоспособности и активности центральной нервной системы на основе простой зрительно-моторной реакции.

3. Методика оценки ЧСС с помощью монитора сердечного ритма Polar. Оценка частоты сердечных сокращений является косвенным методом оценки физического состояния и позволяет оценить общую работоспособность и определить скорость (лабильность) частоты сердечных сокращений в ответ на физическую нагрузку или стрессовую ситуацию.

4. Метод энцефалографии в анализе функционального состояния головного мозга, оценки характеристики эмоциональной лабильности и регуляторных способностей человека, реакции его мозга на раздражители при выполнении различных видов деятельности (регистрация электрических потенциалов головного мозга (ЭЭГ) с помощью электроэнцефалограф-анализатора ээга-21/26- энцефалан-131-03).

Результаты исследования

С учетом теоретических выводов, данных анализа экспериментальных исследований, возрастной специфики, требований к личности специалиста и организации учебного процесса нами разработана комплексная программа развития жизнестойкости для курсантов вузов ГПС МЧС России (таблица), апробация и оценка результативности которой является целью наших следующих этапов работы. Эффективность разработанной нами программы обеспечена соответствием ее как общенаучным, так и конкретно-психологическим методологическим принципам и положениям.

**Модель развития жизнестойкости курсантов в образовательном процессе
вуза ГПС МЧС России**

<i>Модуль 1. «Жизнестойкие установки»</i>	
Содержание модуля: Обсуждение универсальных условий существования человека («заброшенность в мир», конечность жизни, со-бытие, свобода и ответственность, тревога, смысл жизни, врожденная уязвимость, стрессоры, психическое напряжение). Осознание позиции «служение», придающей смысл совладанию в экстремальных ситуациях, принятию как необходимости нового образа жизни и работ, не существующих в гражданской жизни (наряды, строевая подготовка, казарменное положение, режим и распорядок дня). Ценностно-смысловое самоопределение, рефлексия опыта самосознания и саморазвития. Обсуждение и развитие экзистенциальной позиции, находящей свое выражение в вовлеченности, контроле и принятии риска как составляющих жизнестойких убеждений. Самоанализ отношения к кризисным ситуациям, смерти, жизни. Осознание позиции «помогающего» специалиста, в том числе в ситуации острого кризиса Организационные формы реализации психологических механизмов развития жизнестойкости:	
Когнитивный	Дисциплина «Экстремальная психология», 1-й курс, 2-й семестр: Тема 2. Профессиональное здоровье специалиста экстремального профиля. Тема 7. Понятие «психологический кризис» и суицид как форма кризисного реагирования. Мини-лекции в рамках запланированных тренингов (СПТ). Тренинг жизнестойкости (отдельные модули в рамках учебного плана и психологического сопровождения учебно-профессиональной деятельности курсантов)
Деятельностный	Тренинг жизнестойкости (отдельные модули в рамках учебного плана и психологического сопровождения учебно-профессиональной деятельности курсантов). Деятельность в данном случае рассматривается как максимальное «присутствие» и проживание экзистенциальной боли в условиях психотерапии, повышающих степень психологической зрелости и экзистенциального мужества в реальной жизни (по Дж. Бьюдженталю)
Рефлексивный	Тренинг жизнестойкости (отдельные модули в рамках учебного плана и психологического сопровождения учебно-профессиональной деятельности курсантов). Индивидуальная работа по психологическому сопровождению учебно-профессиональной деятельности курсантов на протяжении всего обучения
<i>Модуль 2. «Жизнестойкие практики»</i>	
<i>2.1. Самопознание и самопроектирование</i> Содержание модуля: Самодиагностика с целью анализа и осознания личностных ресурсов и ограничений, проектирования траекторий саморазвития, саморегуляции и совладания на всех уровнях функционирования Организационные формы реализации психологических механизмов развития жизнестойкости:	
Когнитивный	Лекции по дисциплинам: «Психология и педагогика», 1-й курс, 1-й семестр); «Экстремальная психология»: Тема 2. Профессиональное здоровье специалиста экстремального профиля. Тема 3. Профессиональный стресс.

Продолжение таблицы

Деятельностный	Практические занятия по дисциплинам: «Психология и педагогика», 1-й курс, 1-й семестр; «Экстремальная психология»: Тема 2. Профессиональное здоровье специалиста экстремального профиля. Тема 3. Профессиональный стресс
Рефлексивный	Тренинг жизнестойкости (отдельные модули в рамках учебного плана и психологического сопровождения учебно-профессиональной деятельности курсантов). Индивидуальная работа по психологическому сопровождению учебно-профессиональной деятельности курсантов на протяжении всего обучения
2.2. Коммуникативные навыки Содержание модуля: Обсуждение и развитие навыков межличностного взаимодействия и социальной поддержки жизнестойкости Организационные формы реализации психологических механизмов развития жизнестойкости:	
Когнитивный	Дисциплина «Психология и педагогика», 1-й курс, 1-й семестр: Тема 7. Общение и межличностные отношения. Тема 8. Психология малых групп. Тема 10. Сущность педагогического процесса. Тема 11. Сущность процесса воспитания. Дисциплина «Экстремальная психология», 1-й курс, 2-й семестр: Тема 5. Особенности общения с пострадавшими в ЧС. Тема 6. Острые реакции на стресс. Тема 8. Психологические аспекты работы при массовом скоплении людей. Тема 10. Разрешение межличностных конфликтов, возникающих в условиях чрезвычайных ситуаций. Дисциплина «Психологические аспекты принятия управленческого решения в экстремальных ситуациях», 5-й курс
Деятельностный	Выполнение определенных психологических заданий на пожарно-тактических учениях, а также в рамках учебной практики в должности пожарного (2-й курс); производственной практики в должности командира отделения (3-й курс); производственной практики в должности начальника караула (4-й курс)
Рефлексивный	Тренинг «Командообразование» (1-й курс). Тренинг «Партнерское общение» (2-й курс). Тренинг «Конфликты и пути выхода из них» (3-й курс). Тренинг «Развитие управленческого потенциала» (4-й курс)
2.3. Совладание и саморегуляция Содержание модуля: Обсуждение и развитие навыков совладания и саморегуляции на когнитивном, эмоциональном и поведенческом уровнях взаимодействия человека с трудной жизненной ситуацией. Осознание принципа «заботы о себе», необходимости включения курсантов в качестве субъектов в систему профилактики негативных последствий профессионального стресса. Обсуждение и развитие навыков сохранения и поддержания физического и психологического здоровья Организационные формы реализации психологических механизмов развития жизнестойкости:	
Когнитивный	Дисциплина «Психология и педагогика», 1-й курс, 1-й семестр: Тема 4. Эмоционально-волевые процессы и психические состояния. Тема 6. Психическая регуляция поведения и деятельности.

Окончание таблицы

	Дисциплина «Экстремальная психология»: Тема 3. Профессиональный стресс. Методы и приемы саморегуляции. Дисциплины: «Пожарная тактика», «Пожарно-строевая подготовка»
Деятельностный	Выполнение определенных психологических задач в рамках пожарно-строевой подготовки, учебной тренировки газодымозащитника (2–3-й курсы): Тема 1. Тренировка дыхания. Тема 2. Отработка техники дыхательной гимнастики. Тема 3. Основы выполнения точечного массажа
Рефлексивный	Тренинг жизнестойкости (отдельные модули в рамках учебного плана и психологического сопровождения учебно-профессиональной деятельности курсантов). Групповая и индивидуальная программы обучения приемам саморегуляции и коррекции психоэмоционального состояния

Предлагаемая программа развития жизнестойкости представляет собой поэтапный процесс исследования участниками своего жизненного мира и способов ответа на экзистенциальные вопросы жизни, освоения и реализации жизнестойких практик в деятельности (учебной, коммуникативной и др.) с последующей рефлексией опыта самосознания и самоизменения на основе обратной связи.

Теоретико-методологическая основа программы: экзистенциально-феноменологический подход (Р. Мэй, Дж. Бьюженталь, И. Ялом, В. Франкл, А. Лэнгле, Ю. Джендлин), ставящий в центр рассмотрения не личность, но бытие-в-мире – способ проживания человеком своей жизни и взаимодействия с экзистенциальными факторами (смертью, свободой, бессмысленностью, изоляцией), а также без предубеждений, предварительных умозаключений и концепций исследующий опыт переживаний в его полноте и реальности; гуманистический подход (А. Маслоу, К. Роджерс), акцентирующий внимание на позитивной природе человека и его возможности актуализировать врожденный потенциал; когнитивно-поведенческий подход (А. Бандура, А. Эллис, А. Лазарус, М. Селигман), позволяющий сохранять психическое здоровье и эффективно достигать поставленных целей, используя на практике способы изменения мышления и поведения.

В различных организационных формах образовательного процесса планируется использование таких универсальных методов, как мини-лекции, групповое обсуждение, кейс-метод, а также методы репетиции поведения, когнитивного реструктурирования, визуализации, релаксации. Задания выполняются участниками как индивидуально, так и в парах и мини-группах с последующим обсуждением в группе и, при необходимости, в индивидуальной консультации с психологом.

При создании программы мы опирались на понимание жизненного мира человека как некоей целостности, в которой присутствуют внешние и внутренние аспекты, а самого человека – «как сложного био-социопсихо-духовного организма, неотделимого от разнообразных контекстов этого мира» [41. С. 6].

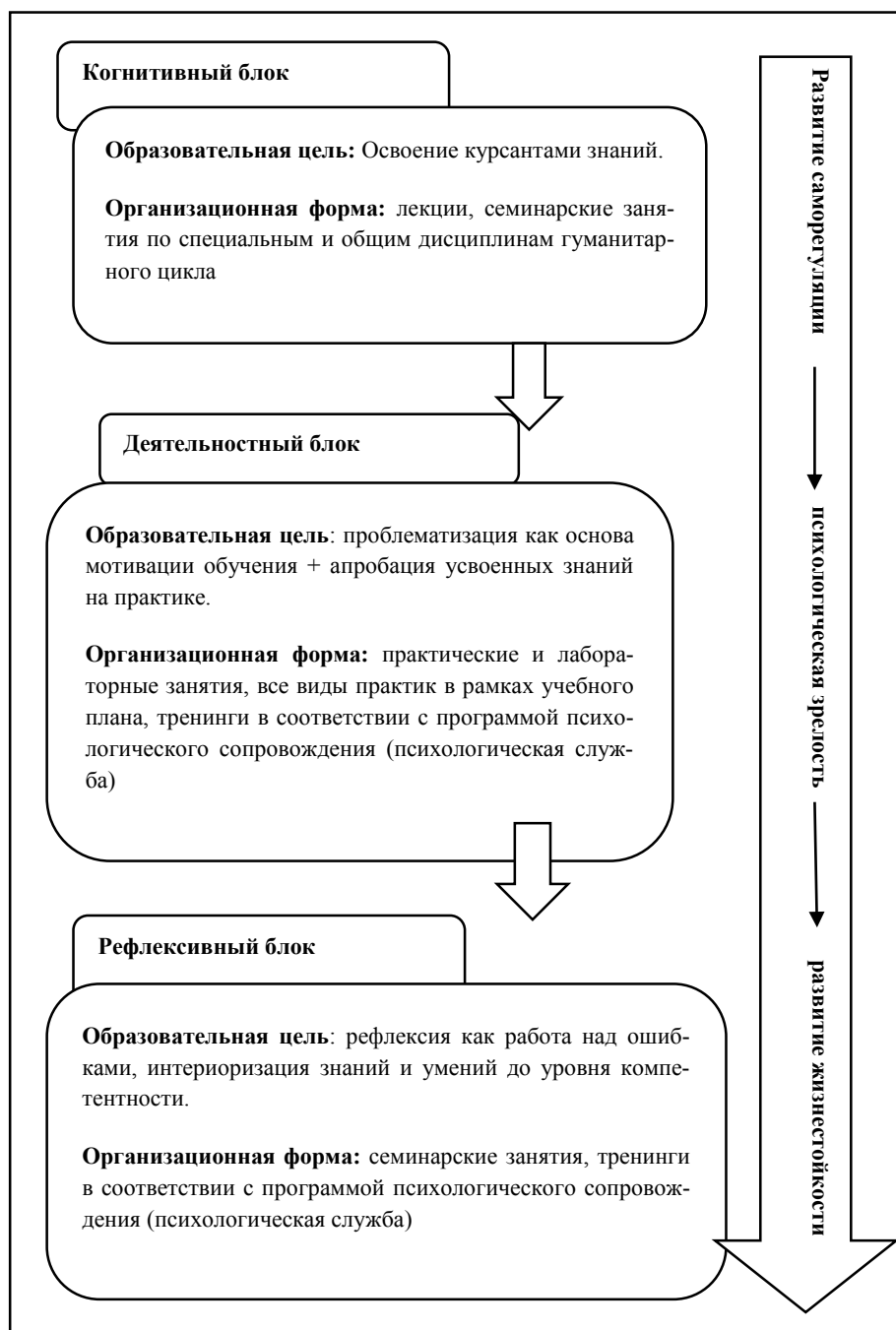

Рис. 1. Психологический контур модели развития жизнестойкости

Таким образом, программа направлена на исследование и преобразование отношений участников с миром в духовном, психологическом, социальном и физическом аспектах в контексте обсуждения неизбежных данностей бытия. В соответствии с моделью жизнестойкости, предложенной С. Мадди [38], содержание программы включает в себя два модуля:

1. Первый модуль ориентирован на осмысление универсальных условий существования человека, экзистенциальных данностей бытия, ценностно-смыслового самоопределения. Целью работы в рамках первого модуля является усиление экзистенциальных установок – принятие риска, контроль, вовлеченность.

2. Второй модуль направлен на освоение, развитие и интериоризацию жизнестойких практик через осмысление участниками способов взаимодействия с миром, поиск и использование возможностей саморазвития, несмотря на ограничения, которые задаются жизненным контекстом. Содержание второго модуля ориентировано на три измерения – психологическое, социальное, психофизическое.

Как видно из представленной выше матрицы, предлагаемая модель имеет системный характер, который отражен и в последовательном усложнении решаемых задач на всем протяжении обучения курсантов, и в сочетании различных форм занятий – теории с практикой, а практики с рефлексией. Важно отметить, что наряду с когнитивным и деятельностным механизмами интериоризации знаний и умений до уровня компетентности наша модель предполагает опору на рефлексивный механизм. Последний обеспечивает коррекцию ошибочных действий на основе обратной связи и составляет суть саморегуляции, по мере развития и усложнения которой возрастает степень жизнестойкости обучающихся. За исходную основу саморегуляции в нашей модели принят ее смысловой уровень, трансформирующий восприятие экстремальных воздействий в ситуации-задачи и обеспечивающий управление нервно-психическими состояниями.

Обобщенно психологический контур предлагаемой модели развития жизнестойкости представлен на рис. 1.

Заключение

Проведенный нами анализ подходов к определению психологического содержания жизнестойкости, ее особенностей и условий развития в контексте подготовки специалистов, чья профессиональная деятельность связана с риском, позволяет предположить, что реализация программы в образовательном процессе будет способствовать формированию и развитию психологической готовности курсантов к выполнению профессиональных задач в экстремальных условиях за счет развития системной способности к зрелым и сложным формам саморегуляции на уровнях экзистенциальных установок, психологического и психофизического функционирования личности, обеспечивающих стойкое совладание, способность к адекватному принятию и реализации решений на основе имеющихся знаний и опыта.

Литература

1. Пожары и пожарная безопасность : стат. Сб. за 2011–2018 гг. М. : ВНИИПО МЧС России, 2011–2018. URL: <http://www.vniipo.ru/institut/informatsionnye-sistemy-reestry-bazy-i-banki-danny/federalnyy-bank-dannykh-pozhary> (дата обращения: 01.04.2020).
2. CTIF : International Association of Fire and Rescue Services. URL: <https://www.ctif.org/commissions-and-groups/ctif-center-fire-statistics/news> (accessed: 01.04.2020).
3. Технический регламент о требованиях пожарной безопасности : федеральный закон от 22.07.2008 № 123-ФЗ (с изм. и доп.). URL: <https://base.garant.ru/12161584/> (дата обращения: 01.04.2020).
4. Шойгу Ю.С., Гуренкова Т.Н., Елисеева И.Н. и др. Психология экстремальных ситуаций для спасателей и пожарных : учеб. пособие / под общ. ред. Ю.С. Шойгу. М. : Смысл, 2007. 319 с.
5. Об утверждении Порядка подготовки личного состава пожарной охраны : приказ МЧС России от 26.10.2017 № 472. URL: <https://base.garant.ru/71833062/> (дата обращения: 01.04.2020).
6. Леоненко Н.О., Дмитриева Е.Ю., Осташева Е.И., Давиденко А.С. Тренинг жизнестойкости в психологической подготовке курсантов университета государственной противопожарной службы МЧС России к профессиональной деятельности // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2019. № 5. С. 259–278. DOI: 10.25588/CSPU.2019.75.52.018.
7. Мадди С. Смыслообразование в процессах принятия решения // Психологический журнал. 2005. Т. 26, № 6. С. 87–101.
8. Тиллих П. Мужество быть. М. : Модерн, 2014. 240 с.
9. Мэй Р. Смысл тревоги. М. : Класс. 2001. 384 с.
10. Мэй Р. Открытие Бытия. М. : Ин-т общегуманитар. исслед., 2014. 192 с.
11. Одинцова М.А. Стресспреодолевающее поведение старшеклассников с разным уровнем жизнестойкости // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, № 2. С. 191–198. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-2-191-198.
12. Maddi S.R. Hardiness: an operationalisation of existential courage // Journal of Humanistic Psychology. 2004. Vol. 44, № 3. P. 279–298. DOI: 10.1177/0022167804266101.
13. Салихова Н.Р. Ценностно-смысловая регуляция жизнедеятельности субъекта : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Казань, 2011. 441 с.
14. Пилишвили Т.С., Аль Масри И. Проактивный копинг как ресурсный потенциал личности в процессе адаптации к новым условиям жизни // Вестник российского университета дружбы народов. Сер. Психология и педагогика. 2016. № 2. С. 75–83 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proaktivnyy-koping-kak-resursnyy-potentsial-lichnosti-v-protsesse-adaptatsii-k-novym-usloviyam-zhizni> (дата обращения: 01.04.2020).
15. Фоминова А.Н. Роль когнитивных и поведенческих навыков в проявлении жизнестойкости // Концепт : науч.-метод. электрон. журнал. 2012. № 8. С. 46–50. URL: <http://e-koncept.ru/2012/12106.htm> (дата обращения: 04.02.2020).
16. Мадди С. Теории личности: сравнительный анализ // пер. с англ. И. Авидона, А. Батустина, П. Румянцевой. СПб. : Речь, 2002. 539 с.
17. Стрельникова Ю.Ю. Типы психологических и соматических последствий, возникающих у сотрудников МЧС России в процессе профессиональной деятельности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Психология. 2016. Т. 9, № 1. С. 55–63. DOI: 10.14529/psy160106.
18. Бобрищев А.А. Психодиагностическая модель прогноза личностных ресурсов стресспреодолевающего поведения сотрудников ГПС МЧС России в период адаптации к профессиональной деятельности // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2016. № 2 (132). С. 221–226. DOI: 10.5930/issn.1994-4683.2016.02. 132.p221-226.

19. Земскова А.А., Кравцова Н.А. Программа повышения жизнестойкости и психологической устойчивости курсантов МЧС России к экстремальным факторам в условиях имитации профессиональной деятельности // Сибирский психологический журнал. 2018. № 70. С. 42–58. DOI: 10.17223/17267080/70/4.
20. Бердников Д.В., Бобынцев И.И. Взаимосвязь саморегуляции функциональных систем восприятия со свойствами и функциями внимания // Саратовский научно-медицинский журнал. Т. 7, № 4. С. 791–795. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-samoregulyatsii-funktsionalnyh-sistem-vozpriyatiya-so-svoystvami-i-funktsiyami-vnimaniya/viewer> (дата обращения: 01.04.2020).
21. Леонтьев Д.А., Осин Е.Н. Печать экзистенциализма: эмпирические корреляты экзистенциального мировоззрения // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2007. № 1 (10). С. 121–130. URL: <https://refdb.ru/look/2530384.html> (дата обращения: 01.04.2020).
22. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М. : Смысл, 2006. 63 с.
23. Леонтьев Д.А. Взросление как становление автономной личности : доклад в Институте образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=YjUWxPhJ3m8> (дата обращения: 01.04.2020)
24. Семичов С.Б. Предболезненные психические расстройства. Л. : Медицина, 1987. 184 с.
25. Беребин М.А., Вассерман Л.И. Факторы риска пограничных нервно-психических и психосоматических расстройств у педагогов общеобразовательных школ // Обзорение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. 1994. № 46. С. 12–23.
26. Сапогова Е.Е. Экзистенциальная психология взрослости. М. : Смысл, 2013. 385 с.
27. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте : психологическое исследование. М. : Просвещение, 1968. 308 с.
28. Бьюдженталь Дж. Искусство психотерапевта. СПб. : Питер, 2001. 304 с.
29. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Смысл ; Academia. 2005. 352 с.
30. Бернштейн Н.А. Физиология движений и активность. М. : Наука, 1990. 494 с.
31. Стецишин Р.И. Жизнестойкость как акмеологический ресурс личности врача // Психологические проблемы смысла жизни и акме : материалы XIII симпозиума / под ред. Г.А. Вайзер, Н.В. Волковой. М. : ПИ РАО, 2008. С. 63–65.
32. Королёва С.В. Совладающее поведение как критерий профессионализации специалиста экстремального профиля // Современные проблемы гражданской защиты. 2018. № 3 (28). С. 57–60. URL: <http://ntp.edufire37.ru/wp-content/uploads/2018/12/%E2%84%963-2018-%D0%B3%D0%BE%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%BE.pdf> (дата обращения: 03.02.2020).
33. Иванова Т.В., Лукьянова Е.Л. Психосемантические различия представлений чрезвычайной ситуации курсантов с различным опытом участия в ликвидации последствий наводнений // Проблемы управления рисками в техносфере. 2015. № 3 (35). С. 136–140. URL: [https://www.igps.ru/Content/publication/documents/probl_upr_3\(35\)_2015_635914183637441250.pdf](https://www.igps.ru/Content/publication/documents/probl_upr_3(35)_2015_635914183637441250.pdf) (дата обращения: 03.02.2020).
34. Шевченко Т.И., Астафьев О.М., Макарова Н.В. Сравнительное исследование психологического статуса молодых пожарных и курсантов пожарно-спасательного колледжа // Сибирский психологический журнал. 2011. № 42. С. 60–66. URL: http://journals.tsu.ru/psychology/&journal_page=archive&id=991&article_id=19319 (дата обращения: 31.01.2020).
35. Шевченко Т.И., Макарова Н.В., Бохан Т.Г. Стрессоустойчивость специалистов опасных профессий МЧС России // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 369. С. 164–167. URL: http://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=889&article_id=1097 (дата обращения: 31.03.2020).
36. Махмудова М.Э., Пфау Т.В. Нервно-психическая устойчивость сотрудников МЧС с различным стажем работы // Наука. Мысль. 2016. Т. 6, № 10. С. 66–69. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28288877> (дата обращения: 31.03.2020).

37. Психология формирования антитеррористических ценностей студентов современного университета : учебник / под ред. И.В. Абакумовой, П.Н. Ермакова. М. : Кредо, 2013. 352 с.
38. Maddi S.R., Koshaba D.M. Resilience at work: how to succeed no matter what life throws at you. New York : AMACOM, 2005. 213 p.
39. Леоненко Н.О., Панькова А.М. Этнопсихологические особенности и условия развития жизнестойкости студентов : учеб. пособие. Екатеринбург : УрГПУ, 2015. 173 с.
40. Моросанова В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции. М. : Наука, 2001. 192 с.
41. Кочюнас Р. Контуры экзистенциальной терапии // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. URL: http://journal.existradi.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=222:2009-08-07-13-42-01&catid=48:-11&Itemid=59 (дата обращения: 01.04.2020).

Поступила в редакцию 14.04.2020 г.; повторно 05.08.2020 г.;
принята 19.11.2020 г.

Леоненко Наталия Олеговна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры клинической психологии и психологической помощи РГПУ им. А.И. Герцена.
E-mail: sfleo@mail.ru

Осташева Евгения Игоревна – кандидат психологических наук, медицинский психолог АНО «Ассоциация медицинских (клинических) психологов».
E-mail: ostasheva86@gmail.com

Иванова Татьяна Владимировна – кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии экстремальных ситуаций Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России.
E-mail: ivanova_tv@igps.ru

Давиденко Антон Сергеевич – адъюнкт факультета подготовки кадров высшей квалификации Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России.
E-mail: david88-2004@mail.ru

For citation: Leonenko, N.O., Ostasheva, E.I., Ivanova, T.V., Davidenko, A.S. Hardiness Development Model in Educational Process at the University of EMERCOM of Russia. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology*. 2021; 80: 192–217. doi: 10.17223/17267080/80/10. In Russian. English Summary

Hardiness development model in educational process at the University of EMERCOM of Russia

N.O. Leonenko^a, E.I. Ostasheva^b, T.V. Ivanova^c, A.S. Davidenko^c

^a The Herzen State Pedagogical University of Russia. 48, Moyka Emb. (Naberezhnaya r. Moyki), St. Petersburg, 191186, Russian Federation.

^b NPO "Association of Medical (Clinical) Psychologists". 17/B, Zakharevskaya Str., St. Petersburg, 191123, Russian Federation.

^c Saint Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia. 149, Moskovsky prospect, St. Petersburg, 196105, Russian Federation.

Abstract

The article is devoted to scientific rationale of the hardiness development model among cadets, integrated into the educational process at Saint-Petersburg University of the State Fire Service of EMERCOM of Russia.

According to the authors, using this model would help to resolve the existing contradictions between the personality requirements in extreme conditions of their professional activities and practice that ensures the knowledge interiorization up to the level of competence.

The model presents a system of practices distributed throughout all the cadets' studying process in various organizational forms of the educational and out-of-school processes, such as lectures, seminars and practical classes, all types of practices, cultural and educational projects, and psychological support of professional contingents of the State Fire Service of Emercom of Russia.

The main methods are the following: Review and analytical method, document analysis, empirical method, modeling method, and probabilistic method.

The model of the hardiness development is a phased process in which participants research their life world and ways of answering existential questions, development and implementation of resilient practices in activities with subsequent reflection of self-consciousness and self-change experience. The content of the program includes two modules. The first module "Hardiness attitudes" is focused on understanding the universal conditions of human existence, existential data of being, semantic values self-determination. The purpose of the first module is to strengthen existential attitudes - risk acceptance, control, and engagement. The content of the second module is focused on three dimensions. These are psychological (self-knowledge and self-design), social (communicative skills), psychophysical (coping and self-regulation). Organizational forms of implementation the psychological mechanisms for resilience development are cognitive, activity and reflexive blocks.

It is concluded that the use of the hardiness development model in educational process will contribute to the formation and development of psychological readiness of cadets to solve combat problems in extreme conditions by developing the capacity for mature and complex forms of self-regulation at the levels of existential attitude, psychological and psychophysical functioning of the personality, ability to make and implement decisions based on the existing knowledge and experience.

Keywords: hardiness; stress resistance; extreme situations; coping strategies; self-regulation; educational process; professional training; hardiness development model; psychological training of cadets; psychological readiness of employees of the State Fire Service of EMERCOM of Russia.

References

1. EMERCOM of Russia. (n.d.) *Pozhary i pozharnaya bezopasnost': stat. sb. za 2011–2018 gg.* [Fires and fire safety: statistics for 2011–2018]. Moscow: VNIPO MChS Rossii. [Online] Available form: <http://www.vniipo.ru/institut/informatsionnye-sistemy-reestry-bazy-i-banki-danny/federalnyy-bank-dannykh-pozhary> (Accessed: 1st April 2020).
2. CTIF: *International Association of Fire and Rescue Services*. [Online] Available form: <https://www.ctif.org/commissions-and-groups/ctif-center-fire-statistics/news> (Accessed: 1st April 2020).
3. Russia. (2008) *Tekhnicheskii reglament o trebovaniyakh pozharnoy bezopasnosti: federal'nyy zakon ot 22.07.2008 № 123-FZ (s izm. i dop.)* [Technical regulations on fire safety requirements: Federal Law No. 123-FZ of July 22, 2008 (as amended and supplemented)]. [Online] Available form: <https://base.garant.ru/12161584/> (Accessed: 1st April 2020).
4. Shoygu, Yu.S., Gurenkova, T.N., Eliseeva, I.N. et al. (2007) *Psikhologiya ekstremal'nykh situatsiy dlya spasateley i pozharnykh* [Psychology of extreme situations for rescuers and firefighters]. Moscow: Smysl.
5. Ministry of Emergency Situations of Russia. (2017) *Ob utverzhdenii Poryadka podgotovki lichnogo sostava pozharnoy okhrany: prikaz MChS Rossii ot 26.10.2017 № 472* [On the approval of the Procedure for training fire brigade personnel: Order No. 472of the Ministry of Emergency Situations of Russia dated October 26, 2017]. [Online] Available form: <https://base.garant.ru/71833062/> (Accessed: 1st April 2020).
6. Leonenko, N.O., Dmitrieva, E.Yu., Ostasheva, E.I. & Davidenko, A.S. (2019) Training of life-resistance in psychological training of cadets of the university of the State Fire

- Service of the Ministry of Emergencies of Russia to professional activities. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta – The Herald of South-Ural State Humanities-Pedagogical University*. 5. pp. 259–278. (In Russian). DOI: 10.25588/CSPU.2019.75.52.018.
7. Maddi, S. (2005) Creating Meaning Through Making Decision. *Psikhologicheskii zhurnal*. 26(6). pp. 87–101. (In Russian).
 8. Tillich, P. (2014) *Muzhestvo byt'* [Courage to Be]. Translated from German. Moscow: Modern.
 9. May, R. (2001) *Smysl trevogi* [The Meaning of Anxiety]. Translated from English. Moscow: Klass.
 10. May, R. (2014) *Otkrytie Bytiya* [The Discovery of Being]. Translated from English. Moscow: Institute of General Humanities Research.
 11. Odintsova, M.A. (2016) Stresspreodolevayushchee povedenie starsheklassnikov s raznym urovnem zhiznестойкости [Stress-overcoming behavior of high school students with different levels of resilience]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser. Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika – Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 16(2). pp. 191–198. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-2-191-198.
 12. Maddi, S.R. (2004) Hardiness: an operationalisation of existential courage. *Journal of Humanistic Psychology*. 44(3). pp. 279–298. DOI: 10.1177/0022167804266101.
 13. Salikhova, N.R. (2011) *Tsennostno-smyslovaya regulyatsiya zhiznedeyatel'nosti sub"ekta* [Value and semantic regulation of the subject's vital activity]. Abstract of Psychology Dr. Diss. Kazan.
 14. Pilishvili, T.S. & Al Masri, I. (2016) Proactive coping as a personal potential resource in the process of adaptation to new life conditions. *Vestnik rossiyskogo universiteta družby narodov. Ser. Psikhologiya i pedagogika – RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2. pp. 75–83. (In Russian). [Online] Available form: <https://cyberleninka.ru/article/n/proaktivnyy-koping-kak-resursnyy-potentsial-lichnosti-v-protsesse-adaptatsii-k-novym-usloviyam-zhizni> (Accessed: 1st April 2020).
 15. Fominova, A.N. (2012) Rol' kognitivnykh i povedencheskikh navykov v proyavlenii zhiznестойкости [The role of cognitive and behavioral skills in the manifestation of resilience]. *Kontsept*. 8. pp. 46–50. [Online] Available form: <http://e-koncept.ru/2012/12106.htm> (Accessed: 1st April 2020).
 16. Maddi, S. (2002) *Teorii lichnosti: sravnitel'nyy analiz* [Theories of personality: a comparative analysis]. Translated from English by I. Avidon, A. Batustin, P. Rumyantseva. St. Petersburg: Rech'.
 17. Strelnikova, Yu.Yu. (2016) The types of psychological and somatic consequences arising at the employees' of Emercom of Russia in process professional activity. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Psikhologiya – Bulletin of the South Ural State University. Psychology*. 9(1). pp. 55–63. (In Russian). DOI: 10.14529/psy160106.
 18. Bobrishchev, A.A. (2016) Psychodiagnosis forecasting model of personal resources of stress - overcoming behavior of employees of GPS of Emercom of Russia during adaptation to professional activity. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 2(132). pp. 221–226. (In Russian). DOI: 10.5930/issn.1994-4683.2016.02. 132. p221-226
 19. Zemskova, A.A. & Kravtsova, N.A. (2018) Program to improve the resilience and psychological stability of cadets of EMERCOM of Russia to extreme factors in the conditions of imitation of their professional activity. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 70. pp. 42–58. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/70/4
 20. Berdnikov, D.V. & Bobyntsev, I.I. (2011) Correlation of self-regulation of perception functional systems with characteristics and functions of attention. *Saratovskiy nauchno-meditinskiy zhurnal – Saratov Journal of Medical Scientific Research*. 7(4). pp. 791–795. (In Russian). [Online] Available form: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz>

- samoregulyatsii-funktsionalnyh-sistem-vozpriyatiya-so-svoystvami-i-funktsiyami-vnimaniya/viewer (Accessed: 1st April 2020).
21. Leontiev, D.A. & Osin, E.N. (2007) Pechat' ekzistentsializma: empiricheskie korrelyaty ekzistentsial'nogo mirovozzreniya [The stamp of existentialism: empirical correlates of the existential worldview]. *Ekzistentsial'naya traditsiya: filosofiya, psikhologiya, psikhoterapiya*. 1(10). pp. 121–130. [Online] Available form: <https://refdb.ru/look/2530384.html> (Accessed: 1st April 2020).
 22. Leontiev, D.A. & Rasskazova, E.I. (2006) *Test zhiznestoykosti* [Vitality Test]. Moscow: Smysl.
 23. Leontiev, D.A. (n.d.) *Vzroslenie kak stanovlenie avtonomnoy lichnosti: doklad v Institute obrazovaniya Natsional'nogo issledovatel'skogo universiteta "Vysshaya shkola ekonomiki"* [Growing up as the formation of an autonomous personality: a report at the Institute of Education of the National Research University Higher School of Economics]. [Online] Available form: <https://www.youtube.com/watch?v=YjUWxPhJ3m8> (Accessed: 1st April 2020)
 24. Semichov, S.B. (1987) *Predbolezennyye psikhicheskie rasstroystva* [Pre-morbid mental disorders]. Leningrad: Meditsina.
 25. Berebin, M.A. & Vasserman, L.I. (1994) Faktory riska pograniichnykh nervno-psikhicheskikh i psikhosomaticheskikh rasstroystv u pedagogov obshcheobrazovatel'nykh shkol [Risk factors for borderline neuropsychic and psychosomatic disorders among teachers of secondary schools]. *Obozrenie psikiatrii i meditsinskoj psikhologii im. V.M. Bekhtereva*. 46. pp. 12–23.
 26. Sapogova, E.E. (2013) *Ekzistentsial'naya psikhologiya vzroslosti* [Existential Psychology of Adulthood]. Moscow: Smysl.
 27. Bozhovich, L.I. (1968) *Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste: psikhologicheskoe issledovanie* [Personality and its formation in childhood: a psychological study]. Moscow: Prosveshchenie.
 28. Bugental, J. (2001) *Iskusstvo psikhoterapevta* [The Art of the Psychotherapist]. Translated from English. St. Petersburg: Piter.
 29. Leontiev, A.N. (2005) *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Smysl; Academia.
 30. Bernstein, N.A. (1990) *Fiziologiya dvizheniy i aktivnost'* [Physiology of Movements and Activity]. Moscow: Nauka.
 31. Stetsishin, R.I. (2008) Zhiznestoykost' kak akmeologicheskij resurs lichnosti vracha [Viability as an acmeological resource of a physician's personality]. In: Vayzer, G.A. & Volkova, N.V. (eds) *Psikhologicheskie problemy smysla zhizni i akme* [Psychological Problems of the Meaning of Life and Acme]. Moscow: PI RAO. pp. 63–65.
 32. Koroleva, S.V. (2018) Sovladayushchee povedenie kak kriteriyi professionalizatsii spetsialista ekstremal'nogo profilya [Coping behavior as a criterion for the professionalization of an extreme specialist]. *Sovremennyye problemy grazhdanskoy zashchity – Modern Problems of Civil Protection*. 3(28). pp. 57–60. [Online] Available form: <http://ntp.edufire37.ru/wp-content/uploads/2018/12/%E2%84%963-2018-%D0%B3%D0%BE%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%BE.pdf> (Accessed: 3rd February 2020).
 33. Ivanova, T.V. & Lukyanova, E.L. (2015) Psychosemantic distinctions of cadets representations of the emergency situation of with different experience of participation in liquidation of consequences of floods. *Problemy upravleniya riskami v tekhnosfere*. 3(35). pp. 136–140. (In Russian). [Online] Available form: [https://www.igps.ru/Content/publication/documents/probl_upr_3\(35\)_2015_635914183637441250.pdf](https://www.igps.ru/Content/publication/documents/probl_upr_3(35)_2015_635914183637441250.pdf) (Accessed: 3rd February 2020).
 34. Shevchenko, T.I., Astafiev, O.M. & Makarova, N.V. (2011) Comparative study of psychological status in young fire-fighters and students of the fire and rescue college NRCERM, Emercom of Russia. *Sibirskiy psikhologicheskij zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 42. pp. 60–66. (In Russian). [Online] Available form:

- http://journals.tsu.ru/psychology/&journal_page=archive&id=991&article_id=19319 (Accessed: 31st January 2020).
35. Shevchenko, T.I., Makarova, N.V. & Bokhan, T.G. (2013) Stress tolerance of Russia's EMERCOM employees engaged in hazardous occupations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 369. pp. 164–167. (In Russian). [Online] Available form: http://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=889&article_id=1097 (Accessed: 31st March 2020).
36. Makhmudova, M.E. & Pfau, T.V. (2016) Nervno-psikhicheskaya ustoychivost' sotrudnikov MChS s razlichnym stazhem raboty [Neuropsychic stability of employees of the Ministry of Emergencies with various work experience]. *Nauka. Mysl'*. 6(10). pp. 66–69. [Online] Available form: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28288877> (Accessed: 31st March 2020).
37. Abakumova, I.V. & Ermakov, P.N. (eds) (2013) *Psikhologiya formirovaniya antiterroristicheskikh tsennostey studentov sovremennogo universiteta* [Psychology of the formation of anti-terrorist values in students of a modern university]. Moscow: Kredo.
38. Maddi, S.R. & Koshaba, D.M. (2005) *Resilience at work: how to succeed no matter what life throws at you*. New York: AMACOM.
39. Leonenko, N.O. & Pankova, A.M. (2015) *Etnopsikhologicheskie osobennosti i usloviya razvitiya zhiznестойкости studentov* [Ethnopsychological features and conditions for the development of students' vitality]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
40. Morosanova, V.I. (2001) *Individual'nyy stil' samoregulyatsii* [Individual style of self-regulation]. Moscow: Nauka.
41. Kochyunas, R. (n.d.) *Kontury ekzistentsial'noy terapii* [Contours of existential therapy]. [Online] Available form: http://journal.existradi.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=222:2009-08-07-13-42-01&catid=48:11&Itemid=59 (Accessed: 1st April 2020).

Received 14.04.2020; Revised 05.08.2020;

Accepted 19.11.2020

Nataliya O. Leonenko – Associate Professor of the Department of Clinical Psychology and Psychological Assistance, Herzen State Pedagogical University of Russia. Cand. Sc. (Psychol.), Associate Professor.

E-mail: sfleo@mail.ru

Evgeniya I. Ostasheva – Clinical psychologist, NPO «Association of Medical (Clinical) Psychologists». Cand. Sc. (Psychol.).

E-mail: ostasheva86@gmail.com

Tat'yana V. Ivanova – Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of Extreme Situations, Saint-Peterburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia. Cand. Sc. (Psychol.).

E-mail: ivanova_tv@igps.ru

Anton S. Davidenko – Adjunct of the Faculty of Advanced Training, Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia.

E-mail: david88-2004@mail.ru